

А.С. Мельков

**ИСПОЛИН ЗНАНИЯ:
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПРОТОИЕРЕЯ
А.В. ГОРСКОГО**

А. С. Мельков

**ИСПОЛИН ЗНАНИЯ:
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПРОТОИЕРЕЯ
А. В. ГОРСКОГО**

Монография

Москва
«ПАШКОВ ДОМ»
2012

УДК [929:271.22-725](470-25) Горский А. В.
ББК 86.372д (2-2 Мос)-725 Горский А. В.
М48

На вклейке
ректор Московской Духовной Академии,
протоиерей
А. В. Горский (1812—1875)

Рецензенты:

А. А. Курулёнок, кандидат филологических наук, доцент
А. В. Лубков, доктор исторических наук, профессор

Мельков А. С.

М48 Исполни знания : жизнеописание протоиерея
А. В. Горского : монография / А. С. Мельков. — М.: Пашков
дом, 2012. — 259 с. : ил. — ISBN 978-5-7510-0553-5

Агентство СІР РГБ

Монография посвящена личности протоиерея А. В. Горского (1812—1875) — ректора Московской Духовной Академии, выдающегося церковного историка, археографа и педагога. Впервые в отечественной историографии образ протоиерея А. В. Горского предстает во всей своей полноте. В книге обстоятельно изложена биография протоиерея А. В. Горского, исследованы его научные методы, дана оценка вклада ученого в развитие богословия, церковно-исторического и филологического знания в России, вводятся в научный оборот архивные источники, хранящиеся в отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Читатель открое для себя малоизученные страницы из истории русской духовной школы, узнает новые факты, связанные с развитием отечественной науки в XIX веке.

Книга предназначена исследователям истории Русской Церкви, учащимся духовных школ, студентам исторических и филологических факультетов, а также всем, кто интересуется историей русского духовного образования.

УДК [929:271.22-725](470-25) Горский А. В.
ББК 86.372д (2-2 Мос)-725 Горский А. В.

ISBN 978-5-7510-0553-5

- © Мельков А. С., 2012
- © ФГБУ «Российская государственная библиотека», издательство «Пашков дом», 2012
- © Покатов В. В., художественное оформление, 2012
- © Лубков А. В., предисловие, 2012

Предисловие

В наше смутное время торжествующей «идеологии личной успешности», фактически предающей забвению многовековые национально-культурные традиции России и противостоящей им, само обращение к образу выдающегося подвижника, наставника и пастыря, видного деятеля Русской Православной Церкви, ученого и педагога — протоиерея Александра Васильевича Горского (1812–1875), сравнимо с мужественным гражданским поступком. Поэтому нельзя не приветствовать новую расширенную и дополненную редакцию жизнеописания этого удивительного человека, принадлежащего перу А. С. Мелькова, подготовленную издательством «Пашков дом».

Первое издание этой книги, увидевшее свет в 2006 году, привлекло внимание не только специалистов по церковной истории, но и широкого круга читателей, интересующихся прошлым нашего Отечества, его заступниками и молитвенниками, прежде всего высоким уровнем профессионализма автора исследования, проведенного на стыке различных гуманитарных наук, междисциплинарного по своему характеру. Нельзя не отметить и той доверительной интонации, сочетающей в себе достоверность и убедительность в рассказе о внешней канве жизни отца А. В. Горского, и достигнутую глубину и психологизм в раскрытии его богатого внутреннего мира. Последнее, пожалуй, и делает книгу А. С. Мелькова не просто каноническим в своем жанре описанием жизнен-

ного пути и научного наследия ректора Московской Духовной Академии, но и напряженным и поучительным повествованием о метафизике бытия личности. Подлинная история духовного подвига человека, избравшего еще в юности дорогу к Истине и Богу, служение Церкви и людям, предстает на страницах книги как драма жизни с ее падениями и взлетами, борьбой со страстями и преодолением соблазнов и искушений, страданием, терпением и смирением, но еще и надеждой, верой, любовью. И, конечно, большим трудом, творчеством на ниве духовности, просвещения и науки.

Родившись в 1812 году, в разгар Отечественной войны с Наполеоном, в провинциальной Костроме, Александр Васильевич через всю жизнь пронес в своем сердце благодарное отношение к своим родным, близким, к Родине и ее святыням. Он рано нашел свое призвание в учении, в светлой радости общения с книгами, со Словом Божиим, и стал в 25 лет едва ли не самым молодым профессором в истории русской высшей школы, обратив своим ревностным старанием внимание требовательного и строго наставника и выдающегося деятеля Церкви и педагога митрополита Московского Филарета (Дроздова).

Практически вся последующая жизнь и деятельность А. В. Горского связана со старейшим высшим учебным заведением России Московской Духовной Академией, которую он возглавил в 1862 году, став первым ректором Академии из белого духовенства. Оказавшись во главе высшей духовной школы в переломное для страны время Великих реформ и наступавшей секуляризации, протоиерей Горский сумел сохранить и преумножить традиции духовного образования и вписал очень яркую страницу в истории Академии и всего российского просвещения и науки. Воспитание молодежи, ее духовное образование

и стали главной заботой ректора Академии на склоне лет. Его опыт ректорского служения достоин особого внимания и изучения, поскольку именно на этом посту наиболее ярко раскрылся многогранный талант отца А. В. Горского и как администратора и организатора образования и науки, и как выдающегося исследователя в области церковной истории, и как мудрого и доброго человека. Как справедливо отмечает А. С. Мельков в своей книге: «Горский обладал редкими почти исключительными качествами характера: власть не только не испортила его, но напротив, сделала выше и чище». Согласимся — редкое, почти исключительное явление среди тех, кто волею судеб возвышался в суете земной. И, к сожалению, далеко не всегда, был способен открыть и сохранить в себе музыку вечности, оставаясь верным этому своему главному призванию до конца...

Современному читателю будет небесполезно обратиться к опыту и содержанию этого восхождения человека к подлинным ценностям, к постижению смысла жизни православного христианина, открытому всем, но далеко не каждому способному встать на этот тернистый путь нестяжательства, душевной щедрости и простоты.

И вместе с тем, выразим уверенность, что книга А. С. Мелькова, хоть и требует определенной подготовки со стороны читателя, но право же, чтение этого текста заслуживает затраченных усилий. Фактический материал, с которым умело и заинтересованно работает автор, позволяет ему воссоздать объемный и выразительный образ своего героя, вписав его в контекст прошедшей эпохи, органично соединяя его с размышлениями над главными вопросами русской жизни сегодня.

А. В. Лубков,
доктор исторических наук, профессор

От автора

В 2012 году исполняется двести лет со дня рождения протоиерея Александра Васильевича Горского, ректора Московской Духовной Академии, выдающегося священнослужителя, церковного историка, богослова и археографа, обладавшего обширной научной эрудицией.

Имя протоиерея А. В. Горского в наши дни, к сожалению, малоизвестно. Юбилейная двухсотлетняя дата представляет собой счастливую возможность исправить эту несправедливость и одновременно обратить взоры современников на жизнь и труды протоиерея А. В. Горского как талантливого труженика науки, доброго пастыря и одаренного педагога.

Личность протоиерея А. В. Горского неразрывно связана с историей Московской Духовной Академии. Во многом именно ему она обязана своим расцветом и первенствующим положением среди других Академий России, которое она сохранила за собой до самого конца синодального периода. Протоиерей А. В. Горский оказал решающее влияние на широчайший спектр явлений в русской церковно-исторической, филологической и богословской науках, ставших следствием его всесторонней научной и церковной деятельности.

Понять и осмыслить непреходящую роль и значение личности протоиерея А. В. Горского в истории русской Духовной школы, изучить его научный опыт и педагогическое наследие особенно необходимо теперь, когда осуществляется

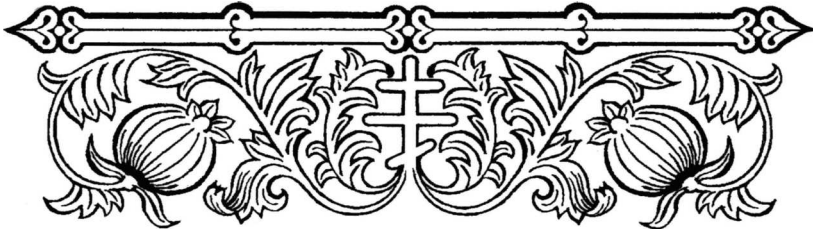
модернизация духовного и церковного образования в России, наряду с реформами образования в общероссийском, государственном масштабе. Такое исследование должно способствовать пониманию специфики отечественного образования, в том числе и духовного, а также выявлению закономерностей развития исторической, церковно-исторической и филологической наук в России.

Через тему «протоиерей А. В. Горский» проходит множество общих вопросов развития как церковно-исторической и филологической, так и собственно исторической науки в России XIX столетия, многие из которых до сих пор еще крайне мало изучены. Здесь также прослеживаются взаимоотношения между светскими учеными и церковными богословами, взаимное влияние друг на друга светской и церковной общности. В наше время в этой теме искренно и правдиво восстает образ русской Духовной школы, выражаемый не так, как ранее — официальными, подцензурными взглядами, с одной стороны, или явно предвзятыми, тенденциозными — с другой. Рассматривать развитие русской церковно-исторической науки, становление отечественной археологии, борьбу идей и мнений в образованном московском и петербургском обществе, содержание проводимых в Российской Церкви реформ в середине — конце XIX века без личности протоиерея А. В. Горского невозможно, в этом лежит еще одно основание необходимости появления настоящей работы.

Книга адресована широкому кругу читателей — учащимся духовных семинарий и академий, студентам исторических и филологических факультетов высших учебных заведений, аспирантам, преподавателям, всем, кто интересуется церковной историей, вопросами славянской филологии и историей отечественного духовного образования.

Выражаю искреннюю благодарность всем своим товарищам и коллегам, в особенности профессорам исторического и филологического факультетов Московского педагогического государственного университета, помогавшими мне советами и наставлениями в работе над настоящим исследованием.

Особые слова благодарности и признательности приношу профессору, доктору исторических наук А. В. Лубкову, чьи ценные советы и рекомендации помогли существенно улучшить настоящий труд и избавить его от многих недостатков.

Введение

*Просим помнить нас, доколе мы живы,
и поминать, когда умрем.*

Из письма А. В. Горского к дяде
17 октября 1830 г.

Настоящее исследование посвящено двухсотлетию юбилею со дня рождения протоиерея Александра Васильевича Горского (1812–1875).

Радикальные изменения, происходящие последние годы как в самой России, так и в отечественной исторической науке — отход от господствовавшего многие десятилетия диктата марксизма и теорий исторического материализма, изменение отношения к Русской Православной Церкви и ее институтам в обществе и научной среде позволяют по-новому, а зачастую и впервые обратиться ко многим вопросам церковной истории, а также к исследованию творческого и научного наследия большого числа высокодаровитых подвижников богословской науки дореволюционного периода,

выдающимся представителем которых, несомненно, является профессор протоиерей Александр Васильевич Горский.

В данной работе подробно исследуется личность А. В. Горского как педагога, священнослужителя и ученого; проводится анализ и дается характеристика его исторических и богословских взглядов, его педагогических интуиций и философских построений; оценивается его вклад в развитие русской Духовной школы, церковно-исторической науки и славянской филологии. Одной из целей настоящего исследования стало создание психологического портрета Горского, выявление специфики его характера и взглядов по различным направлениям многогранной творческой деятельности.

Имеющаяся литература о Горском представляет источниковедческий и историографический интерес. Это обусловлено тем, что такая яркая и самобытная личность как А. В. Горский часто притягивала внимание как многих дореволюционных историков, и не только церковных, так и некоторых послереволюционных исследователей истории Церкви. В результате накопилась довольно обширная литература, касающаяся различных сторон жизни и творчества Горского, и необходим зрелый анализ этого массивного наследия прошлого.

В октябре 1875 года оборвалась жизнь ученого. После его кончины современники внезапно встретились лицом к лицу со спешной необходимостью осмыслить работу умершего, понять его обширную творческую и научную деятельность в целом, его роль в русской церковно-исторической науке, а заодно и многое вспомнить из повседневной жизни почившего.

Широкий поток некрологов и посвященных его памяти статей включил в себя размышления и выводы многих современников о месте покойного ректора Московской Духовной Академии в церковной науке и об итогах его творческого пути. Так сразу после смерти протоиерея Горского образовался первый крупный историографический комплекс посвященных ему работ.

Легко заметить, что литература о Горском первого историографического комплекса начинается краткими биогра-

фическими очерками и характеристиками, напечатанными вскоре после смерти ученого, словами и речами, произнесенными над его гробом. Так, в ряде номеров «Московских ведомостей» за 1875 год протоиерей *С. К. Смирнов* поместил краткую, но обстоятельную биографию Горского, с характеристикой и перечнем его трудов и описание погребения¹. В тех же «Московских ведомостях» архимандрит *Михаил (Лузин)* поместил свое надгробное слово, а *Н. З. (Н. И. Субботин)* — краткие, но ценные воспоминания о Горском². Биография *С. К. Смирнова* и слово архимандрита *Михаила* вошли потом в состав первой брошюры, посвященной «Памяти ректора Московской Духовной Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского», отпечатанной в декабрьской книжке «Православного обозрения» за 1875 год³. В этой же брошюре отпечатаны слова и речи *А. Д. Беляева, В. А. Соколова, Ив. Соколова, А. П. Лебедева, М. Дмитриева, М. Муретова, Д. Ф. Голубинского*. В них изображаются высокие нравственные и христианские свойства почившего и сообщаются важные сведения о его ученых заслугах, об отношении к Горскому митрополита Московского Филарета (Дроздова) и т. п.

Высказали свои суждения о покойном и другие его почитатели. *И. И. Срезневский* вскоре после смерти Горского прочел лекцию о нем⁴. *Т. И. Филиппов* на заседании «С.-Петербургского отдела Общества любителей духовного просвещения» 23 октября 1875 года произнес речь, посвященную памяти Горского. В ней он приводит недлинный перечень дел Горского и дает краткую, но верную характеристику его как ученого руководителя и христианина. Речь была напечатана в «Ярославских епархиальных ведомостях» за 1875 год, потом в 182-й книге «Журнала Министерства народного просвещения», и затем вошла в сборник *Т. И. Филиппова*⁵.

В конце 1875 года *Н. П. Гиляров-Платонов* поместил краткую заметку о Горском в «Современных известиях», перепечатанную потом во 2-м томе его сочинений⁶. Граф *Д. Н. Толстой* опубликовал в «Русском архиве» за 1875 год в форме письма краткую биографию и характеристику Горского, а архимандрит *Григорий* в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских» напечатал

несколько замечаний к биографии Горского, касающихся его рукоположения в священника⁷. Все эти данные, особенно сообщения *С. К. Смирнова*, слово архимандрита *Михаила* и речь *Т. И. Филиппова*, послужили материалом для других биографий.

Во многих духовных и светских журналах в первые месяцы после смерти ученого появился целый ряд его некрологов. Печать спешки (понятной в тех условиях) лежит на этих обобщающих, оценочных статьях. Авторы неизбежно должны были пользоваться узкой и, конечно же, очень несовершенной документальной базой. Плюсом работ являются живые впечатления от общения с Горским и от участия в обсуждении его личности и его деятельности в академической среде того времени. Некрологи о Горском поместили: «Донские епархиальные ведомости», «Минские епархиальные ведомости», «Тамбовские епархиальные ведомости», «Тульские епархиальные ведомости», «Ярославские епархиальные ведомости», «Волынские епархиальные ведомости», журнал «Духовная беседа»⁸.

Биографии Горского были помещены в ежемесячных духовных журналах: «Странник», «Душеполезное чтение», «Православное Обозрение»⁹.

Печатали кратко о смерти Горского и светские издания. По поводу его кончины помещена передовая статья в «Современности» и чуть позже там же — о нравственном характере ученого. Опубликованы некрологи о Горском в газетах: «Гатцука», «Голос», «Домашняя беседа», «Иллюстрированная неделя», «Нива», «Гражданин», иностранный журнал «Polybiblion Revue bibl. universelle» за 1876 год в февральской книжке поместил «Necrologie A. Gorski»¹⁰. Но во всех этих публикациях чего-нибудь нового и важного для характеристики деятельности Горского не сообщается. Только в письме священника *Хойнацкого* и в сообщении студента *Н. В.* «По случаю разборки библиотеки А. В. Горского», а также в статье «А. В. Горский. Несколько личных воспоминаний» *Н. Калининкова*¹¹ есть ценные замечания об отношениях Горского с учениками и учеными, рассказывается о богатстве его библиотеки.

Парадоксом всего «поминального», «некрологического» комплекса является то, что весь этот ценный фактический

материал в большинстве своем не мог быть использован для создания первых обобщающих работ о церковном историке, и часто бывало, что работы о Горском публиковались в разных изданиях практически одновременно.

В конце 1876 года к годовщине смерти Горского появились несколько интересных и важных статей о нем. Авторы их высказывали не только свои личные впечатления или делились воспоминаниями, но уже пользовались бумагами и документами, оставшимися после него. На торжественном акте 10 октября 1876 года ректор Московской Духовной Академии протоиерей *С. К. Смирнов* произнес речь: «Воспоминания о покойном ректоре М. Д. А. протоиерее А. В. Горском», которая была напечатана в «Православном обозрении»¹². В ней, пользуясь неизданным еще в то время дневником и письмами к Горскому его родных, Смирнов изложил биографические сведения о Горском, отметил редкие черты его характера, его религиозность, мистически-созерцательную настроенность. В виде пояснения к своим воспоминаниям он напечатал заметку «Sortes Sanctorum»¹³, в которой старался оправдать различными соображениями и справками обычай Горского узнавать волю Божию по случайно открытым местам Священного Писания. Заметка вызвала статью *П. С. Казанского* «Из моих воспоминаний об А. В. Горском по поводу речи профессора С. Смирнова», напечатанную в следующем номере «Православного Обозрения»¹⁴. Здесь *П. С. Казанский* стремился показать неверность толкования Смирновым упомянутого обычая и изложил несколько своих воспоминаний о Горском. Эта полемика относительно психологического портрета Горского стала первым диспутом в оценке личности историка в зарождавшейся историографии о нем. Дневниковыми данными и перепиской пользовался при составлении своего «Слова», произнесенного в день годовичного поминовения почившего ректора и опубликованного в том же номере «Православного обозрения», *А. Ф. Лавров-Платонов*¹⁵. В нем автор подробно останавливается на выяснении способов приобретения и характеристике научного знания Горского, его религиозной настроенности и отношения к профессорам и студентам.

В 1877 году были напечатаны две брошюры, посвященные памяти Горского, величина которых обратно пропорциональна их достоинству. Это: «А. В. Горский» *А. Д. Беляева* и «К воспоминаниям о скончавшемся в Бозе протоиерее А. В. Горском, написанная и изданная *Е. Н. Воронцом*»¹⁶. В первой работе ученик Горского, *профессор А. Д. Беляев* в кратких, но сильных и метких выражениях характеризует своего наставника как ученого и отличает его религиозно-нравственные черты, а во второй тоже бывший ученик, в напыщенном тоне излагает свои личные впечатления.

После этого статьи, посвященные памяти Горского, появляются редко. В 1879 году профессор *А. П. Лебедев* напечатал «Несколько воспоминаний о покойном Горском как профессоре церковной истории»¹⁷. В своей статье автор пользуется не столько полным курсом, сколько отдельными, неполными вступительными лекциями и конспектами Горского по общей церковной истории. Он говорит сначала о взглядах, симпатиях и научных принципах Горского, старается дать понятие о его научной системе и ее свойствах, о приемах работы историка. Это — первая научная попытка познакомить публику с Горским как с историком. В распоряжении *А. П. Лебедева* был ценный, интересный, неизвестный материал. Здесь читатель знакомится с приемами работы и планами историка А. В. Горского, но мало может судить, как он осуществлял свои задачи, как читал лекции.

В один ряд с указанной работой по научности содержания и времени публикации можно поставить статью профессора *Н. С. Тихонравова* «Горский и Невоструев»; помещена в литографированном курсе его лекций «История древней русской литературы» (1881/82 академический год), но впервые напечатана в юбилейном сборнике, посвященном столетию Московской Духовной школы «У Троицы в Академии», лишь в 1914 году¹⁸. Автор также характеризует Горского как ученого, подробно останавливается на выяснении роли обоих специалистов в деле описания рукописей Синодальной библиотеки и излагает сам ход работ описания. Он познакомился с печатными статьями Горского и рукописными лекциями по русской церковной истории и дал меткую характеристику их. Рассматривал он и черно-

вые бумаги описания рукописей, хотя и не все, и дал общую, мастерски изложенную картину описания.

Значительное место личности Горского отводится в вышедшей в 1879 году работе *С. К. Смирнова*, посвященной истории Московской Духовной Академии¹⁹. Здесь Горский представлен, прежде всего, как высокодаровитый ученый, талантливый лектор и опытный библиотекарь. Нельзя не отметить также наличие библиографии трудов Горского, изданных до 1879 года.

В 1881 году на страницах «Чтений в Обществе любителей духовного просвещения» появилась статья *Н. Троицкого*²⁰. Здесь автор, ученик Горского, публикуя три письма своего учителя к родным, делится воспоминаниями о нем как ученом, профессоре, руководителе и любвеобильном отце ректоре. Речь признательного ученика местами прямо восторженна, дышит любовью и благодарностью, но это не умаляет научного достоинства воспоминаний, так как суждения *Н. Троицкого* подтверждаются архивными данными. Прекрасные воспоминания об А. В. Горском были напечатаны в 1885 году протоиереем *Г. П. Смирновым-Платоновым* в его «Детской помощи»²¹.

В 1887 году в журнале «Воскресный день» был опубликован биографический очерк профессора *В. А. Соколова* «Ректор М. Д. Ак. прот. А. В. Горский»²². Автор излагает кратко биографические данные о Горском, суждения о нем как ученом и свои личные воспоминания. К числу подобных воспоминаний нужно отнести и статью *А. П. Смирнова* «Страница из студенческого дневника», напечатанную в «Душеполезном чтении» за 1891 год²³. В 1892 году в журнале «Славянское обозрение» профессор *Г. А. Воскресенский* поместил статью «А. В. Горский»²⁴, в которой рассмотрел его труды, относящиеся к русско-славянской исторической науке и духовной литературе, и коснулся взглядов профессора на греко-болгарскую церковную распрю. В 1896 году в «Богословском вестнике» помещен труд *С. Г. Попова* «Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский». Здесь автор, пользуясь архивными данными, обстоятельно излагает биографию Горского и дает краткую

характеристику его нравственных качеств. Этот труд был переиздан отдельной брошюрой в 1897 году²⁵.

В 1896 году профессор *Н. И. Субботин* в «Русском обозрении»²⁶ напечатал свои ценные воспоминания о Горском как профессоре, библиотекаре и руководителе, а также часть его переписки.

Новый широкий интерес к изучению личности А. В. Горского проявился в 1900 году, когда исполнилось 25 лет со дня смерти ученого. Это событие стало основанием для появления второго, более зрелого и систематизированного историографического комплекса работ, посвященных личности покойного. Профессор *А. П. Лебедев* в журнале «Вера и Церковь» напечатал свой труд «Протоиерей А. В. Горский, ректор и профессор М. Д. Академии». Немного позднее в 1903 году *он же* в свой обширный труд «Церковная историография в главнейших ее представителях с IV по XX век» включил особую главу «Церковный историк А. В. Горский», где во всей полноте раскрыл его научный метод, талант лектора и дарования археографа. Образ Горского в сочетании с высокими нравственными качествами предстает здесь как самобытное и гениальное явление в русской церковной научной жизни²⁷.

Вся ноябрьская книга «Богословского вестника» за 1900 год посвящена памяти церковного историка А. В. Горского²⁸. Статьи, помещенные здесь вместе с воспоминаниями *А. П. Лебедева*, составили особое юбилейное издание. В этом юбилейном сборнике помещены: краткое описание чествования памяти Горского, слово профессора *Н. А. Заозерского*, а также речи и воспоминания о Горском. Публикация речей начинается биографическим очерком профессора *С. Смирнова* «А. В. Горский», в котором кратко изложены главные события из жизни великого деятеля отечественной науки и суждения о его ученых трудах и руководстве. Автор не только описывает жизнь Горского, но и характеризует ее, старается изобразить внутренний мир профессора. В статье «О заслугах прот. А. В. Горского для славяно-русской историко-филологической науки» профессор *Г. А. Воскресенский* излагает несколько личных воспоминаний и указывает заслуги Горского для филологии. Профессор *В. А. Соколов*

в своих заметках «Из воспоминаний об А. В. Горском» с сильным воодушевлением рисует образ Горского как профессора и ректора, ученого и христианина. Профессор *Д. Ф. Голубинский* в своих воспоминаниях сообщил об участии Горского в деле учреждения в Академии кафедры естественнонаучной апологетики. Профессор *В. О. Ключевский* коснулся самых разнообразных сторон жизни и характера А. В. Горского.

Из документов здесь напечатаны: рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» архимандрита Иоанна (Соколова) (впоследствии епископа Смоленского), апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» Горского, с предисловием профессора *А. А. Спасского*, «Замечания А. В. Горского на богословские сочинения А. С. Хомякова».

В память того же двадцатипятилетия со дня кончины А. В. Горского Императорское московское археологическое общество устроило 1 декабря 1900 года особое заседание, на котором профессор *И. Е. Евсеев* прочитал доклад «Александр Василевич Горский»²⁹. В нем обстоятельно раскрыто, какое значение имел Горский для многих ученых, например для научного наследия *Е. Е. Голубинского*. На том же заседании *С. О. Долгов* прочитал интересные выдержки «Из писем А. В. Горского к Н. К. Соколову»³⁰. В честь отмечавшегося события Московской Духовной Академией был выпущен особый сборник, посвященный памяти Горского. В нем, помимо воспоминаний современников, были впервые опубликованы многие письма из архива ученого³¹.

В 1903 году профессор *С. И. Смирнов* поместил в «Православной богословской энциклопедии» краткую, но обстоятельную статью о А. В. Горском. В 1910 году вышла в свет «История славянской филологии» академика *И. В. Ягича* — обширный труд, посвященный развитию славянской филологической науки. В этом солидном издании упомянуто имя Горского с кратким перечнем его основных трудов в области филологических изысканий. В 1913 году, в преддверии столетнего юбилея Московской Духовной Академии в «Русском архиве» была напечатана статья *Н. Г. Высоцкого* «А. В. Горский в воспоминаниях одного из его учеников»³².

Суровый и судьбоносный для всей России 1914 год был отмечен ярким и светлым событием в истории отечественной Духовной школы. Отмечалось столетие Московской Духовной Академии. В юбилейном сборнике исторических материалов «У Троицы в Академии»³³, представляющем собой издание трудов бывших воспитанников Академии, было опубликовано множество разнообразных воспоминаний, отзывов, впечатлений современников и научных последователей А. В. Горского, посвященных памяти ученого. Были также впервые опубликованы некоторые письма Горского и часть его научных сочинений.

Академическая профессура представлена в сборнике учениками и научными последователями Горского. Профессор *Н. Ф. Кантрев* (при Горском читал историю Русской Церкви) в своей статье «Ректор Московской Духовной Академии протоиерей Александр Васильевич Горский. Из моих личных воспоминаний» характеризует своего учителя как высококонравного и кроткого человека, приводя конкретные житейские примеры в подтверждение этого. Отдельно следует выделить обширную статью священника *П. Постникова* «Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского», в которой обстоятельно изложена биография Горского с учетом данных из всех прежде вышедших о нем работ и воспоминаний. В исследовании имеется также историографический обзор накопившейся к тому времени литературы о Горском. Из документов *П. Постников* также издал важную, прежде неопубликованную работу Горского по истории Русской Церкви «Период патриаршества в Церкви Российской».

Профессором В. А. Соколовым (приват-доцент по кафедре Новой гражданской истории в последние годы ректорства Горского) была опубликована переписка Горского с его другом архиепископом Филаретом (Гумилевским). Соколовым были сообщены и «Отрывки из дневника А. В. Горского», а также «Листок предсмертных распоряжений А. В. Горского». «Духовное завещание А. В. Горского» увидело свет благодаря секретарю Совета и Правления Академии *Н. Д. Всехсвятскому*. В сборнике приводится также переписка Горского с разными светскими и духовными деятелями, с которыми ученый был в дружеских отношениях³⁴.

В том же 1914 году в юбилейном сборнике «Памяти почивших наставников» вышла статья профессора *С. И. Смирнова*, посвященная личности Горского, носящая мемуарный характер. Еще одна работа, изданная отдельной брошюрой: «Храм Императорской Московской Духовной Академии к началу второго столетия ее существования», показывает важную заслугу Горского в деле устройства отдельного храма для Академии. Ее автором является архимандрит *Иларион (Троицкий)*, впоследствии архиепископ Верейский (канонизирован как священномученик Русской Православной Церковью в 2000 году). Много замечательных и ценных суждений о научном характере деятельности Горского и о его критическом таланте встречается у *В. О. Ключевского* в его «Отзывах и ответах», опубликованных в 1918 году. Здесь говорится также о большом вкладе А. В. Горского в дело организации мощного ученого движения в Академии, способствовавшего зарождению критического направления в изучении церковной истории³⁵.

Фактически же юбилейный сборник «У Троицы в Академии» стал последним крупным изданием, куда вошли ценные и серьезные публикации о личности и научных качествах Александра Васильевича Горского. После революции в 1924 году Академия прекратила свое существование, а идеологическая диктатура марксизма в исторической науке не могла допустить и упоминания о самостоятельном, независимом и беспристрастном изучении церковной истории, равно как и об исследовании биографий и творческой деятельности ее выдающихся представителей.

Исследуя данные советской историографии, историк Церкви вынужден неизбежно столкнуться с совершенно новой историографической ситуацией, которая характеризуется полным отсутствием систематических и капитальных исследований по проблемам церковной истории (как русской, так и всеобщей). Поэтому вполне естественно, что в советскую эпоху личность Горского не вызывала никакого интереса и совершенно не изучалась. Однако в эмигрантской среде значение А. В. Горского как ученого было оценено более справедливо.

Но и здесь существует всего несколько работ, касавшихся личности знаменитого ректора-протоиерея. Все они не имели тенденции к специальному изучению биографии и творческой деятельности ученого, а укладывались в систему общего изложения истории русской Духовной школы и отечественной богословской мысли. Прежде всего, необходимо назвать работу *Н. Н. Глубоковского*, питомца Московской Духовной Академии предреволюционной эпохи, профессора Петроградской Духовной Академии, в эмиграции профессора Софийского Державного университета. Его труд, впервые изданный в 1928 году, носит название «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии»³⁶. В этом обширном исследовании, посвященном истории русской богословской мысли, содержится немало сведений о личности Горского. Здесь говорится о его заслугах в развитии церковно-исторических знаний, о понимании им философии истории, личной скромности ученого, его научной школе и влиянии на Московскую Духовную Академию. Глубоковский приводит также библиографию основных работ, посвященных Горскому.

Так же следует отметить капитальный двухтомный труд профессора *И. К. Смолича*, работавшего над своими исследованиями в Германии в 1950—1960-х годах. В его «Истории Русской Церкви. 1700—1917» отводится место для характеристики А. В. Горского в главе о духовном образовании³⁷. Здесь представлены краткая биография ученого, описание его научного метода и отзывы современников.

Ярко и сильно показан психологический портрет Горского в книге выдающегося русского мыслителя протоиерея *Г. Флоровского* «Пути русского богословия»³⁸. Помимо этого, в «Путиях» раскрывается образ Горского как необычайно эрудированного и высокодаровитого ученого, сильного археографа, создавшего собственную научную школу. Здесь показано и его влияние на учеников и последователей, отраженное в трудах последних.

В советской России к личности А. В. Горского обратились лишь в 1962 году, когда исполнилось сто пятьдесят лет со дня его рождения. В «Журнале Московской Патриархии» появилась обширная статья «Протоиерей А. В. Гор-

ский (1812—1962)»³⁹, где анонимный автор кратко, но обстоятельно изложил биографию ученого, указал его заслуги для отечественной исторической науки, дал оценку его научной деятельности и осветил важные черты его характера. Эта публикация проложила путь к повышению интереса к личности А. В. Горского.

В 1977 году вышла в свет статья *Л. П. Жуковской* «Лексика Изборника 1073 года в „Описании рукописей Синодальной библиотеки“»⁴⁰, где автор сделала попытку определить личный вклад Горского в созданный, совместно с К. И. Невоструевым труд по описанию славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Основным недостатком этой статьи стало то, что Л. П. Жуковская, не располагая архивными данными, крайне вольно представила в своей работе историю описания славянских рукописей, несправедливо при этом умаляя роль Горского в столь обширном и трудоемком предприятии.

В 1986 году в юбилейном издании «Богословские труды», посвященном трехсотлетию создания Московской Славяно-греко-латинской Академии, появилась статья священника *А. Салтыкова* «Краткий очерк истории Московской Духовной Академии. Ректор Академии проф. прот. А. В. Горский»⁴¹. Здесь приведена краткая биография ученого и рассказано об устройстве Академии во время ректорства Горского, а также о его участии в реформе Духовной школы 1867—1868 годов. Материалы этого исследования основаны на дореволюционных публикациях, но не опираются на архивные данные.

В 1993 году в энциклопедическом словаре «Христианство»⁴² была помещена статья, посвященная Горскому: приведена краткая биография ученого, дана характеристика его научной деятельности с приложением списка главных трудов и основной литературы о нем.

В 1996 году в «Исторической газете» появилась статья профессора, доктора филологических наук *В. М. Кириллина* — заведующего кафедрой филологии Московской Духовной Академии под названием «Александр Горский и русская археография»⁴³. В своей работе автор, прилагая краткую биографию Горского, подробно останавливается

на истории описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Высоко оценивая вклад Горского в это предприятие, В. М. Кириллин снабжает свою статью обстоятельным исследованием рассматриваемого вопроса с филологических и археографических позиций. Во многом с этой статьей перекликается вышедшая в 1997 году в первом номере «Богословского сборника» работа М. Н. Воробьева «А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве)»⁴⁴. Здесь кратко говорится о заслугах Горского в деле описания славянских рукописей и о его ведущей роли в этом коллективном труде.

В 1999 году вышла монография С. В. Римского «Российская Церковь в эпоху Великих реформ»⁴⁵. Здесь упоминается о роли Горского в подготовке реформы духовного образования 1867—1868 годов. Очень ценно, что автор часто использует архивные данные, в частности переписку ученого с митрополитом Московским Филаретом (Дроздовым).

Несколько публикаций о личности и трудах протоиерея А. В. Горского появилось в 2004 году. Первой из них стала книга *архимандрита Геннадия (Гоголева)* «Великан учености. Жизнь и труды протоиерея Александра Горского»⁴⁶. К сожалению, данная работа обладает слабой научной ценностью. Автор часто и бессистемно ссылается на архивные материалы, упуская из виду то, что многие из них были уже опубликованы еще в дореволюционной периодике. Исследование вообще сообщает мало новых сведений о жизни и деятельности А. В. Горского, основано на уже известных фактах, кроме того, автор практически не использует и не учитывает последние данные историографии по рассматриваемому вопросу, что обедняет работу, в том числе в плане актуальности и научной новизны. Совершенно противоположна книге архимандрита Геннадия кандидатская диссертация *Павла Гайдаренко* — выпускника Московской Духовной Академии 2004 года. Его обширное исследование «Протоиерей Александр Васильевич Горский как исследователь славяно-русской книжности и литературы»⁴⁷, написанное под научным руководством профессора В. М. Кириллина, открыло новые вехи в изучении наследия Горского. Автор вводит в научный оборот ранее не издававшиеся ар-

хивные материалы, на основе которых ему удастся проанализировать методы и приемы, которыми руководствовался Горский при исследовании памятников древнерусской литературы. В работе П. Гайдаренко на фоне изучения деятельности ученого как выдающегося археографа, текстолога, внесшего весомый вклад в развитие отечественного филологического знания, одновременно проявляется светлая личность Горского как педагога и священнослужителя. В небольшой, но емкой статье профессора *В. М. Кириллина* «Научные труды протоиерея Александра Горского и развитие русской археографии»⁴⁸ изложены основные биографические сведения о личности ученого, перечислены его главные труды, кратко изложена история описания Синодального собрания и отмечена значимость этого труда для отечественной науки.

Из вышеизложенного обзора можно сделать вывод, что имеющаяся литература о протоиерее Александре Васильевиче Горском неоднородна. Она начала формироваться из некрологов, воспоминаний, отдельных суждений. С течением времени статьи, посвященные личности Горского, стали приобретать характер все большей научности, начали выделяться различные направления в изучении его жизни и деятельности. Это и чисто биографические очерки, и попытки оценки его научного наследия в области церковно-исторического и филологического знания, оценка и анализ его отдельных трудов, и определение роли ученого в истории Духовной школы России. А в последнее время, при возрастающем интересе к его личности, наряду с исследованием специализированных вопросов (исторической и филологической составляющей трудов ученого) наблюдается устойчивое стремление к всеобъемлющему изучению жизненного пути протоиерея А. В. Горского и его научного наследия.

Несмотря на объем и значимость проделанной работы, следует признать, что полного жизнеописания протоиерея А.В. Горского до настоящего времени не существовало. Именно в создании подобного труда мы видели главную цель, когда десять лет назад приступили к изучению личности Горского. В ходе работы над этой тематикой постепенно стала ясна вся сложность реализации поставленной

задачи, обусловленной масштабом многогранной деятельности ученого, своеобразием его внутреннего мира и перипетиями исторической эпохи, в которой жил и трудился Горский.

Итогом исследований, которые поэтапно приближали издание настоящего труда, стало появление в печати наших статей, как биографического содержания, так и публикаций, посвященных изучению собственно научных трудов Горского, анализу его церковно-исторических, богословских и филологических воззрений, оценке его вклада в развитие отечественной Духовной школы и деятельности как священнослужителя и педагога⁴⁹.

В 2006 году в издательстве Российской государственной библиотеки «Пашков Дом» в серии «Духовные чтения» вышла в свет наша книга «Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского»⁵⁰. В издании подробно изложена биография Горского, исследованы его научные методы, дана оценка вклада ученого в развитие богословия, церковно-исторического и филологического знания в России, введены в научный оборот архивные источники.

Настоящий труд значительно расширяет и дополняет указанное выше издание. В отдельной главе детальному лингвистическому анализу подвергнуты результаты обширной археографической работы Горского (совместно с К. И. Невоструевым) над описанием славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки⁵¹. Изменены структура и название некоторых глав и разделов, расширено приложение, полностью переработаны введение и историографический раздел. Таким образом, жизнеописание протоиерея А. В. Горского представлено в исправленном и дополненном виде.

В основе настоящего исследования лежат многочисленные письменные источники. Архивные источники сконцентрированы главным образом в отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Наибольший интерес представляет фонд самого А. В. Горского (ф. 78). В его состав входят обширные материалы, касающиеся личности ученого. Фонд был создан из документов, хранившихся до революции в Московской Духовной Академии в так называемом «Архиве Горского».

Примечательно, что данный архив практически никак не изучался в советское время, в результате чего многие ценные источники, свидетельствующие о жизни, творчестве и научной деятельности А. В. Горского совершенно не известны исследователям. Нами был подробно изучен фонд А. В. Горского, выстроена структура этого архива и проведена классификация хранящихся в нем дел. Исследование фонда А. В. Горского помогло систематизировать уже имевшийся материал, сосредоточенный в опубликованных источниках, дополнить его новыми, прежде не известными и неопубликованными данными.

Большой интерес представляют дела, относящиеся ко времени учебы Горского в Академии (К. 1. Ед. хр. 1—40). Это — студенческие сочинения и конспекты прослушанных им лекций. Изучение данных документов позволяет увидеть, как формировались в будущем ученом начатки знаний и любовь к науке. Здесь же находится копия прошения митрополиту Филарету о принятии сана священника (К. 1. Ед. хр. 2) и грамота на Орден святой Анны I степени (К. 1. Ед. хр. 4).

Немаловажное значение имеют черновые записи конспектов и материалов лекций, читавшихся Горским в Академии (К. 2. Ед. хр. 5 — К. 8. Ед. хр. 2). На основании их анализа становится возможным понять методологические и историко-философские взгляды ученого, а также педагогические приемы организации учебного процесса.

Богатый материал для настоящего исследования рассеян в письмах. Писем Горского сравнительно немного (К. 21. Ед. хр. 14 — К. 22. Ед. хр. 54). Однако в них содержится богатый материал, позволяющий проследить не только деловую переписку по научным вопросам с разными исследователями, но также воссоздать психологический портрет Александра Васильевича, выявить характер его взаимоотношений с родными.

Гораздо больше имеется писем к Горскому от разных лиц (К. 23. Ед. хр. 1 — К. 43. Ед. хр. 18). Это письма его отца (с приписками матери), сестры, брата и других родственников, которые знакомят с домашней жизнью и атмосферой семьи Горских; письма митрополитов Московских *Филарета (Дроздова)* и *Иннокентия (Вениаминова)*, а также

епископов *Леонида (Краснопевкова)* и *Антония (Казанского)*. Кроме того, здесь сосредоточено множество писем от сослуживцев, бывших учеников, разных ученых, знакомых и друзей, которые повествуют об отношениях их авторов с Горским.

Особое место занимает переписка с *К. И. Невоструевым* (более 500 писем), продолжавшаяся свыше 30 лет. Она содержит ценный материал, касающийся описания рукописей Синодальной библиотеки.

Ценные сведения содержат материалы, относящиеся к деятельности Комитета по преобразованию духовных училищ (К. 19. Ед. хр. 19 — К. 20. Ед. хр. 14), в заседаниях которого принимал активное участие Горский.

При написании работы были использованы документы из смежных фондов. Яркий материал для характеристики деталей заседаний Комитета по преобразованию духовных училищ содержат журналы Комитета за август—сентябрь 1860 года (ОР РГБ. Ф. 316. К. 66). В том же фонде хранится и переписка Горского с *митрополитом Филаретом (Дроздовым)* по данному вопросу. В фонде *М. П. Погодина* находится целый ряд писем этого известного ученого к Горскому (ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 44). Все они носят характер научной переписки и дружеского общения. При изучении вопроса о составлении Горским жизнеописания святых Кирилла и Мефодия были использованы материалы из фонда *О. М. Бодянского* (ОР РГБ. Ф. 36) и *А. Е. Викторова* (ОР РГБ. Ф. 51).

Из опубликованных документов наибольшую ценность представляет «Дневник» Горского, который является исключительно ценным свидетельством его духовной жизни⁵². Это — замечательный источник, по которому возможно реконструировать психологический портрет ученого. Его юношеские записи поражают глубиной и возвышенностью мысли; это подлинно богословский дневник.

Горский начал его писать с 1830 года, когда перешел на старший курс Академии, и продолжил с перерывами до 1840 года. Затем автор вел только отрывочные записи, до самой смерти в 1875 году. Отдельным изданием в печати «Дневник» появился в 1885 году⁵³. Для построения психологического портрета Горского особенно важна первая часть

«Дневника», заключающая в себе выражение его внутренней духовной жизни. Во второй части записаны разговоры с митрополитом Филаретом, размышления относительно реформы духовного образования и тайном влиянии на этот процесс членов императорской фамилии, а также сведения о первых шагах Горского в должности ректора Московской Духовной Академии.

Особую ценность для изучения рассматриваемой темы имеет эпистолярное наследие *митрополита Московского Филарета (Дроздова)* — выдающегося церковного деятеля XIX века. Понять роль и значение святителя Филарета в жизни Горского помогают материалы из следующих опубликованных источников: «Письма митрополита Московского Филарета к А. В. Горскому, «Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843—1867»; «Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету»; «Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам»⁵⁴.

В исследовании использованы также «Письма *Филарета, архиепископа Черниговского* к А. В. Горскому»⁵⁵. По значимости к ним примыкают дневниковые записи *архиепископа Саввы (Тихомирова)*, содержащие переписку этого архиерея за многие годы. В его труде под названием «Хроника моей жизни»⁵⁶ часто упоминается Горский. Большое значение имеет многотомный труд *Н. Барсукова* «Жизнь и труды М. П. Погодина»⁵⁷. В этой серии напечатана переписка ученого с А. В. Горским по различным научным вопросам. Важной является статья *М. Н. Воробьева* «А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве)», где опубликована переписка ученых, позволяющая извлечь немало ценных сведений из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки⁵⁸.

Спустя несколько лет после смерти Горского его ученик Н. Троицкий сказал: «Чтобы написать биографию Горского, надо быть великим мастером»⁵⁹. Следуя столь высокому требованию, мы постарались в настоящей работе приблизиться к этому идеалу настолько, насколько это было возможно.

Глава I В НАЧАЛЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Я воспитан под грозящим жезлом скромности...

А. В. Горский. Дневник

1. «Не красна изба углами...»

одители Александра Васильевича Горского — Василий Сергеевич и Ольга Косминична, коренные костромичи, происходили из духовного звания. Василий Сергеевич — сын псаломщика, или просто дьячка, Успенского городского собора Костромы. Ольга Косминична, в девичестве Соколова — дочь протоиерея при Иоанно-Златоустовской Церкви. В Костроме родители А. В. Горского получили первоначальное образование.

Так Василий Сергеевич Горский сначала обучался в духовном училище, потом продолжил учебу в Костромской духовной семинарии, где закончил весьма успешно философский класс. Вскоре он, как подающий большие надежды, по назначению семинарского начальства и с утверждения

правлящего архиерея Костромской епархии преосвященного Евгения (Романова), отправился «для усовершенствования в познании высших наук и образования к учительским должностям» в Троицкую лаврскую семинарию¹. Проучившись в ней четыре года, окончив полный курс наук, молодой учитель вернулся в 1807 году в Кострому, где в семинарии занял кафедру российской словесности и красноречия. Примерно через три года, вероятно в 1810 году, Василий Сергеевич Горский заключил брак с Ольгой Косминичной Соколовой — дочерью видного костромского протоиерея. Два первых года совместной жизни супруги жили на квартире тестя Василия Сергеевича. Когда же в Успенском Костромском соборе освободилось место священника, В. С. Горский устроился в причт и перешел на собственную квартиру в церковном доме, где жили все клирики собора. Тогда же он оставил свою учительскую должность в семинарии и стал смотрителем в духовном училище, которое размещалось недалеко от собора.

Первым ребенком в семье Горских и стал Александр Васильевич. Он родился 16 августа 1812 года², в самый разгар войны с Наполеоном. Затем родились дочь Юлия и сын Владимир. Все трое были не намного старше один другого, с разницей в два года. Таким небольшим, по тогдашним меркам, семейством и зажили Горские в тихой Костроме.

Вознаграждение, получаемое главой семейства, совмещавшего должность смотрителя духовного училища с преподаванием уроков в семье губернатора и дворянских домах, давало возможность жить безбедно, а при умении таких хозяев, как Василий Сергеевич и Ольга Косминична, иной раз и ограничить себя, соблюдая должную экономию, прокормиться было и вовсе легко. Мудрым советом звучат слова Василия Сергеевича помнить и держаться в жизни того правила, что «благоразумная хозяйственность, чуждая скупости и незнакомая с расточительностью, и при посредственных доходах может устроить самое богатое довольство»³. Это ценное убеждение появилось не путем арифметических соображений и выкладок, а вынесено прямо из самой действительности, проверено самой жизнью.

Должность смотрителя духовного училища Василий Сергеевич занимал недолго: в 1815 году он принял сан священника и был определен к Успенскому Костромскому собору, в ту пору еще не бывшему кафедральным. После этого радостного для всей семьи события жизнь Горских стала еще более спокойной и размеренной. Их дом находился на самом краю высокого берега Волги. Это было двухэтажное белое здание с зеленой лужайкой рядом. В бельэтаже — светлая, просторная квартира соборного священника, а потом протоиерея Василия Горского. Три большие комнаты, чистые обои, сосновые, выскобленные полы, устланные различными ковриками и половиками, по стенам стоит старинная мебель — тяжелые, из дерева стулья, массивные кресла, диван, перед ним круглый стол с узорчатой льняной салфеткой собственного выбора на торгу Ольги Косминичны, на окнах стоят горшки с цветами⁴. Везде все прибрано, все на своем месте. Приятно находиться в такой квартире. На широком дворе у протоиерея Василия — полный хозяйственный инвентарь: сарай, погреба. Все свидетельствовало о благосостоянии дома и его хозяев.

Как видим, по пословице «не красна изба углами, красна пирогами», в доме Василия Сергеевича Горского все было хорошо. Хороши были прежде всего сами хозяева. Оба — люди глубоко религиозные, в особенности Василий Сергеевич. Он никогда не пропускал церковной службы и сильно тосковал, если по различным причинам ему не удавалось присутствовать на богослужении. Еще одной чертой его религиозности являлось всецелое упование на Бога и полная покорность Его воле. Из уст отца семейства Горских исходят слова, свидетельствующие о его истинном благочестии: «так угодно Провидению», «все от Бога», «Божие благословение», «Господь знает», «Господь благопоспешит»⁵. Супруги Горские всегда умели сочувствовать горю и радости человека и всегда были готовы помочь и услужить всякому. Замечательный у обоих ум, не какой-нибудь книжный, фарисейский, а природный, с элементами здоровой рассудительности, был вершиной положительных качеств их добрых и искренних характеров. Недаром многие в Костроме по

семейным делам и проблемам за советом обыкновенно обращались к Василию Сергеевичу.

В домашних порядках Горских все было патриархально, просто. Протоиерей Василий закономерно являлся главой дома, лицом, около которого группировались и сами члены семейства, и все их интересы. Все шло с разрешения отца Василия, с его благословения и непререкаемого авторитета. Свое главенствующее положение он никому никогда не навязывал, но в семье все одинаково хорошо его чувствовали и понимали. При всем этом отношение главы семьи к супруге и детям не походило на домостроевские. Да и невозможны были такие отношения при доброте и мягкости отца Василия и при твердости характера Ольги Косминичны. Гармония во взаимоотношениях супругов достигалась тем, что на семейную жизнь они смотрели как на особое дело Божие, утверждаемое каждым из них ко благу ближних. Поэтому в атмосфере семейной жизни у них проявлялась простота, чинность и торжественность во всем. И если рассмотреть их семейные праздники, то это будут памятные дни церковного календаря: 14 марта — день празднования Федоровской иконы Божией Матери, 8 июля — память Федора Стратилата, Успение, Рождество, Пасха, именины родителей и детей. И это не обычные, как у остальных праздники — пиршества и веселье, а дни тихой радости, времяпрепровождение в обществе родных и знакомых, скорее именно во славу Божию, чем ради разгула и немерного удовольствия. Справлялись такие духовные торжества всегда с особым умилением. Храмовый праздник Федоровской иконы Божией Матери начинался с торжественного богослужения в кафедральном соборе, настоятелем которого являлся протоиерей Василий Горский. Утром к отцу Василию приезжал правящий архиерей, всегда приглашаемый на этот день, и торжественными проводами владыка с настоятелем отправлялись служить литургию в собор⁶. После службы в доме Горских устраивалась обычно для почетных гостей обильная трапеза⁷. Присутствовали архиерей, губернатор, предводитель дворянства, купеческий голова и представители духовенства. Когда же официальная часть заканчивалась, начиналось торжество домашнее, семейное. Являлись все родные, которых было в Костроме у Василия Сергеевича немало, и оставались до вечера.

Наступали дни постов, и ничто не нарушало их святость. Все члены семьи Горского неотлагательно посещали богослужения, относясь к молениям с особым усердием. Посторонние дела откладывались в сторону, нельзя было тревожить себя ничем, даже письмами и визитами родственников. Словом, порядок во всем — именно в таком духе строилась жизнь в семье протоиерея Василия Горского, который справедливо считал, что без надлежащего благочиния не существует счастливо ни одна семья и ни один дом.

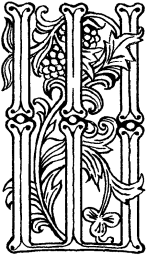
В таких семейных условиях и обстановке протекли детские годы будущего историка Александра Васильевича Горского — Сашеньки, как всегда звали его родители. Воспитывался он «под грозющим жезлом скромности»; рука отеческой попечительности, «всегда опасливой», лелеяла его и в то же время, по собственной его оценке, ковала тяжелые оковы, которые потом глубоко заросли в душу⁸. Относительно своего начального образования Горский так записал в дневнике: «Мое домашнее образование было недолговременно; я скоро понимал, что мне передавали, но, не осуждая моих воспитателей, скажу, что передавали мне пищу не в том виде, в каком требовалось по моим способностям; они держались того застарелого правила: учи, что тебе дано, после подумаешь о том, что выучил»⁹. Учителя не понимали Сашу, видно не понимая при этом самую труднейшую науку воспитания. Впоследствии Горский сокрушался от мысли, что наставники не постарались основать его нравственность на его собственных чувствах, не постарались раскрыть ему веру в Бога и Его святую религию, — веру, которая должна была стать плодом его личных переживаний, а не механически взятым со стороны результатом неустанной зубрежки¹⁰. Горский впоследствии отзывался о своем детстве как о времени ничем не примечательном, лишенном всяких удовольствий: «Таким образом лета моего детства текли тихо, скромно, мертво, меня не выводили ни в какое общество, а дома я жил всегда со взрослыми, и будучи отдален от шалунов, я мало и шалил, кажется никогда не резвился; словом, до поступления в училище я жил как монастырка в своей келье»¹¹.

В возрасте восьми лет Сашу отдали в Костромское духовное училище, где он, при помощи отца, довольно хорошо учился. Его высоко ценили товарищи и особенно хвалили за скромность. Затем, пройдя шестилетний курс в училище, Горский перешел в Костромскую духовную семинарию.

2. В святилище русской богословской науки

Новая эпоха моей жизни — поступление в Академию.

А. В. Горский. Дневник

ли один за другим годы. Горский был уже на философском отделении Костромской семинарии и держал перед летней вакацией экзамен, готовясь перейти на богословский курс. Но весной 1828 года жизнь юного философа Александра Горского приняла совершенно иной поворот, к полной неожиданности для него и его родителей. Вопреки семинарским порядкам, он прямо из философского класса, минуя богословский, назначен был для продолжения образования в Московскую Духовную Академию.

Дело было в том, что 1828 год в Московской Академии был «курсовым», то есть таким, когда студенты, заканчивая обучение, покидали духовную школу, а другие в нее поступали. Академическое Правление, проявляя заботу о наборе новых слушателей, на своем собрании постановило «вытребовать пятьдесят воспитанников из семинарий Московского и Казанского округов» и «при истребовании из упомянутых семинарий воспитанников дозволить семинарским правлениям избирать на сей предмет учеников из среднего отделения, буде в высшем не найдутся ученики к тому способные»¹². 7 июля 1828 года от Комиссии духовных училищ последовало в Академию на постановление Правления согласие, в силу чего от Академии было сделано по семинариям соответствующее распоряжение и определено, чтобы выбор воспитанников в состав академического курса в семинариях: Рязанской, Тульской, Ярославской и Костромской поручить назначенным туда ревизорам. Ревизором Костромской духовной семинарии был назначен бакалавр Академии иеромонах Афанасий (Дроздов) (впоследствии архиепископ Астраханский и Енотаевский).

Прибыв в семинарию 11 июля, ревизор в течение недели до 18 числа выполнил главное свое дело. Он отрапортовал в Академию, что произвел испытания воспитанников, рассмотрел их сочинения, ознакомился с воспитательной и экономической частями семинарии, сделав необходимые замечания и распоряжения. Именно на этих экзаменах иеромонах Афанасий и заметил выдающиеся способности ученика Александра Горского. Самому ревизору Горский отвечал четыре раза: 11 июля по греческому языку, 12-го — по философии, 13-го — по математике, 14-го — на публичном экзамене. Отвечал он всегда так удачно, что после окончания экзаменов в разрядном списке был указан первым. Когда же в богословском классе не оказалось достойных для перевода в Академию учеников, выбор ревизора пал на Горского. Правда, в августе Семинарское Правление предлагало к переводу в Академию еще двух воспитанников предстоящего выпуска, но это прошение в Академии было отклонено. Таким образом, Александру Васильевичу выпал счастливый жребий одному представлять Костромскую семинарию на вступительных экзаменах в Московской Духовной Академии.

Узнав о своем зачислении, Горский, будучи 16-летним юношей, не совсем осознал важность произошедшего и воспринял это известие легкомысленно и самонадеянно. Он предавался мечтаниям об академической жизни, о том, как он будет принят в Академию. Зато удивлению и душевным переживаниям родителей Горского не было конца. Ведь их сын был еще слишком молод, духовные силы и нравственные качества его еще не вполне сформировались, а тут его посылают в Московскую Академию, в святылице русской богословской науки, где он должен будет пройти вступительные экзамены и не такие, как в родной семинарии — в присутствии знакомых преподавателей, а серьезную проверку полученных знаний перед целым сонмом маститых ученых профессоров по всем правилам строгости. И не так беспокоил родителей отъезд Сашеньки за сотни верст от дома (он дальше Костромы никуда не выезжал), как предстоящая жизнь сына в новой среде, в новой обстановке.

Месяц летних каникул, полагавшийся семинаристам, прошел для родителей Александра в заботах. И вот в середине августа, подготовив все необходимые документы, нарядившись в новый, выданный от семинарии костюм: суконный сюртук, казинетовые брюки, белую на шею косынку, сапоги и картуз, отправился Александр Васильевич в путь.

Горский прибыл в Академию один. Ждать экзаменов пришлось недолго. К 15 августа все абитуриенты по распоряжению Академического Правления должны были быть уже на месте, а 18 августа начались вступительные экзамены. Первый экзамен состоялся по латинскому языку, тема рассуждения звучала так: «Num ratio, quae Lux veritatis et dux vitae nuncupari solet, hominem ad veram sui destinationem perducere que[r]at?»*. 20 числа сдан экзамен по богословию (которого Горский в семинарии не успел изучить), 21-го было написано сочинение по русскому языку на тему «Что значат и чем между собой различаются человек плотский, душевный и духовный?»¹³. В последующие три дня проходили испытания по философии, греческому и еврейскому языкам. На всех экзаменах присутствовали все семь членов Правления. С честью выдержал эти серьезные испытания молодой Александр Горский и оказался в числе принятых в Московскую Духовную Академию студентов.

В Академии преподавал земляк протоиерея Василия Горского профессор философии Федор Александрович Голубинский. Его доброму вниманию и надзору поручил заботливый отец своего шестнадцатилетнего сына. Василий Сергеевич пишет другу-профессору: «Высокопреподобнейший отец, неизменный благодетель! Федор Александрович! Через двадцать один год с тем единственно ехал я в лавру, чтоб лично поручить Вашему отеческому покровительству незрелого сына: между тем Вы видите его без меня: — и первый взор Ваш ясно проникает, как рано молодое деревцо с отечественного грунта пересажено в вертоград, требующий и возмужалости и крепости. Так суждено начальством, так угодно Провидению! Не смею пререкать ни тому, ни

* «Может ли разум, который есть свет истины и руководитель жизни, как он имеет обыкновение называться, человека к познанию истины сам по себе привести?» — *Здесь и далее примеч. авт.*

другому. Но я до тех пор утрашался за сына моего предлагающего ему поприща, доколе не успокоил себя мыслию, что в Вашем Высокопреподобии буду иметь искусившегося по-премному путеводителя. Добротою сердца Вашего умоляю Вас принять неопытность в Ваше опытнейшее водительство. Полной вашей воле вверяя участь сына, я не сомневаюсь в его счастья и моем спокойствии. Не исчисляю нужды, его ожидающие, потому, что оставляю его в безусловной его к Вам преданности. Ваше слово, Ваш взор, Ваше желание, Ваша мысль — для него правило. Среди множества Ваших занятий не отрекитесь осчастливить его Вашим бесценным для него вниманием. Все то признаю я для него полезным и нужным, и священным, что Вы ему назначите, что Вы от него потребуете. Вот чем ограничиваю мою всепокорнейшую до вас просьбу. Не более осмелился я желать от Вас и беспокоить Вас при личном моем свидании»¹⁴. Это письмо очень важно как документ, установивший будущие отношения студента Горского со знаменитым профессором. И Федор Алексеевич в продолжение всей учебы Горского в Академии был настолько к нему добр, что всегда помогал в учении и советом, и наставлениями, радушно принимал в своем доме и знакомил с нужными людьми. Видя такое теплое, отеческое расположение к их сыну, родители Горского в письмах глубоко благодарили Голубинского за это внимание, а Ольга Косминична даже присылала его супруге сладкие гостинцы.

Первые дни жизни Горского в Академии прошли быстро и незаметно. Но не сразу привык молодой студент к новой для него обстановке. «Сначала я и здесь держался той нитки, которой конец был крепко привязан к Костроме, довольно прошло времени, доколе меня не вывели на круг более просторный и более свободной деятельности; всякий шаг я делал с робостью; несколько ободряло меня то, что я имел здесь людей ко мне благорасположенных и между начальниками и между студентами»¹⁵, — записал Горский в дневнике о времени своего первоначального пребывания в Академии.

Как старательный студент, свое академическое образование Горский начал с ревностного изучения наук. Внима-

тельно слушал он профессоров и «почти никогда не оставался в номере на время лекций»¹⁶. В то время академическая наука только начинала самостоятельно развиваться¹⁷, а наставники были все еще стеснены рекомендованными им учебниками и нередко строгой цензурой митрополита Московского Филарета (Дроздова). Но многие преподаватели старались заинтересовать студентов, составляя собственные записки, пользуясь лучшими, недавно выпущенными пособиями. Особенно охотно слушали студенты лекции Ф. А. Голубинского. Горский же настолько полюбил историю философии, что буквально записывал профессора слово в слово. Другим его любимым предметом была всеобщая гражданская история. Ее читал бакалавр Ф. А. Терновский-Платонов, который увлекательно и красноречиво излагал свой предмет¹⁸. Он старался глубже взглянуть на рассматриваемую проблему, основательнее раскрыть причины различных исторических событий. Именно эту особенность подметил Горский и увлекся лекциями талантливого бакалавра. Александр Васильевич не только старательно конспектировал их, но и повторял взгляды Терновского-Платонова в своих студенческих сочинениях.

Ревностно трудился молодой студент. Но рано, на два года раньше обычного срока, поступив в Академию, с неполным даже запасом семинарских знаний, Горский не сразу проявил себя. И в Академии Горскому учиться было сперва нелегко. Он ведь вовсе не изучал богословия в семинарии и должен был изучать в первый раз то, что другие учили уже во второй. Характерны и оценки, выставившиеся за экзамены Горскому в первый год его обучения в стенах Московской Духовной Академии. На декабрьском экспромте (1828 года) по логике бакалавр Д. Новский написал только: «Есть нечто, что относится к делу», а профессор, читавший семестровое сочинение по философии, поданное в том же году, отметил: «Есть надежда». Особенно удалось Горскому майское (1829 года) сочинение по гражданской истории, написанное на тему «Какой из известных образов правления ближе природе, следовательно, лучше и употребительнее?»¹⁹. Проверивший работу Терновский-Платонов похвалил автора и отметил высшим баллом: «По основательности мыслей,

правильности расположений и довольной обработанности слога — рассуждение очень хорошее»²⁰.

Несмотря на трудности, первый год учения Горского закончился сравнительно успешно. Тогда каждый профессор составлял разрядный список по своему предмету, и после летних (июньских) экзаменов Александр Горский был записан: бакалавром гражданской истории — восьмым студентом с отметкой «отлично»; у профессора греческого языка — вторым; в разрядном списке по немецкому языку — одиннадцатым; на частных испытаниях — шестым; на публичных — пятым²¹.

В следующем учебном году Горский добился более высоких результатов. Декабрьское (1829 года) сочинение по логике «О суждениях здравого разума», хотя и получило определенное количество замечаний, но отмечено как написанное довольно «основательно»²². Сочинение по философии на тему «Из начал философских какое можно вывести справедливое заключение о внутреннем после смерти состоянии той души, которая в течение настоящей жизни приобрела дурные наклонности» понравилось опекавшему Горского Ф. А. Голубинскому, который нашел здесь «слог чистый и живой»²³. Лучшими снова оказались сочинения по гражданской истории. Чтобы заинтересовать студентов предметом, Терновский-Платонов осенью 1829 года дал им тему «К чему служит знание всеобщей гражданской истории для служителей Церкви?». Горский увлекся вопросом, высказал в сочинении свои юношеские взгляды на значение истории, и труд его был высоко оценен преподавателем: «И мысли и слог цветущи; несомненно, можно ожидать плода. Довольно изрядное рассуждение»²⁴. Также удалось Горскому и «Рассуждение о том, по каким причинам римляне обратились от республиканского правления к монархическому?», поданное в марте 1830 года. «Рассуждение по основательности мыслей, правильности расположения их и обработанности слога — очень хорошее. Из многих исторических подробностей видна в сочинителе охота заниматься чтением книг исторических», — написал Терновский-Платонов и оценил работу высшим баллом. На это сочинение обратил внимание ректор, который

отметил: «Встречаются нередко выражения, более свойственные красноречию, нежели истории»²⁵. После весенних испытаний 1830 года за успехи в сочинениях и науках Горский четвертым по успеваемости был переведен из низшего отделения Академии на высшее²⁶.

В то время в Академии на преподавание богословских предметов было обращено особое внимание. Догматическое богословие Горский слушал у ректора архимандрита Поликарпа (Гайтанникова), который составил подобие конспекта по своему предмету. В них богословские положения отец ректор подкреплял свидетельствами святых отцов Восточной Церкви, и этими выписками по очереди занимались студенты старшего курса²⁷. Нравственное, полемическое и пастырское богословие читал инспектор Академии отец Евлампий. Конспекты его, растянутые, написанные тяжелым слогом, не нравились ни студентам, ни самому митрополиту Филарету, от которого преподаватель постоянно получал выговоры. По истолковательному богословию часто менялись бакалавры: отец Платон Казанский, отец Филарет (Гумилевский), и преподавание велось бессистемно; церковную словесность читал Андрей (Феогност) Лебедев. Но особенно незавидным было положение церковной истории. Бакалавры менялись два раза в год (среди них были Ф. А. Терновский-Платонов и отец Филарет (Гумилевский)). Отзывы современников об их преподавании различны. Так П. С. Казанский говорил, что Терновский-Платонов за плохое преподавание церковной истории был переведен на гражданскую²⁸. А вот талантливый отец Платон Казанский, по «своим побуждениям», за которые и пострадал, вместо церковной истории читал сочинения госпожи Гион, Юнга, Шиллинга и других им подобных. Будущий известный историк Церкви отец Филарет (Гумилевский) (впоследствии архиепископ Черниговский) в начале своей ученой деятельности не мог еще ничего сделать важного для изучения истории, так как не обладал пока необходимыми для того знаниями и эрудицией²⁹.

Первый год (1830) пребывания Горского на высшем отделении был годом холеры, эпидемия которой захлестнула даже Москву. Занятия в Академии сократили, многие сту-

денты уехали домой, а те, что остались, разместились просторнее, многие исповедались и причастились. Пользуясь свободным временем, Горский усиленно работал над сочинениями, но занятия эти вызвали глубокое беспокойство в Костроме. «Из прежнего твоего письма, — писал ему отец 21 апреля 1831 года, — приметно, что у тебя часов нет свободных, не только дней. Как и чем облегчить твои недосуги? Данные для рассуждений предложения, кажется, не так сухи, чтобы требовали слишком многого мозгому. Совет мой старинный и обыкновенный — громадой не удивишь, всего не выкопаешь»³⁰. Покорный обычно воле родителей, Горский на этот раз послушался. Он продолжал усиленно заниматься. Две проповеди были особенно хороши, чему сердечно радовался и отец в Костроме. Сочинения «О всеобщности Провидения», «Разбор 103 псалма», «Рассуждение о том, нужно ли проповедникам Слова Божия заботиться о красоте своих поучений, и ежели нужно, то в какой степени» и «Рассуждение о признаках времени скончания века»³¹ — обширны, доказательны, написаны хорошим языком и удостоились похвалы профессоров и ректора. Слабее других оказались сочинения будущего историка по самой истории. Рассуждения «Как произошло то, что христианские писатели начали употреблять в своих сочинениях божества языческие и можно ли сие употреблять?» и «Почему во времена Иисуса Христа и апостолов было более, нежели прежде и после, бесноватых?» (это последнее сочинение подано 5 июня 1832 года) — ригористичны, написаны не совсем ясно и определенно³². Этими работами и закончились академические труды студента Горского. Курсовые, то есть выпускные, работы тогда еще не писали, а из семестровых сочинений выбирались начальством лучшие и отсылались в Синод. Таким образом, учеба Александра Васильевича в Академии завершилась.

В итоговом аттестате Горского сделаны следующие отметки: «В науках богословских, философских, в словесности церковной и всеобщей, в истории церковной и гражданской на окончательном испытании оказался успевшим отлично хорошо; в языках: еврейском, греческом, немецком и французском — очень хорошо, — при способностях

отлично хороших, прилежании постоянном и поведении прилежном»³³. Таким образом, несмотря на определенные неудачи Горского в письменных работах по истории, по совокупности за свои сочинения и устные ответы на экзаменах он был удостоен степени магистра и занял в разрядном списке окончивших Академию третье место. Два первых магистра: Тимофей (в монашестве Филофей) Успенский и Стефан Протопопов были оставлены бакалаврами при Академии. Горскому же по ходатайству Ф. А. Голубинского было предоставлено освободившееся место профессора церковной и гражданской истории в Московской духовной семинарии, где с 29 августа 1832 года и началась его служебная деятельность.

Александр Васильевич был ревностным студентом. Стрательно посещал он лекции, внимательно прослушал полный курс академических наук. Из Академии он вынес значительный запас знаний и привычку к труду, умение трудиться, пользоваться знаниями, тянуться к ним, мыслить, наблюдать, анализировать. Но что особенно важно, в Академии любил Горский науку, проникся особым уважением к знаниям. Свои взгляды он изложил в письме к Евсевию Орлинскому, своему товарищу по Академии, впоследствии архиепископу Могилевскому. Письмо это было написано, когда Горский был уже профессором Академии: «Кроме монашествующих, по семинариям, право, очень немногие имеют средства и охоту далее расширять область своих познаний, чем в какие пределы она была приведена в Академии. Сколько уносят с этого поля дорогих цветков вихри житейские? Сколько выходявших отсюда с богатыми надеждами остались неудовлетворенными, когда выходили из-под могучего влияния духа соревнования, которому негде развиваться в тесном кружке семинарии. Право, друг мой, не знаю, не обманываю ли я себя, но мне кажется, что Академия наша немало трудится и немало поощряет к трудам, кажется, гораздо более, чем семинария, какая бы она ни была. Будь ты сам пламенный ревнитель трудов просвещения, будь ты сам здесь, я уверен, сердце твое еще бы более расширилось на деятельность. Каких трудов будет жалко, когда знаешь, что найдешь не одного, а нескольких людей с душой, которые

поймут эти труды, воспользуются этим приобретением, передадут его другим, пойдут сами за этими открытиями к новым и сообщат их нам, когда мы уже, может быть, не в состоянии будем продолжать далее наши исследования? Утешаясь этой мыслью, усталая голова вновь приободряется, утомленная рука еще раз омокает перо, и труженик просвещения празднует всенощное бдение в честь истины. По этому-то преимуществу влияния Академии на ревность трудящихся желал бы, чтобы как можно скорее приютились под кровом ее люди многообещающие»³⁴.

3. Бумага — верный друг, буквы — история сердца

Духовной Академии у Горского начали вырабатываться серьезные взгляды на жизнь, запросы, нравственный характер, во многом определившие его дальнейший жизненный путь. Юным шестнадцатилетним семинаристом, жившим в тихой, «монастырской» Костроме, поступил он в Московскую Духовную Академию, располагавшуюся в стенах Свято-Троицкой Сергиевой лавры. Знакомство с новыми людьми и их влияние на его внутренний мир и мир внешний, церковный глубоко тревожили и волновали душу молодого студента. «Душа, как воздух, вечно в движении, как море, вечно зыблется; каждые сутки — свой прилив и отлив чувствований. Каждое утро, едва открываю глаза мои, множество предметов, близ меня находящихся и отдаленных, относящихся к моему долгу или пользе, важных и незначительных, втесняются неудержимо в мою душу: это начало прилива! Он возрастает с течением дня; наконец вся пустота души наполняется; каждая сила ее — волею и неволею — набирается этой соленой морской воды досыта; душа чувствует свой груз, тяжесть и утомление; начинается отлив — обратное стремление, возвращение к прежней точке своего существования; силы стягиваются к своему центру, запас собирается и разлагается, душа в покое отвне, — деятельна внутри»³⁵ — так записал в своем дневнике Горский летом 1833 года. Опасное наступало время для него, пробуждалось самосознание, юноша нуждался в поддержке, сочувствии и духовном руководстве.

Большое участие в становлении Горского принимал Ф. А. Голубинский, «давая советы и наставления относительно занятий и письменных работ, путь ему показывал, в пути его предвещал и на пути его поддерживал»³⁶. Но этого попечения для чуткой души Горского было недостаточно. Были у него друзья среди студентов, правда, очень немногие. Даже студент Дмитрий Гумилевский (в монашестве Филарет), рекомендованный Ф. А. Голубинским, не сразу стал другом Горского.

«Неясные, неопределенные черты души его не сделали на меня живого впечатления, потому я скоро мог отстать от него»³⁷, и только впоследствии Александр Васильевич близко сошелся и подружился с отцом Филаретом. С однокурсником Иваном Ивановичем Смирновым Горский делил все свободное от занятий время. Случались между друзьями ссоры, но они тут же мирились и продолжали по-ребячески резвиться. С этим своим товарищем и провел Горский первые два года в Академии. Потом И. И. Смирнов окончил курс, и он остался один, как писал в своем дневнике, — и притом среди людей, далеких ему по духу, оттого его часто одолевала скука. «Ненасытимый огонь пылал, пищи не было»³⁸.

Из этих личных свидетельств Горского видно, что в душе его происходило брожение. Он искал любви, сочувствия, дружбы. «Скучно одному: хотелось бы иметь поближе человека, который бы мог наполнить пустоту души. Мне ничего другого от него не хочется, как только того, чтобы он оживлял меня в часы уныния и душевной бездеятельности, чтобы был мне указателем во всех случаях моей душевной жизни, возбуждал, умерял, разогревал, охлаждал, когда нужно то и другое. Не нужно мне его остроумие, охота много говорить; нужно доброе сердце и опытность в делах сердца, простота, искренность. Я бы приходил к нему отдыхать, освежаться после пыльной работы. Мертвые друзья не всегда говорят на вопрос»³⁹.

И действительно, расставаясь с живыми друзьями, Горский обращается к «мертвым» — к книгам и ученым занятиям. Не имея возможности пересказать свои чувства в беседе с близкими людьми, он хочет изливать их «по крайней мере, через перо, через бумагу. Бумага — теперь мне верный друг. Буквы — история сердца моего; и как непрерывна деятельность последнего, так пусть будет непрерывно мое очертание самого себя; я хочу испытывать и замечать себя на всех точках»⁴⁰. С этой целью Горский начал вести дневник, куда он записывал важные мысли и переживания, своему дневнику он всецело доверял личные радости и горе. Это можно назвать исповедью бедного, прекрасного, тоскующего сердца.

Душевное брожение, нравственную неудовлетворенность — вот, что переживал и чувствовал Горский в годы

студенчества и в начале своей профессорской деятельности. Он искал путеводной звезды своей жизни, старался определить ее цель. «Уже начав курс своей судьбы, могу ли не сказать себе, не должен ли сказать себе: трудись, соблюдай наблюдения и уроки для звания, предназначенного тебе Богом; сравнивай примеры действующих уже там, где ты хочешь действовать; извлекай для себя наставления, переносись чаще в сию область будущего; вызнавай тщательнее его от тебя требования; заготовляй исподволь, издали, заблаговременно, чем удовлетворить оным; вооружайся против опасностей; предотвращай тяжесть убожества и оскудения, могущих тебя постигнуть, запасливим собиранием и накоплением нужных тебе сокровищ внутреннего достояния: добрых правил, полезных опытов, благоразумных планов на все случаи»⁴¹.

Эти строки ясно показывают, каких высоких принципов решил придерживаться Горский в своих занятиях историей, в своих педагогических стремлениях и личных взглядах на окружающую его действительность. «Вот в таких-то мыслях я взял перо, чтобы начертить в заглавии нарочито сшитой тетради: Мои фантазмы. Назвал сии желания и мечты преобразований и сии планы и наставления для себя в будущем — фантазмами, потому, что истина будущего и предначертания преобразований, имеющих непременно совершаться, могут быть только в уме Того, Кто действует выше, нежели человеческой силой. Так, виват, мои фантазмы!»⁴²

В Академии у молодого Горского проявился интерес к «мистической» стороне христианства. «В его религиозном облике было немало черт Александровского времени: внимательность к снам и приметам. Поверх этого западного мистического влияния ложится отеческая волна. И она была сильнее»⁴³. Это было влияние отца Филарета (Гумилевского), с которым Горский вновь сошелся спустя несколько лет после первого знакомства. И уже теперь на долгие годы их соединила нежная дружеская приязнь и общая страсть к исторической науке. А когда друзья стали служить науке вместе, занятия историей сделались для них насущной пищей. Сначала они сблизились на ученой основе, вспоминая впоследствии о долгих беседах на историче-

ские темы, о часах, проведенных вдвоем над рукописями или старопечатными книгами. Но сближение пошло глубже. Именно отец Филарет ввел Горского в мир отеческого любомудрия и аскезы, когда учил его духовной мудрости и работе над собой, говоря о том, что «в ученых рассуждениях всего более нужно спокойствие души, естественный ход мысли, предоставленный управлению размышляющего рассудка... И в ученых рассуждениях о предмете дорогом не для одного рассудка, но и для всей души, неестественно оставлять в бездействии чувство»⁴⁴. Ведь нельзя было забывать, что «дело спасения начинается в нас... именно сокрушением сердечным, крепким самопогружением и стеснением воли, мыслей и чувств»⁴⁵. Филарет постоянно предостерегал мечтательного друга от умозрительных увлечений, от того почти гностического духа, которым можно было так легко заразиться из немецких книг. Филарет учил Горского именно «духу практической церковности и канонического послушания. Остерегал его подчинять веру доводам науки, остерегал и от самой книжной страсти, — опасной, как и всякая страсть. „Вкусите и увидите“ (Пс. 33: 9) — вот способ знания христианской религии: таинства и молитва. И этот урок Горский твердо запомнил»⁴⁶.

Намечая дело своей жизни, Горский задумывался над средствами к его совершению. С этими сокровенными думами, исполненными глубокой самокритикой и самым внимательным отношением к себе, знакомит нас другой листок из его дневника: «Наука, которою я занимаюсь, приводила меня ко многому. Люди, которые меня окружают, намеренно или ненамеренно сообщали мне добрые желания. Домашняя моя молитва была весьма недостаточна. Весьма часто ложился я и вставал без надлежащей молитвы. Это еще бывало, что иногда несколько минут поутру или повечеру, ходя один, внутри себя я обращался ко Господу, просил Его света, подкрепления, очищения грехов моих. Мне даже казалось, что нет особенной нужды в соблюдении принятых форм молитвы, например чтения известных молитв, предстоянии, преклонениях. Поста или особенного воздержания от пищи тоже не было...

Молитва в храме — нередко холодная и развлеченная. Если же и случалось иметь усердные возбуждения, то тщеславию силилось их подавить. Оно овладевало душою, как скоро прекращалась молитва, внушало, что я делаю немного для души своей; старался я ограничить его, но не более мыслью, нежели самым делом. Услаждение от доброго дела было приятно для моего самолюбивого сердца... Так ли надобно жить с Богом? Так ли помнить Его? Так ли служить ему?

Стану ли разбирать дела свои по общественным обязанностям — найду их не в лучшем положении. Корень их — не желание угодить Богу, прославить Его, но иногда мертвое чувство долга, иногда еще хуже — побуждения любочестия. Часто ли желание тем или иным путем привести к ясному познанию Бога Всеправителя, Преблагого и Святого? Не всегда ли и во всяком случае примешивалось собственное самолюбие? Сколько притом нарушений долга по различным обстоятельствам, которые часто бывают в руках наших и которых благоприятное или неблагоприятное расположение для нашего блага зависит много от нас самих? Медленность в делах, нестрогое исполнение требований обязанностей, уклонение от дел долга к делам нравящимся — не такие ли это пороки, в которых совесть меня обличает?

В сношениях с другими всегда ли сохраняется в памяти моей, что ни одно слово гнилое не должно исходить из уст моих? Неуместные шутки, разговоры о пустом, неблагоприятные отзывы о других не оставляют ли лучшее время препровождения в обществе? Как не словоохотлив язык на беседу душеполезную? А неискренность? А в сердце? Сколько чувств зависти, ревности, гордости, самомечтательности, капризов, упорства, своенравия!»⁴⁷

Эти строки своеобразной исповеди убедительно показывают, что Александр Васильевич внимательно следил за собой, много думал о том, как лучше устроить свою жизнь, угодить Богу и людям, часто был недоволен собственным внутренним душевным состоянием. Горский много рассуждает о том, как лучше направить душевные силы, чтобы жизнь его была служением Богу, служением деятельным, радостным, плодотворным. Он много думал над тем, какой именно род деятельности даст ему возможность лучше слу-

жить Богу. «Единственное звание, к которому располагает меня и рождение, и воспитание, и образование, и любовь, и достоинство — есть духовное звание», — записал он в дневнике, где рассуждал о трех видах служения: ученое, белого духовенства и монашеском. — «Первое, известное мне по собственному опыту, имеет ту невыгоду, что дает работу почти одной только голове. Ученые занятия вместо того, чтобы быть средствами к полному душевному образованию, ставятся сами по себе целью... Сколько ни высоко ценится образование ума, но и по христианским правилам и по суждению здравого смысла, не в этом заключается вся цель человека.

Служение белого духовенства высокое само по себе, носит на себе особенную печать благословения Божия... Я стал бы просить Бога, чтобы Он удостоил и меня быть в числе таких служителей, если бы с сим не соединялось, по нашим установлениям церковным, требование прежде вступить в брак... Но такое требование несовместимо с угрюмыми привычками к одинокой жизни, уже укоренившимися во мне, и вообще с нерасположением к супружеской жизни»⁴⁸.

Но было время, когда Горский думал и о браке, касался этого вопроса в своей переписке с друзьями. Заканчивая Духовную Академию, он даже наметил себе идеал жены, а своими мыслями поделился с товарищем, собиравшимся жениться. Возвышенным был этот идеал. «Да, друг мой, — отвечал Горскому товарищ, — я, читая письмо твое, не помнил, на земле ли я был, ибо советы, которые ты мне предлагал в оном выборе подруги, неземные, или, по крайней мере, на земле осуществлены быть не могут. По твоему описанию, подруга должна быть ангелом; жизнь с нею — ангельские удовольствия, ангельские; но, друг мой, мы люди, обтянутые плотью... Друг мой, скажи мне, где живет такая подруга, или еще в половину тому, как ты описываешь? Я сейчас иду, бегу, лечу, парю к ней». У жены Александр Васильевич думал найти поддержку и утешение. Тот же друг усиленно звал Горского в Москву: «Ну, милый, с благословением Божиим, катай скорее в Москву, подыскивай ту, которую Промысел назначил тебе. Вдвоем и муку сносить легче будет»⁴⁹.

Но, не найдя в годы студенчества друга по сердцу, Горский не нашел и жены, соответствующей его мечтам и идеалам. Более всего в то время он тяготел к иноческой жизни, в которой видел идеал истинного служения Богу и людям и прекрасную возможность для раскрытия своего внутреннего мира. Сильно подействовало на молодого Горского пострижение в монахи 19 января 1830 года студента Дмитрия Гумилевского, впоследствии ставшего знаменитым ученым и иерархом архиепископом Филаретом. Под влиянием живых впечатлений он тотчас же написал родителям письмо, в котором просил их благословить его на принятие монашества. Наступили дни тревожного ожидания и внутренней борьбы. Наконец, 28 января последовал ответ, гневный и довольно резкий: «Друг наш милый, любезный сын Александр Васильевич! Благоговейные твои чувства к равноангельскому иночеству поставили меня в такое недоумение, что я не знаю, чему оные приписать и как их назвать. Счастливым путь к небесам юному Филарету! Но неужели только на воскрылях иноческих и влетают в горние области? И за нами и перед нами и вокруг нас тысячи, не сотни опытов доказали и будут доказывать, как скользка и как опасна стезя монастырская. Если бы не блеск митры и панагии обманывал своим сиянием пылкую и порывистую юность, то пустыми верно бы были пустыни. Прямое самоотвержение не в слове, следовательно и не в повторении клятв и обетов, и мною и тобою данных и принятых. Сделай милость, если вперед случится тебе быть зрителем церемонии пострижения какого-либо сотрудника, то смотри на это без жару, гораздо равнодушнее, с совершенным хладнокровием, без всякой зависти. Вообще на все обворожительное и прелестное надо бы глядеть со стороны невыгодной; в противном случае мишуру примешь за золото, или пустую тень за тело. Торпливая, необдуманная поспешность в моих глазах ничего более не обещает, как минутный метеор, который блекнет и исчезнет. Мать твоя все это прослушала и говорит: хорошенько его!»⁵⁰ Горский не посмел послушаться, но продолжал колебаться, не зная, какое служение избрать, чтобы всецело посвятить себя служению Богу и ближним. «Моя внутренняя часть бытия еще не находит себе ни чистого протока, ни

крепкого сосуда. Она полнеет и сгущается сама в себе, и эта полнота губит меня»⁵¹.

Это колебание продолжалось вплоть до 1840 года, когда была последняя попытка Горского принять монашество. Он снова спрашивал по этому поводу мнения и совета родителей. На этот раз ответ был не таким резким. В письме от 2 сентября того же года⁵² отец старается доказать сыну, что ученое монашество с его административными правами не соответствует желанию соединить ученые занятия, требующие тихого, безмятежного пристанища, со служением Богу в священном сане. Разумно отец говорил и то, что между тем путь к небу есть из всякого звания. Мать же со слезами и на коленях умоляла сына сжалиться над родителями. Доводы отца совпали с мыслями самого Горского. Вопросы о монашестве он больше не касался и духовно успокоился, отдавшись всецело научным занятиям, видя в этом служение Богу и ближним. В науке, прежде всего церковной истории, в сообщении полученных знаний другим он находил отраду и утешение, смысл и назначение своей жизни. Справедливо и верно подметил этот смысл жизни Горского А. Ф. Лавров-Платонов: «Сообщение ведения другим у Александра Васильевича было проникнуто мыслью о Боге. Действие сообщения своих знаний, имеющим в них нужду, наш отец считал священным действием, к которому требуется приготовление не умственное только, но и нравственное... Знание его было служебным орудием любви к Богу и ближним»⁵³.

Глава II ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Его наука «была высоко-смиренна, терпелива, доступна всякому, животворна и любвеобильна... никогда не надмевался он своими многообъемлющими знаниями».

Е. Н. Воронеж.
К воспоминаниям о скончавшемся
в Бозе протоиерее А. В. Горском

1. Всенощное бдение в честь истины

Профессорская деятельность Горского началась в Московской Духовной семинарии, куда он был назначен профессором церковной и гражданской истории 29 августа 1832 года. Здесь для него открылся широкий простор для научной мысли и осуществления своих педагогических планов. Профессора семинарии сами следили за развитием науки и старались с последними ее достижениями знакомить своих воспитанников. С 1823 года семинария размещалась в Москве, в самом центре города, около Кремля в Заиконоспасском монастыре. После нескольких месяцев службы Горский был назначен библиотекарем семинарии и стал знакомиться с книгами и рукописями. Но положение преподавателя семинарии не удовлетворяло

молодого преподавателя. Вызванный из тихого лаврского приюта в бурную Москву, Горский весьма тяготился новой и суетной для него обстановкой. Всею душой стремясь вернуться в родную alma mater, он мечтал о том просторе для полета мысли, который дает Академия. «Свобода ума в высших кругах и дух соревнования, побуждающий трудиться»¹ — вот, что влекло его в родную Академию. Снова помог Горскому профессор протоиерей Ф. А. Голубинский. По его настоянию 19 августа 1833 года Горский был переведен в Московскую Духовную Академию бакалавром церковной истории на место скончавшегося Ф. А. Терновского-Платонова.

Обширное и трудное поле деятельности открылось для Горского в Академии. История тогда изучалась по учебникам, которые представляли собой лишь собрание церковно-исторических фактов и мало касались причин и следствий происходивших процессов и путей решения возникших проблем². Поэтому преподавателю самому нужно было отыскивать необходимый материал, приводя его в систему. На это уходило много времени и сил. В августе Горский был избран бакалавром и в сентябре должен был начинать читать лекции. Он ревностно взялся за дело и в течение первой трети учебного года успел прочитать студентам первые четыре века новозаветной истории, то, что впоследствии стало именоваться историей Древней Церкви. Все четыре века Горский рассматривал отдельно, разделив их на два периода. Первый включал первые три века, а второй — век четвертый. В каждом веке он рассматривал церковно-исторические явления по главным их направлениям: как Церковь распространялась, как подвергалась гонениям, каким было состояние духовного просвещения, богослужения, как строилось управление Церковью, велась борьба с ересями³.

Горский усиленно занимался, с головой погрузившись в чтение книг и составление лекций. Горячо любивший родных, он даже не имел времени не только съездить отдохнуть в родную Кострому, но даже не писал туда и нескольких строк. Напрасно звал сына на Рождество 1833 года протоиерей Василий, напрасно писал: «Во время святок, в пятнадцать каких-либо дней ты надеешься несколько пожать вели-

кана тридцатисотлетнего. Посмотри, станет ли сил твоих, сил без сумления, утомленных, изнуренных, измученных»⁴. Горский домой не поехал. У него совсем не хватало времени и сил. Он занимался даже в дни, особенно знаменательные для него. В дневнике под 30 августа 1834 года, в день Ангела, он записал: «Я один был сегодня у себя в гостях и вместо празднования занимался составлением первого урока для начинающего курса на завтрашний день»⁵.

Но, несмотря на обильные занятия, Горский первое время не мог заранее готовить всех лекций, читал экспромтом, пользовался учебными пособиями. От сильного напряжения уставал весь организм, который отказывался работать, заявляя свои права на отдых. «Рука устала, голова утомилась, глаза смыкаются, день трудился, ночь на покой». Это состояние Горского вполне объяснимо, ибо, не щадя себя, он занимался даже ночами. «День вчерашний был словно не мой. Сначала долго давал себя чувствовать недостаток сна в прошедшую ночь, потом до глубокой полночи — дела классические»⁶. С этого времени засиживаться за работой полночь стало форменной привычкой Горского, но и такое «всенощное бдение в честь истины» не помогало. Работы не убывало. Александр Васильевич забывал даже писать родным, что сильно печалило и беспокоило родителей. С тревогой пишет ему отец: «Пусть будет неоспоримую правдою, что у тебя нет свободного времени, что и минутами ты дорожишь, но мы не требуем от тебя никаких посторонностей, не требуем от тебя обширных вестей; „я здоров“, вот начало, вот середина, вот и заключение твоего к нам письма. Скажу тебе, даже в почтамте нашем удивляются твоему молчанию. Писать будешь, не отнимай у себя времени на пустые рассказы, не теряй оно на свои оправдания — рассчитаешься в июле око за око. И я для того не хочу писать более, чтобы сберечь твое сокровище»⁷. Особенно беспокоилась и переживала за сына мать: «Что почта, то ожидание; что почта, то новая скука: четыре недели не знать о тебе, не легко и выговоришь, а каково для сердца переносить?»⁸

А между тем к невероятному количеству дел прибавлялись Горскому все новые. Став в сентябре 1834 года помощником библиотекаря Академии — своего друга Фила-

рета (Гумилевского), он участвовал в составлении реестра ветхих книг. В ноябре 1835 года Горский стал секретарем внешнего Академического Правления по Казанскому округу и должен был приводить в порядок запущенные дела, чем весьма тяготился. Весть о таком напряженном образе жизни молодого педагога проникла даже за стены Академии, в среду его знакомых. «Чудак этот Александр Васильевич, домой едет — торопится, из дома — тоже. Что за огненный. Да уж добро — Бог с тобой — Горячка. Если Бог приведет, приеду в лавру и заберусь в твою историческую лабораторию, наделаю шума»⁹, — писал Горскому 29 сентября 1836 года товарищ по Академии, бывший в то время смотрителем Борисоглебского духовного училища, Николай Пальмин.

От такого напряженного ритма жизни закономерно начало слабеть здоровье Горского. Уже в конце первого года академической службы 8 июля 1834 года отец его с горечью писал: «Был у нас живой свидетель быта твоего. Он не скрыл от нас, что ты чрез меру, без нужды, жертвуешь собой академическим трудам. Он удивляется и бесцветности и худобе, и 25-летней твоей старости. Это значит, что дела тебя измучили. Ты сохнешь от себя, а мы сохнем и от тебя и за тебя». Вероятно именно этот знакомый, поведавший в Костроме родителям Горского об образе жизни их сына, некто Маевский, писал с назиданиями и самому Александру Васильевичу: «Жалею, что Вы, любя мудрость, не любите себя; мне сказывали, что Вы уже не тот Александр Васильевич, бодрый, крепкий, мощный, румяный, каков был прежде, но пустынный и с могильной физиономией. Душевно жалею, что Вы себя испортили. Вы занимаетесь так, как никто в Европе не занимался, даже немец уступил вам в трудах! Что Вы сделали с батюшкой и матушкой Вашими, и без того уже опечаленными? Я за Вас, ей-ей опасаюсь»¹⁰.

Горский себя не жалел. И когда он в 22 года занял в академии церковно-историческую кафедру, ему приходилось одному прочитывать слишком многое: от библейской истории до позднейших времен. И хотя по обязанностям службы он занимался библейской и общей церковной историей, у него очень рано обнаружилась и стала развиваться склон-

ность к изучению русской старины и рукописей. В академической библиотеке того времени хранилось много рукописей, а библиотекарь, друг Горского Филарет (Гумилевский), сам с большим интересом изучал их. Совместно с Филаретом Александр Васильевич очень внимательно и с большим увлечением исследовал рукописные тексты. Об этом свидетельствует любопытное письмо священника Павла Петровича Птицына, мужа сестры Горского Юлии Васильевны, который звал Горского в Москву на Пасху 1834 года. «Ужели вам не наскучит пустыня и одиночество, запылившиеся фолианты и полусгнившие рукописи? Дайте покой хоть своему мозгу, если не уму и воображению. Да и что празднование Пасхи среди борьбы с такими скучными собеседниками, каковы Нестор и Амартонос? Не значит ли это в собственном смысле праздновать в квасе ветсе, так как на нашем языке нет рукописи ветше Нестора? Итак, просим пожаловать к нам праздновать Пасху в безквасии чистоты и истины; у нас нет ни споров с немymi историками, ни заблуждений от пути истины! Если угодно взять вам с собою книжки, то у меня — в большом сундуке, в каковом едва ли удавалось когда-либо лежать им? Как бы то ни было, но в столице несравненно лучше можно провести Светлый праздник, нежели в пустыне. Вы можете у нас заняться делом и в свободное время посетить своих знакомых. А это оживит вас и даст вам сугубую силу на предлежащие подвиги. Положим, что опустите половину занятий, зато после отдыха вдвое можете перенести и сделать...»¹¹

Так с раннего времени своей профессорской деятельности и до конца жизни изучение рукописей и русской церковной истории сделалось любимым занятием Горского. «Русская церковная история составляет для меня главный предмет изучения по обязанности и по любви»¹², — написал он известному историку Михаилу Петровичу Погодину в 1843 году. «Наслаждением для меня было, — писал Горский Алексею Ивановичу Хлудову, известному коллекционеру древних рукописей и книг, — в вашем собрании рукописей проходить по знакомым статьям и книгам... Как разгорелась душа, встречая в отчетливом описании ваших старописменных сокровищ много совершенно неизвестного или

мало исследованного. О, священная старина, сколько в ней разумного!»¹³

Теоретические занятия Горского русской церковной историей нашли свое практическое выражение. В 1842 году, ввиду исполнившегося пятисотлетия со дня кончины преподобного Сергия Радонежского, Горским было составлено «Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры»¹⁴, выдержавшее несколько изданий и по сей день служащее лучшим руководством для всякого образованного человека, желающего получить отчетливое представление об исторических судьбах этой дорогой русской святыни.

2. Учитель, который учит словом и жизнью

же в начале своей преподавательской и ученой деятельности, Горский был не только исследователем, не только мастером, но и учителем. Был учителем несравненным, учил и словом, и жизнью. Всегда его отношение к своим питомцам было отечески попечительным, особенно к землякам-костромичам. Студенты Костромской семинарии, приезжавшие сдавать экзамены в Академию, по сложившемуся обычаю, после представления начальству, обязательно являлись к Горскому на квартиру. Вот как это бывало: «Не без робости и внутреннего волнения вошли мы в его небольшую приемную залу, ожидая встретить строгую и важную фигуру знаменитого ученого. Что мы будем говорить с ним, что будем отвечать ему мы, бедные семинаристы? Но все наши опасения рассеялись. К нам вышел, или, правильнее, выбежал из кабинета живой, одетый чрезвычайно просто, седоволосый уже (дело было в 1859 году) солидный, но с чрезвычайно приветливой улыбкой, человек, и со словами „а, земляки“, подал руку, расцеловал и посадил около себя. Это и был незабвенный Александр Васильевич! Необыкновенная доброта и приветливость светилась в его лице, в его глазах... О чем мы говорили, хорошенько не помню; только визит наш продолжался очень недолго, и мы вышли от Александра Васильевича совершенно очарованные им»¹⁵. Как опытный педагог Горский внимательно следил за своими и чужими учениками, помогая им советами, предостерегая в случае необходимости. При этом совершенно не изменилось отношение Горского к студентам и когда он стал ректором Академии. Добродушно и ласково встречал он их. Представляясь знаменитому на весь церковный мир ректору, новичок не замечал пронизывающего взора. Завязывалась беседа, во время которой Горский старался познакомиться со студентом, узнать степень его образования, взгляды, намерения. Юный собеседник скоро понимал, что подвергается тонкому анализу, начинал

стесняться, но ласковое обращение выводило его из смущения, а само общение не проходило напрасно. Дорога и памятна была всем ученикам подобная встреча¹⁶.

Обязательно встречался Горский с абитуриентами на вступительных экзаменах. Вот как описывает эти испытания Н. Калинин: «Он как специалист экзаменовал по церковной истории. К числу особенностей его экзаменаторства надобно отнести особенную деликатность и, так сказать, осторожность в предложении вопросов студентам; ничего похожего на запугивание, привязчивость у Александра Васильевича не было. На неясные, неточные вопросы он обыкновенно говорил: „Нет-с, это не так“, или „не совсем так“, и вообще в этом роде. На приемных экзаменах он спрашивал из своей науки по порядку, но студенты вызываемы были в разбив. Что приходилось по порядку системы отвечать, тем он и довольствовался. Мне, например, пришлось отвечать о постах в древне-русской Церкви; отвечал я не совсем удовлетворительно, но других вопросов Александр Васильевич не предлагал ни мне, ни кому другому, сколько помнится»¹⁷.

Со временем Горский изменил методику опроса студентов. «Спрошенный едва начинал говорить по одному вопросу из догматического богословия, как о ректор начинал с ним свой colloquium и диалектически скоро переходил от одной науки к другой, находя возможность к таким переходам в аналитическом разборе ответов, данных на вопросы. Бывало, отвечающий иногда, что называется, становился в тупик; тем не менее, сверх всякого своего ожидания, он уходил от экзаменатора с таким отрадным замечанием: „Теперь не знаете, а здесь, Бог даст, узнаете“. Этим давалось понять, что в общем ответ признан удовлетворительным. Колкое замечание о незнании отвечающим „таких-то и таких статей“, остроумно-самодовольные насмешки над учениками и т. д. отнюдь не допускались в замечаниях Горского на промахи отвечающего. Ответ признавался лучшим, если каждое точное выражение в нем имело для себя основание, критически осмысленное отвечающим»¹⁸.

Поступив в Академию, попав в незнакомую обстановку, студенты постепенно присматривались к новым порядкам

и лицам. И Александр Васильевич Горский был весьма замечен между профессорами. Чаще всего студенты видели его в библиотеке, учебной аудитории и у него на квартире.

Немного устроившись и осмотревшись, все поступившие в Академию студенты шли в библиотеку получать книги. Вот как описывает процесс выдачи учебников студентам Н. П. Гиляров-Платонов: «Зовут в библиотеку получать книги, какие пожелаем для самообразования, а учебники — обязательно. Из последних некоторые пользуются незавидною привилегией быть не развернутыми ни разу до окончания курса, но библиотекарь, Александр Васильевич, откладывал их всякому, с улыбкою, впрочем, говорившею: „Конечно, вы книги не развернете, но должны взять“»¹⁹.

Часто видели студенты Горского молящимся за богослужением в академическом зале, где совершались всенощное бдение и некоторые другие службы Великим постом, или в Трапезном храме лавры за Божественной литургией. Все церковные службы посещал Горский неотступно. Благоговейно молился, исполняя положенные обряды. Так шествие профессоров для целования Евангелия на Всенощном бдении «обыкновенно открывал Александр Васильевич быстрым шагом, со сложенными на груди руками (его любимая манера ходить и стоять в церкви). Пример его, несомненно, благотворно действовал на большинство студентов»²⁰.

На квартире Горского, куда ходили студенты по волновавшим их проблемам за советом, всегда поражала масса книг²¹, среди которых нельзя было развернуться. Эта обстановка вместе с известиями об усиленных занятиях Горского историей крайне благотворно действовали на учащуюся молодежь и побуждали ее обкладываться фолиантами, по примеру своего учителя засиживаться над книгами по ночам. На старшем курсе Академии студенты уже делались учениками Горского, слушали его лекции по церковной истории и писали ему сочинения.

Горский принадлежал к числу ревностных и опытных профессоров. Обязанный, особенно в первые годы своей педагогической деятельности, преподавать массу дисциплин, объединенных под именем церковной истории, он старался знакомить слушателей с наиболее главным и

существенным. «Несмотря на сознание высокой важности и очевидной пользы от изучения церковной истории, Горский однако же, хорошо понимал, что достижение цели — серьезное знание этой науки — дело весьма трудное. Мысль о трудности изучения предмета побуждает его обращаться с различными замечаниями касательно этого предмета к своим слушателям. Он то разъясняет, в чем заключается эта трудность и от чего она зависит, то объявляет, что можно и чего нельзя достигнуть в изучении науки при ревностном занятии ею в Академии»²². Понимая, какой широтой, необъятностью отличается церковно-историческая наука, сколько времени и труда нужно на основательное ознакомление с ней, Горский не думал требовать от своих слушателей невозможного. «Верх желания для наставника — если он успеет возбудить в своих учениках любовь к науке и желание самому основательно изучать ее»²³. Это слова поистине опытного наставника, каким и был Горский. С ними наш ученый обращается к слушателям, и какой задушевностью, какой сердечной теплотой и дружественностью отзываются они в сердцах его учеников. Ради них, своих питомцев, неутомимый лектор приходил в аудиторию раньше других профессоров, «еще суще тьме», как тогда выражались. Лекции он читал громко, внятно, местами при изложении особенно трогательных мест из Священной истории, например жизни Иисуса Христа, голос его звучал с лирическим воодушевлением, и они всегда особенно нравились слушателям²⁴. «Горский был из тех преподавателей высшей школы, которые владели вниманием аудитории и умели увлечь их слушателей, вместе с тем он был выдающимся воспитателем, пользовавшимся огромным нравственным влиянием на студенчество»²⁵. Некоторые студенты старательно и четко записывали эти лекции и читали за стенами Академии, чтобы «пробудить и разогреть религиозное чувство»²⁶.

Темы сочинений, которые давал Горский учащимся для научных исследований, касались вопросов общей церковной истории, и только некоторые из них имели задачу ознакомления студентов с русской историей. К этим исследованиям сам Горский относился серьезно и от студентов требовал труда и внимательного отношения к делу. Он

указывал пособия, давал массу книг, заставлял по несколько раз переделывать работу, помогал сам и часто своей рукой дополнял и исправлял студенческие работы. К экзаменам перед Рождеством или летней вакацией Горский представлял какой-нибудь один отдел истории и нередко давал собственные записки или указывал нужные книги. Архиепископ Алексей (Лавров-Платонов), один из учеников Горского, ставший профессором церковного права в Академии, рисует следующий образ своего знаменитого учителя: «Он учил нас трояким способом: всех вообще на кафедре, увлекая нас своими глубокими изысканиями, историческими картинами, блестящими характеристиками отцов и учителей Церкви, затем он всех же нас учил на другой своей кафедре — в библиотеке. Это тоже драгоценнейшие для нас его лекции, коими он вводил нас в полное обладание литературою предмета. Но были еще его лекции — *lectiones privatissimae* [лекции сугубо частные. — А. М.] — домашние. На эти лекции иногда он призывал нас поодиночке, по поводу прочитанных им наших рассуждений или для сообщения своих мыслей относительно данной темы»²⁷.

Как профессор Горский был подчинен ректору, конференции Академии и власти правящего архиерея. Эта цензура не была формальностью. Как ректор, так и митрополит Московский просматривали лекции, конспекты и темы. Не спасали даже личные связи. Так друг Горского ректор Московской Духовной Академии архимандрит Филарет (Гумилевский) прямо писал ему: «Получил и читал твой конспект. Признаюсь тебе, что хочу воспользоваться данным тобою правом — исправить, что нужно будет исправить. Поправки мои отнесутся именно до замечаний о церковно-библейской истории. При свидании объясню причину, почему и что мне хотелось бы изменить в конспекте твоём»²⁸.

Кроме цензуры ректора, самой ответственной была цензура митрополита Московского Филарета (Дроздова), которому преподаватели Академии каждый год через конференцию предоставляли краткие записки о том, что они прочитали за это время студентам. Кроме того, святитель Филарет нередко требовал для просмотра и сами тетради с лекциями. Так, в свое время архимандрит Алексей (Ржа-

ницын), ректор Академии, писал Горскому: «Записки Ваши и прочих я утащил из Москвы. Владыка собирался их смотреть, но ничего не смотрел, а я, во избежание чего-либо нового, почел за лучшее, не говоря ни слова, увести их, куда следует»²⁹. Из писем архимандрита Филарета (Гумилевского) видно, что он давал советы Горскому, как правильно излагать свои мысли в подаваемых на цензуру записках, как вести беседу с митрополитом на экзаменах, которые тогда были экзаменами не только для студентов, а в большей степени для самих профессоров. «Мне кажется, — писал ректор архимандрит Филарет Александру Васильевичу, — что если ваш опыт на беду составлен будет не вовсе по его мыслям, то вы тем вызовете его на бой открытый и без нужды растрогаете его вспыльчивый характер. Надобно наперед узнать его мысли... Не надобно силой настаивать. Это сочтут за упорство, за действие своеволия — и сочтут, может быть, справедливо. Тогда (чего сохрани Бог) и хорошее назовут нехорошим. Зачем же перед ним и настаивать на своем? Я и после могу сделать то же, что теперь защищаю слегка, когда т. е. мысль моя свята. И меня никто не укорит за это. Я поступаю по убеждениям совести»³⁰. Однако советы и указания друга не предотвратили «открытого боя» между Горским и митрополитом Филаретом на публичном экзамене 2 июля 1837 года, когда у них зашел оживленный спор о правильности некоторых положений по предмету лекций, которые предоставил Александр Васильевич на суд владыке. Подробное описание этого случая записано в дневнике Горского³¹. Это столкновение подтверждает ту мысль, что контроль митрополита Филарета над профессорами и их деятельностью был очень строгий³².

Но требовательный и строгий святитель Филарет уже тогда уважал Горского, доверял ему, ценил его труды и знания, выделяя его среди других педагогов. 19 января 1837 года Горский был возведен в экстраординарного профессора, а 9 сентября 1839 года стал ординарным профессором Московской Духовной Академии.

3. Идеальный библиотекарь

даренный профессор с каждым годом получал все более ответственные должности, совмещая их с прежними обязанностями. Так 11 октября 1842 года начальство назначило его библиотекарем Академии. В этом звании он проработал двадцать лет, положив множество трудов для процветания библиотеки.

Хорошо знакомый с нуждами библиотеки Горский в качестве ее начальника с особым рвением заботился о пополнении фондов. Он выписывал массу книг, самых нужных и редких. Благодаря Горскому академическая библиотека значительно увеличилась приобретением книг богословского и исторического содержания. Все лучшее, что выходило по истории за границей, все, что издавалось в России, обязательно поступало в библиотеку. Поэтому самыми богатыми в библиотеке стали фонды с собранием богословских и исторических книг. При этом каждая из вновь поступивших книг, не только исторических, но и по другим наукам, всегда внимательно прочитывалась Горским. Он даже имел обычай оставлять на этих книгах критические замечания, которыми были испещрены и книги его собственной библиотеки³³.

При Горском академическая библиотека постоянно обогащалась и новымикладами из числа пожертвованных в нее собраний из частных библиотек. К примеру, по его указанию в 1847 году была дешево куплена наиболее ценная часть библиотеки умершего в 1842 году архиепископа Тобольского Афанасия (Протопопова)³⁴.

Драгоценным приобретением для Академии стала передача главнейших рукописей из собрания Иосифо-Волоколамского монастыря, поступивших в библиотеку по ходатайству Горского. В марте 1859 года он обратился к митрополиту Московскому Филарету с представлением, в котором, указав на примеры передачи библиотеки новгородского Софийского собора в Петербургскую Духовную Академию, а библиотеки Соловецкого монастыря в Акаде-

мию Казанскую, «просил митрополита в видах „пользы для духовной учености“ передать в собственность Академии собрание рукописей Иосифова монастыря, „для обители в настоящее время безнужное и к употреблению на пользу Церкви и науки, по отдаленности места малодоступное“». Митрополит на представлении написал: «для достижения по сему полезного употребления рукописей Иосифова монастыря принять следующие меры: 1) составить комитет из настоятеля Иосифова монастыря, из одного лица от Академии и из одного же лица епархиального ведомства; 2) комитет сей извлечет из списка рукописей Иосифовой библиотеки те, которые с пользою могут быть перенесены в академическую библиотеку, не касаясь впрочем рукописей, которые по особенным причинам лучше оставить в монастыре (разумеет собственноручно написанные преп. Иосифом) и не назначая без нужды к перенесению таких рукописей, которые для Академии незначительны, а в монастыре могут иметь назидательное употребление; 3) консистория даст мнение об уступке, а конференция о принятии; 4) для исполнения сего воспользоваться вакационным в Академии временем»³⁵. Членом комитета от Академии был назначен сам Горский, который всю вакацию 1859 года провел в Иосифо-Волоцком монастыре и из числа рукописей отобрал для академической библиотеки 236 единиц, которые в конце сентября того же года были приняты в Академию. Среди них поступили три рукописи на пергаменте: Евангелие в лист XIV века, Октоих XIV века и Стихирарь. Из рукописей, написанных на бумаге, поступили среди прочих: Пятикнижие 1494 года, 4 экземпляра Евангелия XV века и 9 экземпляров XVI века, 6 экземпляров Апостола, из них один — XV века, остальные — XVI века; 7 Служебников, несколько Служебных Миней, Следованная Псалтирь, Ирмологион, Канонник, Устав церковный (Типикон), службы святым, Часослов; три Требника XV века, писания отеческие в сборниках (59 экземпляров), из них три — XV века, остальные — XVI века, поучения воскресные и праздничные XIV века, несколько экземпляров Четых Миней и житий русских святых XVI века³⁶.

В 1861—1863 годах по ходатайству митрополита Филарета с разрешения Синода поступили в Московскую Духовную Академию дублиеты некоторых старопечатных книг из библиотеки Московской Синодальной типографии. Дело было также начато профессором Горским по поводу возникшего предложения передать эти дублиеты в открывавшуюся тогда Московскую публичную библиотеку. Из старопечатных книг Горский избрал и представил в Академию 151, кроме того, 6 книг гражданской печати и 18 мелких брошюр, содержавших различные манифесты, объявления, увещания и указы. Книги — преимущественно богослужебные и почти все относятся к XVII веку, за исключением первой печатной книги в России — Московского Апостола 1564 года, Евангелия, изданного в Угровлахии в 1512 году, Скориннинской Книги Царств 1518 года, Октоиха 1594 года, Триоди Постной 1590 года, Триоди Цветной 1594 года, Маргарита (содержит избранные поучения святителя Иоанна Златоуста) Острожского издания 1596 года и Катехизиса на польском языке 1562 года³⁷.

После открытия в 1854 году в Московской Духовной Академии миссионерского отделения для преподавания истории русского раскола и полемики против него, стали поступать в академическую библиотеку по распоряжению митрополита Филарета в качестве пособия старопечатные книги и рукописные сочинения старообрядцев. В 1854 году по инициативе Горского, вследствие ходатайства митрополита Филарета перед Синодом в академическую библиотеку из Московской Синодальной библиотеки и из Московской Духовной консистории были переданы изъятые у старообрядцев старопечатные книги в количестве 224 единиц и 240 рукописей.

Из книг особенно ценными являются: Евангелие, напечатанное в Москве в XVI веке, видимо, Иваном Федоровым, Кутеинское Евангелие 1561 года, Виленское юсовое Евангелие 1600 года, два Виленских Апостола 1575 и 1576 годов, две Псалтири XVI века, Служебник Виленский XVI века, Третьяки, Часословы, Уставы церковные, Октоихи, Триоди, Канонники, Прологи, Отечники, Служебные Минеи — большей частью XVIII века, Катехизис Великий, перепечатанный

в Гродно с издания 1627 года, «Кириллова книга», «Книга о вере», «Собрание краткое науки об артикулах веры», «История об отцах и страдальцах соловецких» и др.

Из рукописей особо важны: богослужebные книги XVI и XVII веков; «Разглагольствие Никона патриарха с Павлом коломенским» — нового письма, «Виноград российский», «Поморские ответы», «Рассуждение о браке», беспоповские Требники с чином крещения и исповеди, «Рассуждение о таинствах», «Сказание о картофии», «Сказание о лестовке», значительное число сборников XVII и XVIII веков преимущественно полемического содержания, стихотворения старообрядцев, письма, картины и т. п.³⁸

Как видно, своими трудами и заботами Горский сильно способствовал обогащению академической библиотеки. Александр Васильевич не только собирал книги, но знал и любил их. Недаром большая часть книг академической библиотеки наполнена его пометками. И когда у Горского спрашивали одну книгу по какому-нибудь вопросу, он доставал и выкладывал изумленному читателю десятки, указывал нужные листы и страницы. Это был идеальный библиотечарь. В то время академическая библиотека не имела ни печатных, ни карточных каталогов и очень бедна была справочными пособиями. Библиотечарь заменял эти пособия и каталоги, потому что знал книги не только по названию, но и по содержанию. Обязанность библиотечаря иногда портит нервы и настроение, и сообразно с этим происходит общение с посетителями. Александр Васильевич был библиотечарь в высшей степени благодушный и предупредительный. Он не отказывался идти за книгами ни днем, ни ночью. И даже в вечернюю и ночную пору Горский ходил в библиотеку из предосторожности без огня и отыскивал нужные книги ощупью. Свои библиотечарские обязанности он понимал очень широко. Он не только подыскивал требуемые книги, но и рекомендовал их на темы по всем предметам. Кроме академической, лаврской, Синодальной библиотек Горский был знаком с другими библиотеками и архивами Москвы и окрестностей, отовсюду черпая новые знания.

Любопытно и заслуживает внимания следующее обстоятельство. Горский редко и мало выезжал за пределы Московской губернии, но знал и интересовался тем, что происходит и в отдаленных уголках России, и во всем православном мире. Он пользовался каждым случаем, чтобы пополнить и освежить свои знания, и для этого постоянно вел переписку с учеными, которые были прежде его учениками.

Зарождение такого общения всегда начиналось еще в Академии. Читая в аудитории лекцию по какому-нибудь интересному, но малоисследованному вопросу, Горский выражал желание получить о нем впоследствии более обстоятельные сведения, и студенты всегда об этом помнили. В конце года и курса Александр Васильевич делал несколько замечаний о самостоятельном занятии церковной историей и просил слушателей сообщать ему все интересное по этому предмету, что они узнают. И благодарные ученики стремились помочь своему профессору. К примеру, 26 июля 1850 года бывший студент Горского Николай Неводчиков писал ему из Одессы о примирении Константинопольской Церкви с Церковью Греческого королевства и добавлял: «Надеюсь сим известием вас порадовать, а вместе отчасти исполнить обязательство, вам данное мною по окончании курса и доселе лежащее на совести моей. Даст Бог, со временем и более оправдаюсь перед моим незабвенным наставником»³⁹.

Обширная переписка показывает, что подобные сведения Горский получал со всех концов России. На местах своей службы его ученики просматривали интересовавшие их наставника книги и рукописи. Собирали местные предания, описывали внешний вид городов и местечек, характер и обычаи жителей. Свои наблюдения они сообщали в Академию Александру Васильевичу. Бывшие воспитанники Горского пользовались всякими удобными случаями, чтобы поделиться с ним своими наблюдениями и изысканиями. Через ученую переписку Горский, живя в лавре, знал, что делается в разных городах России, наводил справки в отдаленных губернских и консисторских архивах. Отовсюду: из Тобольска, из Вятки, из Вологды, Перми, Казани, Могилева, Суздаля — со всех просторов необъятной России летели в лавру новости о православии на Руси и на Востоке,

ценные материалы из местных архивов, описания редких рукописей и многое, многое другое, столь необходимое талантливому историку в его повседневной работе. Ученики Горского были скромными учеными, хотя с сильной научной подготовкой и опытностью, которую получили за годы учебы в Московской Духовной Академии у своего душевного и высокодаровитого наставника. С их помощью Александр Васильевич постепенно расширял круг своих знаний. Но беседа с одними «мертвыми друзьями», то есть книгами, рукописями, выписками, не могла утолить его жажды знания. Горский любил и умел вести занимательные беседы с учеными и этим освежал себя после утомительной и пыльной работы над источниками. Так он постоянно собирал знания, чтобы потом полной рукой раздавать их другим.

Глава III НАУЧНОЕ РУКОВОДСТВО

Этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижнической жизнью соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится.

Н. П. Гиляров-Платонов.
А.В. Горский

1. Для славы Божией и братнего блага

рудным временем были для А. В. Горского первые годы его профессорской деятельности. Много сил полагал он для постановки преподавания церковной истории в Академии на высоком уровне. Такой образ жизни увлекал и целиком поглощал его. Но трудная умственная работа не могла до конца удовлетворить его. Вот, что он записал в дневнике: «Вечером ныне, приведя себе на память, что делал я днем, что-то неприятное я почувствовал, вспомнив, что сей день трудился я только для себя, не имея случая добро сделать кому-нибудь». Чего-то не хватало молодому бакалавру для достижения душевной гармонии. Причину этого дискомфорта сам Горский объясняет несколькими строками ниже. «Полдня прошло; я час без умолку говорил

в классе; что родят другие полдня! Будет ли польза от сеяния? Как бы хотелось, укоренив сперва в себе ту мысль, что всякое знание разума должно быть направляемо к последующей существенной цели — возвышению достоинства нравственного моего бытия, содействовать, при помощи Божией, развитию оной и в других. Какой блаженный труд — трудиться для славы Божией, для братнего блага! для собственного Блаженства! А всего этого всяким делом, какое Провидение ни даст нам в руки, всяким легко достигать!»¹

Из этого признания утомленного труженика науки становится понятно, что искала его душа, в чем постигал он смысл своей жизни. Это — не приобретение знаний только для себя одного, а посильная, сообразная с обстоятельствами, помощь ближним, осуществление деятельной любви. Такое желание не было капризом измученного однообразными занятиями человека, а вытекало из природных свойств души Горского. Когда Горский учился в духовной школе, близкие товарищи, хотя и заметили его пылкое юное сердце, открытое для всего доброго и прекрасного, не поняли его. И Александр Васильевич замкнулся. Вполне логично, что многим со стороны Горский мог показаться человеком запуганным. Не случайно историк С. М. Соловьев прямо обвинял митрополита Московского Филарета в том, что он своим деспотизмом заглушил огромное дарование Горского. «В ужасном состоянии находилась Духовная Академия и Семинария... Мумию сделал он из Горского, одного из самых даровитых и ученейших между профессорами Духовной Академии»². Этот отзыв часто принято повторять без проверки. Но такое обвинение ложно. Верно другое — то, что у Горского в характере и в его мышлении всегда чувствуется какая-то внутренняя связанность и нерешительность. Но это был не страх перед чьим-нибудь осуждением или мнением, пусть даже и мнением епископа, это была некая духовная мнительность. И «засушил» Горского вовсе не святитель Филарет. Он сам себя останавливает на каждом шагу из какой-то внутренней боязливости. Справедливо современники писали о Горском, что «чем обширнее становятся его познания, тем, по-видимому, увеличивается и его недоверие к себе»³. Тогда-то Горский переносит всю

полноту своей любви на научную деятельность, всецело отдавая себя книгам. Но такие ученые кабинетные занятия не могли погасить «ненасытимого огня». Непонятый людьми, он продолжал любить их, свою любовь старался проявить во всегдашней готовности помочь каждому. Отсюда его научное руководство или руководство.

Кроме этой психологической основы, были еще религиозные побуждения для научного водительства. Глубоко религиозный, Александр Васильевич желал отдать на служение Богу не один ум, но и всю свою душу. Он стремился не только познать Бога, но и служить ему, не удовлетворялся одним богомыслием, одним накоплением знаний, а искал служения Богу и людям делом и своими трудами. Отсюда возникло и стремление к монашеству. В подвигах аскезы Горский думал найти осуществление своих идеалов, но опасался, что много будет пищи воле и сердцу и мало уму. После долгих исканий и размышлений он решил, что и наука дает простор для деятельного служения Богу, выработал особенную форму деятельного, научного служения Богу — научное руководство.

Горским двигало в этом случае не самолюбивое щегольство ученостью, даже не одна «страстная любовь к приобретению и распространению основательного точного знания»⁴, на этот род своей деятельности он смотрел как на служение Богу и ближним. Вот почему он без сожаления и ропота жертвовал своим драгоценным временем, знаниями, собранными с большим трудом, открытиями, которые он признавал «слитками золота», ради помощи другим в их занятиях историей.

2. Русский Оксфорд

елание помогать другим в их занятиях наукой обнаружилось у Горского рано. Еще будучи студентом Академии он исправлял сочинения своего брата Владимира, помогал младшим студентам переводить с иностранных языков. Главным же образом его научное руководство стало осуществляться тогда, когда Горский стал профессором. Больше всего оно проявлялось в Академии по отношению к его ученикам.

Именно «из этого бездонного и для всех неизвестно отверстого кладезя мудрости почерпали целые поколения учеников Александра Васильевича, рассеянных по лицу Русской земли и на всю жизнь сохранивших признательную память к своему наставнику»⁵.

Талантливый профессор, хорошо изучивший свой предмет, на лекциях сообщал студентам массу ценных исторических сведений. Они были добыты им самим из первоисточников, научно выверены, стройно изложены живым, сжатым, художественным языком, глубоко западали в ум и сердце слушателей, пробуждая в них любовь к занятию историей.

Помимо лекций Горский прекрасно знал литературу не только по своему предмету, но и по другим дисциплинам, которые изучались в Академии. Как идеальный библиотекарь, он, выдавая книги, делился знаниями со студентами, давал наставления относительно выбора книг для чтения и пособий для написания сочинений. Вот как об этом говорит один из учеников Горского: «Раз пришлось мне писать философское сочинение: „О религиозных и нравственных идеях древних греков по сочинениям Гомера“. В числе других пособий мне припомнилась одна хорошая статья о греческой жизни, читанная мною когда-то в „Живописном Обозрении“ Плюшара. Я спросил эту книгу у Александра Васильевича. Он довольно серьезно заметил, что в Академии нужно читать более серьезные сочинения, тем не менее, журнал тотчас был отыскан и выдан»⁶.

В Академии у студентов вошло за правило консультироваться у Горского по различным вопросам, особенно относительно сочинений, и обращаться к нему раньше, чем к профессорам, дававшим темы; и Александр Васильевич охотно направлял и подсказывал. «Для студентов он сам был ходячая и вполне доступная библиотека. Бывало, только получают темы для сочинений, спешат в библиотечные залы и обступают с просьбами указать книги, где можно почитать на данную тему, и никто не уйдет с пустыми руками. Студентам, более усердно занимающимся, он оказывал при этом особенное внимание и обильнее снабжал их книгами. У него было пристрастие к немецким книгам, которые преимущественно и выписывал в библиотеку: ими-то и наделял он щедро лучших студентов»⁷. Здесь же в здании библиотеки, между шкапами с книгами, нередко происходил оживленный обмен мыслями. Разговор касался какой-нибудь определенной проблемы; профессора и студенты просили совета у Горского и получали «подробные и точные указания на всю литературу данного предмета, начиная с самых давних сочинений и до последних книжек немецких журналов, с основательной оценкой того, что сделано по известному вопросу, и с определением того, что предстоит сделать»⁸. Но если выяснялось, что в академической библиотеке не было нужных книг, тут же библиотекарем принималось решение выписать, сообразно рецензиям, лучшие из них⁹.

Не менее памятными и благотворными для учеников Горского были частные беседы. Со своими учебными и другими проблемами студенты шли на квартиру Горского и встречали там радушный прием. «По занятиям студенческим, — говорит его земляк Н. Калинин, — мне в последние годы академической жизни приходилось довольно часто обращаться к нему за советами и разного рода пособиями. Все эти посещения мне особенно памятны потому, что Александр Васильевич почти никогда не ограничивался одними, так сказать, официальными профессорскими отношениями. Спросив, что мне нужно, он обыкновенно брал меня под руку, и мы начинали ходить по его скромному кабинету. Здесь он выспрашивал меня вообще о ходе моих занятий, предлагал некоторые частные вопросы относительно инте-

ресовавших меня вопросов, разрешал недоумения»¹⁰. Позже, когда А. В. Горский стал ректором, подобные «хождения» особенно усилились и были для него колоссальным средством влияния на студентов. Поэтично и с воодушевлением описывает это ученик Александра Васильевича Н. Троицкий: «Да, была особенная, незаменяемая прелесть в посещении дорогого о. ректора в часы безысходно-трудных ученых занятий. Бывало, окруженный массой книг, размещенных на столах, стульях, диванах и под столами, стульями, диванами, расставленных в шкафах, этажерках и даже на полу, постоянно занимающийся Александр Васильевич Горский всегда принимал студента, пришедшего к нему за советом или пособием, расспрашивал о ходе его занятий, наделял нужными или полезными книгами тотчас или спустя несколько часов, иногда несколько дней. Иногда он сам любопытствовал обстоятельнее рассмотреть то дело, каким интересовался студент. Иногда интересный вопрос требовал многих справок по специальной литературе на разных языках. Горский по разным изданиям пересматривал все, относящееся к делу, и за собой вел любознательного студента, предлагал ему прочитать и немецкую книжку, и новогреческую, и сербскую рукопись, писаную глаголицей, изданную со всеми учеными аксессуарами, иногда же рекомендовал заглянуть и в сирский текст какого-либо издания»¹¹. Все это оказывало огромное ободряющее влияние на студенчество. Иногда Горский сам шел в студенческие номера вечером, когда воспитанники готовили занятия к следующему учебному дню. «Переходя от стола к столу, от конторки к конторке, из номера в номер, Александр Васильевич останавливался у каждого студента и беседовал с ним об его работе»¹². Так он с немалым успехом будил и направлял молодую научную мысль.

Но главным делом Горского и предметом влияния на студентов было его научное руководство при написании письменных работ с последующим критическим разбором. В должности профессора Горский на старшем курсе давал одно или несколько месячных сочинений по церковной истории. Когда в 1842 году были введены так называемые курсовые сочинения, его предмет стал особенно популярным, и по нему студенты писали много курсовых работ. «На

третьем году академического курса одно из сочинений всегда писали на тему из церковной истории, по назначению Александра Васильевича»¹³, — вспоминал Н. И. Субботин. Этими сочинениями всегда занимались студенты с особенным вниманием, и здесь им в полной мере приходилось испытывать, с какой готовностью давал Горский нужные советы, пособия и указания для научной работы. Студентов, с особым успехом написавших сочинение, он имел обычай потом приглашать к себе и беседовать с ними по поводу их работы. Тут и определялось, кто будет писать ему «курсовое» сочинение, как тогда называли выпускную письменную работу на магистерскую степень. Трудным было это дело. Сами темы сочинений, предлагавшиеся Горским, были не из легких, касались новых, неисследованных вопросов. При этом заботливый профессор умел пробуждать у студентов энтузиазм в учении, интерес к истории, привлекать их к исторической работе, всегда связанной с источниками. И неизменно студента, писавшего ему сочинение, Горский не просто снабжал источниками (особенно часто рукописями, с которыми и сам работал), а буквально заваливал книгами. Если же студент редко встречался со своим строгим и требовательным научным руководителем, то последний нередко вызывал его к себе: «Пожалуйте к о. ректору» — так вспоминал впоследствии А. П. Смирнов. — Являвшийся обыкновенно был встречаем вопросом: „Имели ли в виду такого-то и такого автора“, и уходил, нагруженный книгами». Горский не сразу давал студенту все нужное для его научных изысканий, а старался приохотить его к работе, постепенно вводя в понимание вопроса. «Снабжая студента щедрой рукой всякого рода пособиями для ученых работ, „папаша“ был вместе с тем своего рода и оригинальным скупцом. Желая заставить работающего обозреть предмет с возможной полнотой и с различных сторон, он заставлял студента читать толстые книги, чтобы из них лучше воспользоваться несколькими строками», и когда, наконец, студент «кончал уже сочинение, и близилось время представить его, присылал книгу самую нужную, самую главную в решении вопроса. Но силы были утомлены, времени не хватало. Не совсем нравилось нам это своего рода ученое мучительство»¹⁴. Когда

студент только начинал знакомиться с проблематикой своего исследования, он «должен был предварительно разработать данную ему тему в подробный план и представить его Александру Васильевичу для одобрения. Эти конспекты Горский рассматривал внимательно и строго, нередко не соглашаясь с автором, исчеркивал его план, исправлял и возвращал студенту. Без этого последний не мог с покойным сердцем приниматься за работу, ибо исправление плана часто вело к тому, что приходилось менять его, бросать в огонь уже написанную часть работы. Но и исправленный план не всегда выдерживался. К концу года обыкновенно оказывалось необходимым изменить его, и сам наставник старался облегчить это дело студенту, работая во всю мочь. Это, конечно, затрудняло студентов, но вместе с тем возбуждало их, вызывало строго серьезное отношение к делу»¹⁵. Такая помощь, особенно в сочинениях, предназначенных для чтений на различных конференциях, представления митрополиту и для печати, была очень существенной и нередко сильно изменяла труд самого студента.

Можно с высокой долей вероятности утверждать, что некоторые исследования, напечатанные под именем различных авторов, написаны почти целиком Горским. Так, изданная в 1834 году брошюра Павла Фивейского (впоследствии Платона, архиепископа Костромского): «Взгляд на историю русской Церкви»¹⁶ по свидетельству П. С. Казанского¹⁷, была написана под «сильным» руководством Горского. Это подтверждается самим содержанием и стилем этой книги. Под руководством Горского и преосвященного Филарета (Гумилевского) написаны работы: А. Мухина «О праздниках, совершаемых в честь Богородицы» и Н. Руднева «О ересях и расколах»¹⁸. О последней работе Александр Васильевич сам писал своему другу Евсевию Орлинскому: «С своей стороны мне нужно окончить со студентом сочинение на задачу Румянцевскую, большое, во многих частях любопытное, но в целом широко растягивающееся, смешивающее старое с новым, не всегда твердое в своих предположениях. Если бы я был в Москве, сходил бы к Погодину или нет, лучше к Полевому, поговорил бы с ним, с ним бы посоветовался, как решить некоторые вопросы, относящиеся к этому предмету»¹⁹.

При значительном участии Горского были написаны книги: «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский» В. П. Нечаева и «История Флорентийского собора» И. Остроумова, изданная в 1847 году²⁰.

Сочинение «Святитель Димитрий, митрополит Ростовский» основано на изучении первоисточников, причем особенно полно исследованы творения святителя. Преосвященный Филарет (Гумилевский) и М. П. Погодин считали его произведением Горского²¹. Любопытно и то, что сразу несколько исследователей: П. С. Казанский, профессор Н. С. Тихонравов и преосвященный Филарет (Гумилевский) «Историю Флорентийского собора» приписывают перу Горского²². Так владыка Филарет (Гумилевский) 28 марта 1847 года писал Александру Васильевичу: «Вчера получил и вчера же с удовольствием прочел о Флорентийском соборе. Статья очень хороша, предмет разобран дельно и отчетливо. С этой статьей не стыдно показаться в люди. Ошибаюсь ли я, думая, что это работа друга моего, который так скромно даже перед другом?»²³.

Высокие достоинства этого труда обратили на себя внимание не только в России, но и за границей. Василий Попов 3 марта 1864 года писал Александру Васильевичу из Петербургской Духовной Академии: «Вам по всей вероятности не безызвестно, что князю Урусову угодно было поручить мне перевести на английский язык составленную Вами „Историю Флорентийского собора“. Труд мой, оконченный уже несколько времени тому назад, вышел из лондонской прессы на Рождестве и очень недавно получен мною в числе нескольких экземпляров... Ваша история удостоилась лестных отзывов лондонской прессы, которая находит ее интересной в том отношении, что в ней выражается беспристрастный и строго-логичный взгляд православного русского писателя. Книга написана с такой верой и искренностью, которые всегда освежают; ее страницы полезны и поучительны»²⁴. Еще раньше, как книга только вышла в Лондоне, находившийся там родственник Горского Н. К. Соколов сообщил ему 20 января 1862 года, что англичане перепутали имя автора в начале книги, и приводил следующий отзыв о ней журнала «Union». «Это сочинение вышло из-под пера студента Московской Духовной Ака-

демии и переведено сыном священника при посольской церкви в Лондоне (упомянутым Василием Поповым). Оно служит убедительным доказательством учености той Церкви и той нации, в которой неизвестный никому студент мог написать сочинение с такими достоинствами, которые далеко превосходят наши оксфордские призовые сочинения. Надо заметить, что сочинения на приз поручаются здесь людям, имеющим не только ученую степень, но и ученую репутацию. Таким образом, русский Оксфорд перещеголял английский»²⁵.

Но не одним только студентам или кандидатам, писавшим на степень курсовое сочинение, помогал Горский. «После студентов за советами и пособиями в своих трудах шли преподаватели, особенно молодые, только что оставленные на службе в должности бакалавров по тогдашнему названию. Доселе с благодарностью вспоминается то живое участие, с каким он принимал всякую подобного рода просьбу, — пишет Н. И. Субботин, — случалось по соседству прийти к нему ночью за какой-нибудь справкой, за разрешением встречавшегося затруднения, и, если нужной книги не было у него под руками, он накидывал немедленно на плечо свою шинельку, брал фонарь (а то и без фонаря), бежал в библиотеку, вынимал из шкафа (иногда ощупью) и приносил требующуюся книгу»²⁶.

Став ректором, Горский посещал лекции профессоров, присутствовал на экзаменах, на которых, следуя примеру митрополита Филарета, иногда не считал неуместным вразумить и самого наставника. Без его совета и благословения преподаватели Академии, даже старейшие из них, не печатали своих трудов.

Так Александр Васильевич Горский оказывал колоссальное и благотворное влияние на студентов и профессоров в стенах Академии. Сорок с лишним лет трудился он в ней, отдавая все силы и знания родной для него Академии. Лучшие из ее питомцев справедливо признавали и гордились тем, что им выпала великая радость пройти «школу Горского», из которой вышли не только замечательные церковные историки, но и прекрасные специалисты по патристике, догматике, церковному праву и т. п.

Уже в первые годы службы Горского в Академии ее тогдашний ректор архимандрит Филарет (Гумилевский) писал ему: «На тебе важная лежит ответственность за направление целой Академии. Твое влияние должно быть сильнее потому, что ты сильнее всех до одного из нас (я никому не люблю льстить, а тебе и нет нужды)»²⁷. Это влияние Горского очень скоро сказалось на жизни Академии, где до 30-х годов XIX века была в ходу философия и формально-богословское направление, не лишенное схоластического духа. Но архимандрит Филарет (Гумилевский), а особенно Горский произвели переворот в постановке учебного и ученого дела в Академии, обратив внимание студентов на изучение истории Церкви. Это важное обстоятельство понимали уже современники Горского. Так его друг епископ Костромской Платон (Фивейский) справедливо недовольный тем, что в исторической записке о пятидесятилетии Академии²⁸ не упомянуто о преосвященном Филарете (Гумилевском) и о Горском, писал 17 октября 1864 года Александру Васильевичу: «О первом можно без застенчивости сказать, что с него началась новая эпоха для Академии, а о Вас можно и должно было сказать и прикровенно, не называя имени, но изложив обстоятельства и ход, и раскрытие исторического направления в Академии»²⁹.

Действительно, своим жертвенным подвигом Горский сумел создать мощное ученое движение в Академии. Своим личным живым примером он свидетельствовал о том, что наука есть подвиг и служение. Поэтому во многом благодаря ему в Московской Духовной Академии создавалась настоящая школа сильных историков. А саму Академию во времена Горского «по господствующему в ней ученому духу с полным правом можно именовать Академией церковно-исторической науки»³⁰.

Но стенами Московской Духовной Академии не ограничивалось влияние Горского на учеников, которые становились преподавателями духовных школ, разбросанных по разным частям России.

По Уставу Академий и семинарий 1814 года от Академического Правления зависело назначение наставников в семинарии и рекомендации кандидатов на высшие семинар-

ские должности. Голос Горского часто имел в этих случаях особое значение, и благодарные наставники семинарий постоянно выражали признательность своему покровителю за его заботы в устроении их карьеры.

Но мало того, пример Горского, его наставления и советы для бывших его воспитанников служили руководящим началом в их жизни, в их научной и педагогической деятельности. «Проходя должность наставника в семинарии, сохраняю, как святыню, все ваши дорогие наставления, обратив их в неизменные правила жизни»³¹, — писал Александру Васильевичу преподаватель Пензенской духовной семинарии А. Успенский. На местах своей службы ученики Горского старались вести научное дело и учить своих питомцев так, как делал и учил их самих Горский. И так через преподавателей взгляды, приемы и методы преподавания дисциплин, которые применял Александр Васильевич в стенах Академии, распространялись по учебным заведениям России.

Научное руководство Горского по отношению к бывшим ученикам не заканчивалось магистерской диссертацией. И в дальнейшем Горский оказывал им очень существенную помощь. Привыкшие в Академии во всех затруднениях обращаться к нему за помощью, ученики Горского сохраняли эту привычку и по окончании курса. Поводов к этому было много. В критическом положении оказывался часто молодой кандидат или магистр, профессор семинарии. Он должен был учить других, но не располагал по скудности фондов местной библиотеки необходимыми пособиями. Наука, в особенности церковная история, на местах была не разработана, отсутствовала преемственность в преподавании, нужных книг не было, а требования учебных программ и начальства были высоки. И молодой преподаватель шлет горькое, слезное письмо к Горскому в лавру. Начинается оживленная переписка относительно различных недоумений, разочарований, указаний, как поступить в определенных ситуациях. Горский высылал в помощь нуждавшимся преподавателям необходимые им учебные пособия, состоявшие из разного рода «листочков» и «тетрадок», им самим написанных. Кроме того, ученики Горского сами записывали его лекции еще в академической аудитории, списывали

их у других либо брали экземпляры у товарищей. Известный русский историк В. О. Ключевский, начавший свою профессорскую деятельность в стенах Московской Духовной Академии при ректорстве Александра Васильевича, пишет о том, что «в начале 40-х годов несколько студентов, сличив записи каждого, составили полный курс лекций Горского. Путем переписывания этот огромный курс, листов в 400 убористого письма, каким умеют писать только в духовно-учебных заведениях, разнесен был по России и долго служил капитальным руководством в преподавании церковной истории во многих семинариях»³². Профессор П. С. Казанский, бывший учеником Горского, так рассказывает об этом: «В наше время его лекции ходили по рукам, и их немало распространилось по всей России. Достоинство этих лекций узнаешь только тогда, когда основательно изучишь предмет... Если принято в основание чужое сочинение, то по убеждению, что оно верно передает первоначальные источники... для нас почти для каждого он служит как бы справочным лексиконом»³³.

Так широко расходились по России лекции Горского, что ими пользовались не только наставники и учащиеся, но некоторые из них попадали за границу. Побывавший на Афоне Филипп Терновский 17 августа 1870 года писал Горскому из Киева, что старцы русского Афонского монастыря в заботах о благосостоянии обители издали сказание о жизни Богородицы и думают издать книгу о жизни Спасителя. «На вопрос об источниках для этого труда я говорил о Ваших лекциях по новозаветной библейской истории, и старцы настоятельно просили меня убедительнейше умолять Вас о высылке Ваших лекций для снятия копий. Итак, если просьба афонских старцев будет благоугодна пред очами Вашими, то благоволите выслать в Киев на имя Вашего покорнейшего слуги лекции о жизни Спасителя и все, что сюда может относиться, например, о Нерукотворенном образе, о новозаветных апокрифах и т. д. По получению лекций я не замедлю снять с них копии для пересылки их на Афон, а подлинник возвратить Вашему высокопреподобию. Афонские же старцы впишут Вас в число своих благодетелей и будут поминать, пока мир стоит»³⁴.

3. Кормчий ученых

научном руководстве Горский помогал не только одним своим ученикам. Из сокровищницы его знаний черпали нужные себе сведения как начинающие ученые, так и известные академики; его влияние простиралось на разработку исторической и филологической наук. Горский жил и трудился в эпоху бурного развития отечественного историко-филологического знания, это было время интенсивного изучения источников и накопления исторических материалов о древностях российских. Люди науки привыкали дорожить памятниками старины, внимательно их изучая. Научное описание рукописей только начиналось, и ученые исследователи должны были лично рассматривать и изучать их, посещая для этого нужные города и монастыри, которые славились своими библиотечными фондами. Многие известные ученые нередко приезжали заниматься и в Троице-Сергиеву лавру, где сразу поступали на попечение Горского.

Для таких исследователей, как и для академических профессоров и студентов, Горский оставался всезнающим и предупредительным помощником и покровителем в их ученых трудах. Так во время изучения рукописей и памятников древностей начиналось знакомство ученых историков и филологов с Александром Васильевичем, которое продолжалось и в будущем, нередко перерастая в настоящую дружбу.

Начальник Московского главного архива Министерства иностранных дел князь Михаил Андреевич Оболенский, побывав в лавре 25 ноября 1846 года, благодарил Горского за радушие и предоставленную возможность осмотреть рукописи академической библиотеки. «Ваши умные и исполненные любви к своему предмету беседы надолго останутся в моей памяти»³⁵, — писал Оболенский и просил прислать из лавры книги для переиздания с его замечаниями. А 7 февраля 1851 года все тот же благодарный исследователь, зная любовь Горского к отечественной истории, передал ему в дар

по экземпляру изданных им недавно ярлыка хана Тохтамыша к польско-литовскому правителю Ягайло и «Соборной грамоты Православной Восточной Церкви, благословляющей Иоанна IV в сан царя»³⁶. Князь Оболенский просил принять дары как выражение искреннего уважения к занятиям Горского.

Измаил Иванович Срезневский, известный филолог-славист и этнограф, который был очень близок с Горским, часто и подробно сообщал Александру Васильевичу о своих исторических изысканиях и просил нужного совета. Однажды, работая в Петербургской публичной библиотеке, Срезневский нашел отрывок пергаментного листка с кириллическими словами, перемешанными с глаголицей. Копию листка он отправил Горскому, который расшифровал надпись. Срезневский благодарил друга и пояснил, что «с помощью Вашей моя сводная глаголическая азбука выросла значительно и все продолжает расти»³⁷. Занимаясь составлением общего палеографического обзора древнерусских памятников, Срезневский нуждался в некоторых сведениях о тех памятниках, которые находились под рукой у Горского, и просил его сделать копии с жития святого Нифонта лаврской библиотеки, Трефология (Цветной Триоди) Синодальной библиотеки 6737 (1228/29) года и других, не известных ранее историко-филологической науке³⁸.

В мае 1858 года Срезневский сообщил Горскому, что известный чешский филолог и историк-славист Павел Йозеф Шафарик издал брошюру, в которой доказывал, что глаголица была составлена первоучителем славян Кириллом³⁹ (Константином Философом), ссылаясь при этом на одну лаврскую рукопись Толковых пророчеств. Сам Срезневский не был склонен верить этому, но опровергнуть научно Шафарика не мог. Чтобы лучше разобраться в этом вопросе, он просил Горского прислать ему копию с кирилловских слов рукописи, где встречаются глаголические буквы⁴⁰. Тогда Александр Васильевич сам стал рыться в рукописях, отыскивая нужные слова, буквы, отмечая особенности, и результаты своих работ отправил просителю.

И. И. Срезневский посылал в Академию к Горскому видного историка и писателя Николая Ивановича Костомарова,

желавшего познакомиться с рукописями Волоколамского монастыря, и писал 12 сентября 1860 года: «Кто же лучше Вас может и руководить Николая Ивановича в ближайшем ознакомлении с содержанием рукописей, для него особенно важных. При помощи Ваших указаний он воспользуется с выгодой и рукописями Академии и Троицкой лавры. А на Ваше доброе содействие, конечно, он может надеяться»⁴¹.

Но однократные визиты ученых в лавру под опеку Горского не приносили сразу обильных плодов, это было только начало труда. За короткое время пребывания там серьезный исследователь мог только начать знакомиться с рукописями. После отъезда ученые снова нуждались в необходимых справках. Многие, особенно иностранные историки и филологи, не могли лично побывать в Академии. Они только читали и слышали о ее обширных фондах, но не имели возможности лично изучать их. Поэтому очень часто они обращались за помощью к Горскому. Хорошо еще, если они указывали конкретно, из какой рукописи какая именно выписка им необходима. Часто исследователь сам не помнил точно, что ему нужно, он просто просил поискать, сделать нужную по ходу занятий справку и указание. Таким образом на плечи Горского ложилась дополнительная работа, доставлявшая Александру Васильевичу немало хлопот. От цензуры ему не дозволялось без соответствующего разрешения делать выписки из рукописей, отсылая их при этом другим, а тем более публиковать их без надлежащего объяснения духовному и гражданскому начальству. Но, несмотря на определенные барьеры и колоссальную занятость, Горский оказывал помощь, как мог. В подобных случаях Александр Васильевич либо получал необходимое от цензуры разрешение, отсылая списки рукописей, либо сам указывал, что просителю нужно выписать. К выпискам нередко привлекались и студенты. Николай Калинин, закончивший Академию в 1862 году, свидетельствует, что по поручению Горского он делал подобные выписки для Н. И. Костомарова, О. М. Бодянского и даже для англиканского миссионера Уильяма Пальмера, работавшего над историей патриаршества Никона⁴².

Светские высокопоставленные лица, которых интересовали вопросы церковной жизни, также обращались к Гор-

скому за советом. Любопытен один такой случай, происшедший с философом и богословом Виктором Дмитриевичем Кудрявцевым. Некая светская дама по одному церковному вопросу обратилась к Кудрявцеву, бывшему в то время наставником цесаревича. Знаменитый философ оказался не силен в истории и скорее поспешил за помощью к Горскому. «Из далекого Петербурга, точно так же как у Троицы, приходится прибегать к помощи вашего знания, чтобы восполнить наше незнание, помощи, в которой вы, вероятно, также не откажете теперь, как не отказывали ранее», — писал он, добавляя, что графиня Антонина Дмитриевна Блудова, интересуясь положением христиан в Турции, просила его отыскать акты Ясского собора 1640 года и собора Иерусалимского, относительно дела о патриархе Кирилле Лукарисе⁴³. Кудрявцев ничего об этом не знал и просил у Горского нужных сведений и даже списков документов, которые получил от Александра Васильевича в скором времени.

Так Горский давал ответы по отрывочным вопросам, другие исследователи вели с ним продолжительную переписку научного характера, предлагали ему ряд вопросов, и ему приходилось трудиться и работать вместе с ними, решая проблемы, интересовавшие его корреспондентов. Подобные случаи происходили часто, и ученые были настойчивы.

Товарищ Горского по Академии Андрей Смеловский, служивший в Петербурге, работал над исследованием о братьях Лихудах, основателях Московской славяно-греко-латинской академии. Сначала он просил Горского сообщить краткие исторические сведения о самих Лихудах и их сочинениях, особенно о «Риторике» Софрония, написанной на греческом языке, также о святогореце Косьме и его переводе «Риторики» Лихуда. Горский исполнил просьбу. Немного спустя А. Смеловский попросил сообщить ему подробное оглавление этой «Риторики» и сведения с источниками по истории Московской славяно-греко-латинской академии. Нуждаясь в дальнейших справках, он просил Горского прочитать некоторые книги, в которых излагается сущность спора о пресуществлении Святых Даров на литургии, решить некоторые недоумения в именах собственных и справиться о надписи над гробницей Иоаникия Лихуда в Заиконоспас-

ском монастыре. Эти нужные справки Горский непременно делал и отсылал в Петербург.

Горский поддерживал переписку с известным знатоком русской старины Михаилом Петровичем Погодиным, который высоко ценил ученость Александра Васильевича и обращался к нему за советами и указаниями. Погодин издавал популярный журнал «Москвитянин» и в этом журнале, уступая убеждениям Погодина, Горский помещал некоторые статьи при условии, чтобы его имя было известно только редактору. «Для истины все равно, какая бы ни была поставлена литера под статьей, писаной для объяснения ее, А, или В, или N», — писал Александр Васильевич⁴⁴. Этот обычай Горского, по свидетельству профессора С. П. Шевырева, был «примером соединения трудолюбия со смирением, не признающим своей личности; здесь за добросовестным трудом скрыто лицо... это самоотвержение — великий подвиг, объясняемый из лучшей стороны нашего народа»⁴⁵.

Одной из первых статей, которую Горский послал к Погодину, была статья о святых Кирилле и Мефодии, так называемые их паннонские жития, которые автор снабдил основательным исследованием. Статья была напечатана и вызвала среди ученых большой интерес⁴⁶. История Кирилла и Мефодия после исследования чешского ученого И. Добровского⁴⁷ раскрывалась преимущественно на основаниях латинских источников, видное место между которыми занимала так называемая «итальянская» легенда о перенесении мощей святого Климента в Рим. Горский же раскрыл глубокую древность паннонских славянских житий святых Кирилла и Мефодия и их первостепенную важность для правильного представления жизни и деятельности просветителей. Списки обоих житий Александр Васильевич нашел в библиотеке Московской Духовной Академии. Паннонские жития были известны ученым и прежде Горского. Ими пользовался, например, святитель Димитрий Ростовский для своих «Четьих Миней»; к ним презрительно отнесся Шлецер⁴⁸. Горский же в своей статье, строго придерживаясь текста житий, обстоятельно излагает биографию святых Кирилла и Мефодия, снабжая ее основательными критическими замечаниями, хронологическими и историческими,

воспользовавшись для этого византийскими и западными источниками. «Это исследование Горского легло в основу большей части позднейших исследований о первоучителях славянских, а открытые им пространные славянские жития отодвинули на второй план прежние источники и сами заняли первенствующее место в кирилло-мефодиевской литературе»⁴⁹. Выводы, к которым пришел Горский относительно текстов житий, остаются актуальными до сих пор. Они таковы: оба жития сохранились в своем изначальном виде, без особых искажений текста и позднейших вставок; написаны ближайшими учениками святых непосредственно после кончины каждого из братьев. Таким образом, Горский сделал вывод, что паннонские жития — один из самых полных источников сведений о трудах и жизни равноапостольных братьев, составленный непосредственно после их кончины, в той среде, в которой они трудились⁵⁰.

Исследованием Горского вскоре воспользовались преосвященный Филарет (Гумилевский) в своих статьях о Кирилле и Мефодии⁵¹, архимандрит (впоследствии митрополит) Макарий (Булгаков) в своей «Истории христианства в России до св. Владимира»⁵² и профессор С. П. Шевырев в «Истории русской словесности»⁵³. Это исследование Горского было переведено на чешский язык⁵⁴ и стало известно чешским и немецким ученым. Исследователь старины Дюмлер напечатал статью Горского в своих комментариях к паннонскому житию святого Мефодия, переведенному по его просьбе Ф. Миклошичем на латинский язык. Дюмлер принял при этом почти все доводы и замечания Горского⁵⁵. Прочитав житие святого Константина Философа (Кирилла), известный чешский филолог П. Шафарик с восторгом писал Горскому: «Житие Константина вами присланное, есть сокровище, перл»⁵⁶. В издании паннонских житий П. Шафарика⁵⁷ житие святого Мефодия напечатано по списку, найденному Горским в одной из рукописей Московской Духовной Академии.

Впоследствии Погодин часто обращался к Горскому по вопросам, касающимся времени святых Кирилла и Мефодия и начала древней славянской письменности. «Вот похвала св. Кириллу в двух редакциях; что вы о них думаете? Напеча-

тать ли их в сборнике нашем обе или одну с указанием разноречий? Прилагаю чистые листы сборника: не сделаете ли каких замечаний, кои можно приложить к концу книги? Не раскрыть ли титла? Покойный Шафарик сильно восставал против печатания с титлами. Усердно кланяюсь, а вы чем занимаетесь теперь?»⁵⁸

М. П. Погодин просил Горского принять участие в праздновании Тысячелетия славянской письменности и на торжественном собрании Общества любителей российской словесности 11 мая 1865 года выступить со специальным докладом. О том, как высоко ценили в научном мире Горского, свидетельствует и тот факт, что специальный юбилейный Кирилло-Мефодиевский сборник начинается именно его статьей о славянских первоучителях, перепечатанной из «Москвитянина»⁵⁹. В Московской Синодальной библиотеке Горским был найден лучший список канонов или службы славянским просветителям, благодаря чему в юбилейном сборнике также появилась статья ученого «О древних канонах святым Кириллу и Мефодию, по синодальному списку». В том же сборнике была напечатана проповедь Горского «Слово на день памяти св. Кирилла и Мефодия», сказанная студентам Академии⁶⁰.

Когда Погодин составлял и печатал свою «Историю»⁶¹, он нередко обращался за содействием к Горскому, принимая во внимание различные указания и дополнения Александра Васильевича. Он часто присылал Горскому свои «листки», «кипки бумаг», «заповедные тетрадки», прося исправлений, исключений, замечаний, возражений. Между двумя учеными существовал оживленный обмен мыслями. По окончании своего труда Погодин благодарил Горского: «Наконец, кончил печатание. За все ваши замечания, многоуважаемый и наилюбезнейший Александр Васильевич, приношу искреннюю мою благодарность»⁶².

Не только своим ученикам и известным ученым помогал Горский. В его научном руководстве нуждались целые ученые общества, строившие в своей деятельности грандиозные планы, но сталкивавшиеся с серьезными трудностями в их достижении. В конце 1874 года в Московском обществе любителей духовного просвещения возникла

мысль об издании в журнале общества⁶³ специального труда «Правила св. апостол, св. соборов Вселенских и Поместных и св. отец с толкованиями», книги крайне необходимой для православного богословия и пастырской практики Церкви. Сами «Правила» вместе с толкованиями, данными на них выдающимися византийскими канонистами — Аристином, Зонарой и Вальсамоном, составляют сердцевину православного церковного права, нормы и правила которого регулируют как внутреннюю, так и внешнюю жизнь Церкви. «Этими нормами, правилами, законами Церковь обретает свой богозданный строй»⁶⁴. Начиная с 1875 года, Обществом было начато печатание «Правил»⁶⁵.

Горский с самым живым участием отнесся к этому мероприятию, всецело помогая редакции в правке текста, делая ценные замечания⁶⁶. В пояснительной статье к изданию, вышедшему уже после кончины Горского, было отмечено, что «Общество считает себя обязанным с глубокою благодарностью засвидетельствовать о том горячем сочувствии к этому предприятию и содействию, какие оказывал в Бозе почивший, приснопамятный почетный член Общества отец ректор Московской Духовной Академии, протоиерей Александр Васильевич Горский. Великий радетель всякого полезного для Церкви святой дела, Александр Васильевич, перед начатием этого трудного дела обещал редакции свое содействие во всех затруднительных случаях. Когда затем явились первые листы перевода, он, уже в болезненном состоянии, прочел перевод, по своему всегдашнему обычаю сличил с подлинником, сделал некоторые глубоко-меткие замечания на книге, и имел по этому случаю не кратковременную беседу с редактором. Не довольствуясь этим, на другой день он прислал редактору письмо, в котором изложил целый ученый экскурс о значении греческого слова $\sigma\tau\epsilon\iota\upsilon\omicron\upsilon\sigma\theta\alpha\iota$ в Вальсомоновом толковании на 14 правило св. апостол. Сеявый о благословении, о благословении да пожнет в веце грядущем!»⁶⁷

Готовый всегда помочь тому, кто к нему обращался, Горский пользовался особенным уважением и любовью ученых. Многие из них, выпуская в свет свои труды, спешили представить их Александру Васильевичу, прося высказать

свое мнение об их достоинствах и недостатках. Известный философ и славянофил Юрий Самарин 19 апреля 1866 года посылал Горскому для рецензии свою книгу об иезуитах⁶⁸, прибавляя: «Ваше суждение было бы для меня дорого, но не смею вас об этом просить, зная, что вы обременены трудами»⁶⁹. Горский дал отличный отзыв о книге.

В 1873 году учитель Рязанской духовной семинарии Евраф Смирнов представил Горскому, как знатоку и самому лучшему специалисту в церковно-исторической науке, свою «Историю Христианской Церкви», учебник, употребляющийся даже в современных Духовных школах России⁷⁰.

В конце 1864 года преосвященный Макарий (Булгаков), в то время архиепископ Харьковский, прислал Горскому в знак глубокого уважения к его научным трудам только что вышедшие тома своей знаменитой «Истории Русской Церкви»⁷¹.

Все вышеперечисленные авторы желали знать мнение Александра Васильевича и дорожили его ценными замечаниями. Но не только светские ученые и богословы дорожили научными познаниями Горского. Сам митрополит Московский Филарет пользовался его указаниями и советами. Митрополит посылал на просмотр Горскому свои проповеди исторического характера, беседовал с ним по вопросам церковной жизни, спрашивал его мнения по различным возникавшим в обществе вопросам, например, относительно исправления Устава Духовных Академий, о гражданском браке, преподавания богословия в университетах, Земских соборах и др.

Митрополит просил Горского написать Устав Общества любителей духовного просвещения, сделать отзывы на некоторые книги. По желанию святителя Филарета Горский разъяснил «Свидетельство о литургии Преждеосвященных Даров», приписываемое Никите Стифату или Пекторату. Горский дал комментарии и на письмо Феодора Студита к папе Льву III. Именно на это письмо ссылались католики в доказательство главенства Римского епископа.

Митрополит Филарет во многих важнейших вопросах церковного управления, в которых Синод требовал от него совета, сам искал совета и ученых указаний Александра

Васильевича и в них находил твердую научную основу для своих распоряжений⁷². Не случайно в Московской Духовной Академии ходило предание, что поразительной глубиной канонических и исторических обоснований в своих знаменитых резолюциях Филарет во многом обязан Горскому. Такого же происхождения и обстоятельные реляции Филарета в Святейший Синод⁷³.

Требовательный к подчиненным, митрополит Филарет благоволил к Горскому, отличал и награждал его. Со своей стороны Александр Васильевич уважал владыку, благоговел перед его умом. Часто встречаясь с митрополитом, Горский знал пылкий характер святителя Филарета, его требования, взгляды и умел вести себя так, чтобы не вызывать напрасный гнев. Никакие сочинения из представленных на суд митрополиту не проходили так благополучно, как просмотренные перед этим Горским. Но в этих близких отношениях святителя с ученым заключалась и определенная сложность для Александра Васильевича, который хорошо знал сам и не скрывал от других, что не все его исследования можно сделать известными для читающей публики. «Для себя я занимаюсь как могу и сколько могу... — писал он Погодину. — Но положение дел наших церковных и мое личное положение не позволяет говорить печатно, что по совести ученый может и должен сказать в своем кабинете»⁷⁴. В другой раз в своем дневнике 19 июня 1836 года Горский записал: «Вчера рассказывал ректор (архимандрит Филарет Гумилевский), что владыка в беседе о рассуждениях, между прочим, выразил свою мысль о недостатке у нас сочинений духовных. Ученые духовные наши, говорил он, ничего не пишут. Да и как писать? Что ни будет написано со старанием раскрыть новую сторону в предмете, — все это покажется ересью»⁷⁵. Конечно, строгий митрополит не мог заставить Горского в тиши кабинета мыслить так, как хотелось начальству, но он имел власть и силу влиять на внешнее выражение мыслей Горского и допускал это. Поэтому Александр Васильевич никогда не забывал соблюдать осторожность в словах и на бумаге, поэтому мало печатал своих работ, часто не раскрывая в них даже своего имени. К тому же, сочинения и самого митрополита Филарета неоднократно подвергались цензу-

ре, а он не раз входил в несогласие с гражданской властью и Святейшим Синодом⁷⁶.

Не все современники Горского понимали это. Особенно горячо возмущался М. П. Погодин: «Зачем Вы отдаете их на просмотр владыке. Это ведь долгий ящик. Я не понимаю Вашего страха иудейского? Раб Вы что ли? Кто имеет право на Вашу мысль и дело? Во всяком случае, статья без имени автора никакого вреда причинить Вам не может. Такого деспотизма вообразить трудно, или лучше такого восточного подданства. Вы, Вы сами виноваты», — писал ученый Горскому 22 ноября 1842 года. В другой раз, 20 октября 1847 года Погодин внушал Александру Васильевичу: «Вот клеймо... аго...аго семинарского воспитания, рубцы деспотизма, которые самые лучшие и высокие души сгладить в себе никак не могут. Простите моей откровенности! Если бы я не любил Вас искренно, то никак не смел говорить подобным образом. Пособил здесь и NN тяжестью своего ума и характера! Все московское духовенство как бы заколдовано, идохнуть свободно не может»⁷⁷.

Тщетно и не раз убеждал М. П. Погодин Горского: «Да принимайтесь за полную, подробную русскую церковную историю. Кому, как ни Вам писать ее». Или: «Принимайтесь за что-нибудь побольше, например русскую церковную историю; Вы, если захотите, подарите ее отечеству»⁷⁸. Но Горский лучше других понимал, что еще не пришло время для таких фундаментальных трудов. При живом участии Александра Васильевича наша церковно-историческая наука только начинала свое дело, и ученый, закладывая крепкий фундамент в ее основание, возвращал первое поколение историков Русской Церкви.

Ход исторического развития России в XIX веке постепенно подготовил для отечественной церковно-исторической науки пути для укрепления ее научно-просветительского значения. В этом смысле именно профессор А. В. Горский выдвинул церковную историю на самостоятельный ученый пьедестал и развернул широкие и светлые горизонты для ее систематического изучения. Это он «воспитал целую историческую школу, распространившуюся по всему простору русского богословского поля»⁷⁹. Его благо-

дарные ученики, получившие неоценимую помощь своего мудрого наставника, впоследствии создали фундаментальные труды по истории Русской Церкви, устроили почву для дальнейшего научного и критического ее изучения. Это Горский навел Е. Е. Голубинского на мысль исходить в реконструкции устройства и быта древней русской Церкви⁸⁰ из византийского материала... Горский подсказал и Каптереву метод, использованный им в его работах по истории патриаршества Никона⁸¹, и Каптерев использовал подобранные Горским материалы. Полнота и многосторонность его знаний были поистине изумительны, и потому его влияние простиралось на все отрасли русского богословия.

4. Лекционные курсы

ступительные лекции по какому бы то ни было предмету знакомят слушателей с научными воззрениями профессора, с его идеалами, стремлениями, надеждами, желаниями. Таковы вступительные лекции Горского⁸². Какие же идеалы проносились перед его взорами, какими стремлениями он был одушевлен, какими надеждами и желаниями исполнялся и руководствовался?

Горский был убежден, что церковная история как наука подлжит общим законам исторической истины. Истина у церковного историка не есть какое-нибудь условное утверждение, которое при рассмотрении с какой-нибудь иной точки зрения оказывалось бы сомнительным. Истина церковно-историческая есть истина безотносительная. Это потому, что церковный историк добывает ее, руководясь теми же способами, какими приобретает всякая историческая истина. Горский заявлял перед своими слушателями: «Нет нужды говорить, что церковная история подлжит общим законам всякого исторического произведения, что она, например, должна пользоваться источниками только достоверными»⁸³. Церковную историю Горский понимал не как сборник фактов, мертвых и сухих, но как науку, укзывающую идею церковно-исторической жизни, смотрел на факты как на внешние показатели внутренних отношений и явлений. Горский говорил, что церковная история не должна собирать только факты, по его воззрениям, она обязана проникать во внутреннюю связь между ними, извлекать идеи факта из самого факта. Такова должна быть, по сознанию историка Горского, церковная история вообще, такой же она должна быть и тогда, когда рассматривает частные вопросы. Вот слова ученого: «В каждом отделении, содержащем в себе часть церковной жизни в известную эпоху, все данные должны быть раскрываемы во внутренней их связи между собой так, чтобы целое по возможности представляло из себя одно живое органическое развитие начал, внутри обзрваемой части жизни церковной находившихся,

а не простое собрание фактов, никакой другой связи между собой не имеющих, кроме однообразности». Горский как глубокий историк считал, что церковная история должна знакомить не просто с церковно-историческими фактами, а собственно с церковно-исторической жизнью. Зачем приводить факт, если он стоит особняком, ничего не объясняет в общем течении жизни, если его можно рассказать, но нельзя им ничего объяснить?⁸⁴

Как историк Церкви Горский отличался самым возвышенным взглядом на свой предмет, относился к нему с религиозным одушевлением. В частности, важнейшие стороны церковно-исторической жизни Горский рассматривает как «обнаружение христианской жизни под непосредственным действием Святой Троицы», в одной группе фактов он находит выражение действия Бога Отца, в другой — Бога Сына, в третьей — Духа Святого. И с такой точки зрения он рассматривает всю церковную историю. В распространении христианства, твердости мучеников во время гонений, апологетической деятельности Церкви, направленной ко вразумлению язычества, не хотевшего признать величия христианства, Горский примечал влияние первого лица Святой Троицы, Бога Отца. В своих вступительных лекциях он утверждает: «Мы должны видеть, как Бог призывал в недра Своей Церкви один народ за другим, как охотно или не без сопротивления люди последуют сему влечению. И если, по слову Спасителя, никто же придет к Нему, аще не Отец привлечет его, то здесь мы должны видеть преимущественно действие Бога Отца, Который хочет всем человекам спастися и в познание истины прийти. Он, произведши всех человеков от единых крови, расселил народы по всему лицу земли, определив жительству каждого из них времена и пределы, дабы они искали Бога, и когда по плану общего мироправления наступает черед того или другого народа войти в состав обновленного человечества, тогда общими путями своего Промысла или чрез известных сильных деятелей прикрепляет дикую маслину к корню плодовой. Так это было при самом первом явлении христианства, так и в последующие времена. Новый порядок обыкновенно не вдруг заступает место прежнего,

мрак не вдруг уступает место свету. Смотря по тому, как человек пристрастился к своему прежнему образу жизни, как дух его раскрылся к принятию религии истины, любви и добра, — для него это бывает труднее или легче. Часто он, как ослепленный, вооружается против того, что составляет его существенное благо. Так бывает и с целым народом. Таким образом, с историей распространения Церкви тесно соединена история гонений против нее, которые умиротворяются терпением мучеников, основательным защитением истины Божественной (апологеты) и особенными действиями Божественного Промышления»⁸⁵. Таким образом, вступление человека в Церковь и борьба его с врагами внешними, по воззрению Горского, совершается по действию силы Божественной, изливаемой на человечество от Бога Отца.

Другие группы церковно-исторических явлений, касающихся внутреннего развития и благоустройства Церкви, Горский ставит под особенное действие Второго Лица Святой Троицы, Сына Божия, Христа. Сюда он относит историю церковного учения, богослужения и иерархии. Горский обращался к своим слушателям с такими мыслями: «Теперь история церковная должна показать, как введенные в ограду Церкви народы руководствуются в ней Главой Церкви, Сыном Божиим, Иисусом Христом, Который как великий пророк открыл миру свет истинного Богопознания, как истинный первосвященник даровал Церкви средства благодатного освящения, как царь управляет чрез своих служителей всем телом Церкви по законам Своей Божественной воли». Горский находит в истории Церкви продолжение троиственного служения Иисуса Христа как пророка, первосвященника и царя. Раскрывая эту мысль, Горский говорил: «Церковь в одно и то же время и училище истины для руководствуемых, и храм для их освящения, и духовное царство, в котором каждому члену назначено свое место и все подчиненные одной верховной невидимой власти управляются на основании ее законов видимым священноначалием»⁸⁶. Учение Церкви, ее богослужение, ее иерархическое управление — вот предметы, на которые обращена промыслительная деятельность Христа Спасителя.

Область Духа Святого в истории Церкви, по воззрению Горского, состоит в направлении всей жизни христианской к практическому осуществлению идеала добра и истины. «Начатое под руководством Церкви через Иисуса Христа обновление довершается, — рассуждает Горский, — под влиянием Духа Св. и при пособии благодатных учреждений в собственной деятельности каждого, которая бывает разнообразна по различным отношениям настоящей временной жизни. Учение веры определяет образ мыслей частных лиц, законы благочестия определяют образ жизни, благодатные пособия, врачюя немощи и укрепляя силы, образуют в различных классах общества более или менее сильных деятелей, которые своим примером, своими наставлениями, своей властью благоустраивают общее направление умов, вводят или, по крайней мере, поддерживают различные учреждения, служащие к сохранению и распространению духа благочестия. История Церкви собирает в одно целое эти разнообразные явления христианской жизни, которыми заключается на земле весь ряд предшествующих действий Божественного руководства»⁸⁷.

Указанные воззрения Горского на историю Церкви могут привести к мысли, что, рассматривая историю как обнаружение Божественных действий, он тем самым отказывался от изучения естественных причин и условий развития церковно-исторической жизни. Но этот вывод несправедлив. Горский никогда не забывал той основной истины, что история христианской жизни раскрывалась среди чисто исторических, человеческих отношений и потому может быть изучаема только в связи с этими отношениями. К этой истине Горский не раз обращался в своих вступительных чтениях. Лучшим доказательством этого служат его мысли о том, как следует серьезному историку изучать историю христианских догматов. Развитие христианской догмы есть важнейшая сторона для изучения историка. Здесь — центр тяжести всего движения церковной жизни. При рассмотрении таких вопросов осторожный историк меньше всего может допускать влияние духа времени и исторических условий. Если допущено будет, что догма развивается таким же путем, как и всякое человеческое мировоззрение, то в таком

случае грозит опасность перемешать истину, данную в откровении, с естественной истиной человеческой. Горский не находит ничего предосудительного в том, чтобы рассматривать историю христианского учения в связи с общим ходом умственного развития человечества, только старается указать, какие пределы в этом случае не должен переступать историк. Горский объявлял своим слушателям: «В отделе науки о учении должно раскрывать направление и успехи христианской догматики. Одного фрагментарного собрания изречений или мест из сочинений отцов Церкви о каких-либо истинах христианского учения недостаточно...»⁸⁸ В другом случае Горский говорил: «Надлежит в каждом времени обращать внимание на развитие — средства и степень развития учения веры и благочестия. На чем остановился ход развития учения в предшествующем периоде? Кто продолжал его движение в настоящем? Как в самых движителях оно образовывалось? С кем или с чем оно встречалось и боролось? И что было следствием сего столкновения?»⁸⁹ Предметом, заслуживающим особенного внимания при изучении истории церковного учения, Горский считает вопрос о влиянии индивидуальных качеств учителей Церкви на учение Церкви. Как понимать эту последнюю мысль, — об этом историк в одной своей вступительной лекции высказывается очень ясно и вполне справедливо. «Биографические сведения об учителях Церкви и перечень их сочинений при изложении истории церковного учения нужны в таком случае и в такой мере, когда и сколько это требуется для раскрытия состояния учения, когда и сколько первыми определяется образ действия какого-либо учителя Церкви, а последние служат источником раскрываемых истин; вообще указанные сведения должны служить к раскрытию направления и успехов развития христианской догматики»⁹⁰. Богоучрежденность Церкви, Богооткровенность ее учения, таким образом, по сознанию Горского, не исключают естественного хода развития церковной жизни; это представление не противоречит понятию о Церкви как организме, одушевляемом высшими силами.

Затем Горский представляет перечень вспомогательных наук и источников для всеобщей церковной истории, а так-

же дает обозрение трудов по истории церкви в следующем виде:

«*Церковная география* (Вильча), *статистика* (Штейдлина) и *хронология* (L'art verifier les dates des faitis historiques*)».

История христианских миссий (Fabricii lux Evangelica**, Блюмгард, Henrion).

История догматов (Дионисия Петавия, Мюнстера, Ненандера); *символика исповеданий* (Винера, Мелера, Герике, Гана).

Патристика и патрология; история ересей (Вальха).

Церковная археология (Бингама, Августина, Бинтерима).

Деяния и правила соборов и их история.

История христианской жизни (Четъи-Миней, Acta sanctorum, acta martyrum sincera***).

Труды по истории церковной.

Древнейшие: сочинения Егезинна, Евсевия, еп. Кесарийского (разбор его «Истории»; чем он пользовался? Достоинства его и недостатки), Руфина, Сульница Севера и Орозия. Продолжатели трудов Евсевия: Филосторгий, Сократ, Созомен, Феодорит, Федор чтец, Евагрий (их характеристические отличия).

Средневековые: на востоке труды византийских писателей и Никифора Каллиста. На западе: Григория Турского, Беды, Адама Бременского; *historia tripartita*****; *annales* разных мест, времен и лиц. К концу Средних веков начало трудов критических: Валла.

Со времени Реформации — направление полемическое: центурии Магдебургские; понятие о них, их достоинства и недостатки. Им противопоставила Церковь Римская летописи Барония. Их оценка.

Труды: а) *римско-католических ученых*, особенно монашествующих во Франции — по изданию древних памятников исторических, писаний отцов, деяний соборов, житий святых, истории орденов монашествующих в XVII и первой четверти XVIII века. Собственно церковно-исторические

* Искусство проверять даты исторических событий.

** Свет Евангелия Фабриция.

*** Деяния святых, Мученические акты.

**** Трехчастная история.

труды: Александра Наталиса, Тильмона, Флери и в недавние времена: Рорбахера, Анриона, абб. Гете (Аббата Миня издание).

Из немцев в текущем столетии [т. е. в XIX веке. — А. М.]: Штольберга, Катеркамифа, Деллингера, Альцога.

б) *Протестантов* лютеранского исповедания: Готфрида Арнольда, Вейсмана, Буддея, Мозгейма, Вальхова, Шрекка. Протестантского: Геттингера, Спангейма, Каве, Удина, Бингама и др.

С половины прошлого столетия [т. е. XVIII века. — А. М.] новое направление в богословии протестантов отражается и в церковно-исторических трудах: Землера, Генке и т. д. Заслуги Неандера и его школы и важнейшие недостатки в его трудах. Значение исторических трудов Гизелера.

в) *Православных* писателей из *греков*: Дионисия, патриарха Иерусалимского, Мелетия, митрополита Афинского. *У нас*: св. Димитрия, Мефодия Псковского, Иннокентия Пензенского и других»⁹¹.

Из этого следует, что Горский не просто строго и основательно изучил литературу по своему предмету, он в определенной степени составил и представление о церковной историографии с древнейших времен до современной ему эпохи, включая обзор историографии сильнейшей в то время немецкой церковно-исторической науки. Также рассмотрел и основные труды по только зарождавшейся тогда русской церковно-исторической науке. При этом Горский к анализу трудов историков подходит всегда строго научно и критично.

Из критичной оценки различных пособий по церковной истории, помещенной в лекциях Горского, видно, что он отдавал предпочтение перед другими исследованиями историческим трудам И. Мосгейма, А. Неандера и И. Гизелера. О первом он отзывался так: «Мосгейм, кроме необходимых дарований для дела, кроме знания языков, критического вкуса, знакомства с философскою историею обладал и многими другими преимуществами. Он знал хорошо свет и человека, что доставило ему возможность часто находить первые причины событий в человеческих наклонностях и страстях. К еретикам он был слишком снисходителен»⁹².

О главном сочинении Мосрейма⁹³ «*Institutiones historiae ecclesiasticae antiquae et recentioris*»* Горский говорит, что «всегда оно основано на свидетельствах, исполнено остроумных (иногда слишком резких и несправедливых) суждений и поучительных замечаний. Оно отличается прагматизмом и искусством изложений»⁹⁴. О Неандере⁹⁵ Горский делает такой отзыв: «Неандер восстановил уважение к древней церковной истории. В нем Германия увидела первого историка, раскрывшего свой предмет как одно целое, в стройной и тесной связи всех его частей, жизнь церковную, обнаруживающуюся в различных явлениях не случайно, но в строгой последовательности, на основании прежде данных начал. Впрочем, автор на жизнь христианскую смотрит с лютеранской точки зрения»⁹⁶. О Гизелере⁹⁷ Горский замечает: «Церковная история его отличается обширною ученостью, богата выписками из источников, но автор из числа рационалистов»⁹⁸.

Неандер был любимейшим руководителем Горского на поприще исторических исследований. И в библейской, и в церковной истории Горский во многих случаях, несомненно, находился под его влиянием: это видно, например, в изложении истории гонений на христиан. Но вместе с тем нельзя сказать, что использование Неандера Горским в его научных построениях доходило до полного заимствования. Горский в значительной степени переделывает, дополняет Неандера и в расстановке фактов и в воззрениях, и в характере изложения материала. Кроме того, местами Горский полемизирует с немецким историком. Гизелером пользовался Горский преимущественно при критической проработке источников. Из современных ему историков Горский с определенным вниманием относился к Куртцу. Кроме того, он использовал и других авторов, например Чирнера при изображении истории упадка язычества, а также Леке-на, Тильмона, Дюпена, Селье⁹⁹.

Верхом совершенства в построении лекционных курсов, которые Горский читал в Академии, необходимо признать его «Историю Евангельскую и Церкви Апостольской», для

* «Изложение церковной истории древней и недавней».

составления которой он положил много труда и над которой работал с особым тщанием. Эти академические лекции были изданы после смерти ученого¹⁰⁰ и представляют собой философию Новозаветной Священной истории, изложенную с редким проникновением. По всей этой истории, особенно по истории Евангельской Горский провел одну идею — возбуждение Христом веры в учениках и в народе. Эта идея проглядывает у него и в таких фактах, которые при простом чтении Евангелия никак не могли бы привести к тем заключениям, какие делает из них Горский. Проникнутый пламенной верой в искупительный подвиг Христа Спасителя, Горский одушевлялся в своих чтениях, и речь его часто дышала поэтическим восторгом¹⁰¹.

Работы Горского поражают своим мастерством. Наследием ученого являются, прежде всего, его научные труды, которые могут быть разделены на четыре группы:

1) жизнеописания и исследования, относящиеся к общей церковной истории; 2) жизнеописания и исследования, относящиеся к русской церковной истории; 3) древние русские памятники, изданные с комментариями; 4) поучения и речи. Всего Горский издал свыше 40 печатных научных работ. Кроме них остались обширные труды в рукописях. В основном это лекции по общей и русской церковной истории и по догматическому богословию¹⁰². Горскому принадлежит также инициатива издания журнала «Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе», который начал издаваться в Москве с 1843 года. Он был одним из редакторов журнала и самым деятельным его сотрудником.

Что касается исследований Горского по русской церковной истории, то его работы следует признать самостоятельными и оригинальными. Летописи, грамоты, акты он изучил глубоко и основательно, используя затем эти подобранные материалы при развитии научной составляющей своего предмета. Горскому принадлежит честь и заслуга за открытие некоторых замечательных памятников древней русской литературы. У Горского не было, однако, лихорадочной торопливости публиковать все источники, попадавшееся к нему в руки. Новые памятники только тогда вводились Горским в научный оборот, когда после всестороннего

исследования удавалось раскрыть их значение и определить их место в истории или литературе. Достаточно сказать, что замечательный памятник древности «Слово о законе и благодати» митрополита Киевского Илариона сделалось достоянием исторической науки благодаря Горскому, который впервые и издал его, снабдив обстоятельным, научно выверенным пояснением¹⁰³. Прежде «Слово» было известно и Карамзину под именем «Жития Владимирова»¹⁰⁴, но Горский после изучения писаний «греческого Илариона»¹⁰⁵ доказал несомненную самостоятельность найденных им сочинений «Илариона русского», проследил их историю в древней русской письменности до времен архиепископа Гурия (1555)¹⁰⁶ и приурочил их к известной эпохе.

Также Горским изданы жизнеописания и поучения Кирилла II, митрополита Киевского, митрополитов Московских Петра и Алексия¹⁰⁷. Эти биографии древних святителей московских, составленные по предложению митрополита Филарета, можно считать образцовыми произведениями. Не уступают им в достоинстве и обширнейшие труды Горского о восточных отцах: Афанасии Александрийском, Василии Великом и блаженном Феодорите Кирском¹⁰⁸.

О характере изложения в сочинениях Горского следует заметить, что он писал чистым русским языком, не допускал в речи иностранных терминов, избегал неопределенных и двусмысленных выражений, выбирал слова и выражения точные и веские, соблюдал крайнюю осторожность в построении фразы и при всем ученом характере исследований не впадал в сухость изложения.

Серьезный православный церковный историк, приступая к своему делу, не может обойти весьма существенного вопроса: какие задачи ставит перед ним принадлежность его к Православной Церкви; в чем должны состоять отличия православного историка от всех других историков; как он должен относиться к богатой литературе, обязанной своим происхождением римско-католическим и протестантским богословам? Эти вопросы занимали и Горского. Он, впрочем, решает их очень просто и коротко. Горский так резюмировал свои мысли в данном случае: «Изложение истории определяется взглядом на предмет ее, который должен быть

выведен из существа ее. И по теории, и по опыту должно согласиться, что изложение истории Церкви наиболее определяется взглядом догматическим. Характер православного богословия — утверждать свои истины на слове Божиим и подкреплять свое разумение слова Божия свидетельством Церкви или предания в обширнейшем значении. Это уважение к голосу Церкви или преданию есть вместе уважение к истории Церкви. В этом случае мы отчасти сходимся с Церковью Римско-католической, вопреки направлению протестантскому, но имеем преимущество перед Римской церковью в том, что наша Церковь вернее соблюла характер древности, первобытных времен христианства, не исказила чистоты ее веры, ее богослужения и иерархических учреждений — произволом и властолюбием, — догматика ее не обременена схоластикой. В каком же отношении поставляет нас православие к трудам церковно-историческим других вероисповеданий? Будем следовать правилу апостольскому — вся искушающе добрая держите. „Искушающе“, то есть, обращаясь к первоначальным источникам»¹⁰⁹. Затем Горский имел обыкновение сообщать своим слушателям о характере церковно-исторических трудов католиков и протестантов, их значении в науке. Православие, как выходит из слов Горского, должно служить руководителем и критерием истины, но оно не должно рождать в историке самомнения и пренебрежения к церковно-историческим трудам неправославных авторов. Православие не препятствует историку пользоваться всем лучшим, что произошло от неправославных богословов.

А. В. Горский глубоко любил и очень уважал свой предмет — церковную историю. Это побуждало его делиться со своими слушателями представлениями о важности и пользе церковно-исторических занятий: у ревностного профессора от избытка сердца невольно говорили уста (Лк. 6: 45). Важность и пользу церковной истории Горский указывал: 1) В ней самой: «История Церкви, — говорил он, — представляет, с одной стороны, Бога в самом ближайшем отношении к человечеству, с другой — человека в самом высочайшем из его стремлений. Насколько выше в человеке религиозное стремление всякого другого, настолько же превосходит

и история его другие». 2) В пользу церковной истории для каждого верующего: «Так как Церковь от ее начала доселе составляет один великий союз, то каждый член этого союза, коль скоро имеет возможность, должен позаботиться с ним ознакомиться. Каждый — наследник духа прежних времен!» 3) В необходимости ее для богослова: «Для того, кто сам избирается в строители (?) тайн Христовых, история служит необходимым руководством как в науках богословских, так и в жизни». 4) В нужде церковной истории для российского пастыря: «В особенности изучение церковной истории полезно для отечественного богослова. Она дает видеть: а) что мы имеем и чего еще не имеем по сравнению с другими Церквями, например самостоятельной учености богословской и церковно-исторической; б) как должны действовать на наше время»¹¹⁰.

Одну из трудностей при изучении церковной истории Горский совершенно справедливо видел в том, что церковно-исторической науке, разъясняющей движения человеческого духа под водительством Божественным, «нужно иметь око серафимово, чтобы так свободно читать в глубине сердец человеческих, так бестрепетно взирать на славу Божию! Если вообще наблюдение явлений, совершающихся в глубине духа человеческого, сопряжено с великим трудом, подвергается опасности многих ошибок и заблуждений, то чего стоит столь глубокое раскрытие всех сил духа человеческого по обоим его направлениям к небу и аду, какое принадлежит перу церковной истории?»¹¹¹

Горский ставил своей задачей не просто излагать научные сведения о предмете, но и старался опровергать неверные, лживые суждения касательно того или другого церковно-исторического явления или лица. Он хотел быть апологетом истины христианской и дорогих для него христианских верований и воззрений, освященных преданием. Лишь только появился первый том «Церковной истории» известного Баура¹¹², в котором этот писатель стремился подорвать уверенность в Богоучрежденности христианства, как Горский в своих чтениях с силой, одушевлением и ученостью становится на защиту христианства и его первоначальной истории.

Как серьезный ученый Горский в своих чтениях старательно и всесторонне разбирает те церковно-исторические вопросы, которые вызывают споры в науке и потому требуют самостоятельного, нового взгляда. К примеру, Горский занимается со своими слушателями критическим исследованием важного вопроса о том, в каком году было Рождество Христово. Приступая к изложению истории гонений, Горский рассматривает мнение, возникшее в глубокой древности и сохраняемое некоторыми историками его времени, что гонений могло быть и было в первые три века только десять. Целью Горского было опровергнуть это неисторическое воззрение¹¹³. Излагая свои мысли, Горский не считал научным определенно высказываться в пользу того или другого решения вопроса, если два вывода имели одинаковую степень вероятности. Он просто указывал, какие факты ведут к одному решению, а какие к другому, как бы предоставляя окончательное суждение самому слушателю. Это — черта подлинного научного беспристрастия.

Редко Горский оставляет своих слушателей без прямого разъяснения вопроса, когда церковная история предлагает такие задачи, решение которых чрезвычайно трудно и почти невозможно вследствие противоречивости исторических сведений, их односторонности и неясности. Выйти из затруднения при подобных обстоятельствах может только человек много знающий, много думавший над вопросом. Горский именно таким и является. Он умеет группировать разнородное, несходное и делать определенные выводы. Если каждое в отдельности сообщение источника недостаточно для того, чтобы объяснить факт, то все в совокупности известия приводят к желанной цели — достаточному разъяснению явления.

Горский вообще любил простое, но строго научное изучение предмета, чуждое гипотез, умствований, проведения каких-либо посторонних идей. Но это не исключало стремления находить причины, управляющие историческими явлениями. В таких случаях Горский является перед нами в качестве историка-прагматика. Так, он не просто изучает факты, относящиеся к истории папства с IV по XI век, но глубоко раскрывает причины возвышения пап-

ства в указанный период. Этому, как считает Горский, благоприятствовало: 1) древнее значение Рима, 2) большая свобода для пап с удалением императоров из Рима, 3) превосходство Рима над всем Западом, 4) раздробление Востока между четырьмя иерархами, 5) на Западе было менее споров догматических, 6) истолкование в пользу пап правил собора Сардикийского, 7) указ Валентиниана III, 8) возвышение папы при остготских правителях, 9) отношение правительства греческого к папам при Юстиниане и 10) при лангобардах¹¹⁴.

Церковная история, как и вообще история, дает чрезвычайное богатство материалов, которые сложно вместить в определенный курс лекций. Поэтому искусство чтений должно выражаться еще и в том, чтобы из многого избрать немного, но характерное и существенное. Если рассматривать чтения Горского с этой стороны, то следует отметить, что он умел останавливать внимание своих слушателей на самом существенном и главном, не подавляя мысли и памяти деталями, специальным и мелочным изложением научных фактов.

В начале профессорской деятельности на Горском лежала обязанность излагать с кафедры всю церковную историю, начиная с библейских времен до нашего времени, — и греческую, и западную, и русскую. Он читал лекции и по библейской ветхозаветной истории, и по евангельской и апостольской истории, и историю до разделения Церкви, и историю Западной Церкви в период схоластики и эпоху Реформации до образования первоначальных протестантских обществ, и греческую церковную историю до самых последних времен, и русскую церковную историю¹¹⁵. С течением времени на его глазах и не без его содействия из обширной церковно-исторической науки выделились различные отделы в виде самостоятельных научных предметов, которые стали излагать для слушателей отдельные преподаватели. Из общей сферы церковно-исторической науки выделились во время преподавания Горского в качестве самостоятельных наук — библейская история, русская церковная история, новейшая церковная история Запада. И Горский в последние годы своей профессорской деятель-

ности в качестве наставника церковной истории, преподавал одну древнюю церковную историю.

Горский как историк XIX века принадлежал к направлению, называвшемуся в то время объективистским. Объективисты-историки отличались самым строгим разбором фактов, тщательным изучением источников, но в изложении, группировании фактов они избегали указания и раскрытия законов истории, по которым движется жизнь человеческая. Это дело так называемых историков-субъективистов, прагматиков, выводы которых первым представлялись слишком поспешными, самонадеянными и фантастическими. Нужно знать факт как он есть, отличать факт достоверный от недостоверного, — говорили объективисты; этого мало, — замечали прагматики: нужно указать, какое значение имеет он в ряду других фактов исторических, нужно судить на основании факта о движении истории, иначе незачем и изучать историю. Горский в этом отношении был объективистом-историком. Он постоянно был занят и в своих лекциях, и в печатных церковно-исторических трудах фактической истиной, тщательным изучением фактов, но что касается широкого обобщения фактов, фундаментального изучения истории, то таких задач Горский не ставил себе. Нельзя, конечно, думать, что у Горского не хватало таланта для такого рода научной постановки дела, не следует утверждать, что он не симпатизировал подобным приемам: в его вступительных лекциях встречаются мысли, близкие к этому направлению¹¹⁶. Нужно думать, что Горский считал такие работы еще преждевременными для России. Обобщающий исторический труд по церковной истории возможен только тогда, когда глубоко разработаны частные отделы науки, изучен значительный объем источников, когда наука может похвалиться многосторонностью своих сведений. Всего этого, конечно, не было тогда в потенциале отечественной исторической и церковно-исторической науки. Рассмотрение церковной истории с точки зрения прагматической — вещь тем более трудная, что православный историк должен выработать свои принципы, независимые от западных образцов, и с этой точки зрения уже обрабатывать предмет. Западные образцы для отечественной церковной науки не-

пригодны, потому что писатели эти отталкиваются от протестантизма или папства как высшего проявления исторического христианства и в папстве или в протестантизме ищут тех высших форм церковно-исторической жизни, к которым сводится все предыдущее развитие христианской жизни. Православный же историк может только православие поставить как исходную мировоззренческую позицию в отношении изучения исторического развития церковной жизни.

Горский своей научной деятельностью отвечал насущным потребностям времени. Он не брал на себя широких задач, потому что сначала нужно было утвердить основы для науки, разобраться в накопленных и открытых на тот момент материалах исторических источников. Церковно-историческая наука должна была пройти свою историю¹¹⁷.

5. Признание заслуг

творческой, научной деятельности Горского выражалась необычайная глубина и полнота знаний, огромная начитанность, умение обо всем говорить увлекательно, сердечная отзывчивость, деликатность и мягкость. Все это, в сочетании с незаменимым вкладом ученого в развитие новых знаний о церковной и гражданской истории и сделанными им открытиями в области филологии и археологии, дало повод многим ученым обществам избирать Горского своим членом.

В 1850 году Императорское археологическое общество избрало Горского своим членом-корреспондентом в уважение его трудов по части отечественных древностей. 28 декабря 1857 года А. В. Горский стал членом-корреспондентом Императорской Санкт-Петербургской академии наук по отделению русского языка и словесности. Московское общество любителей духовного просвещения избрало 26 сентября 1863 года Горского своим почетным членом. Немного времени спустя, в канун празднования пятидесятилетия Московской Духовной Академии Александр Васильевич был избран почетным членом Московского университета на заседании его Совета 28 сентября 1864 года. И в сам день юбилея Академии 1 октября на торжественном акте бывший ее питомец ректор университета С. И. Баршев передал диплом Горскому. В том же юбилейном году Горский был избран членом Императорского общества истории и древностей российских без написания специальной работы. 3 февраля 1865 года по ходатайству митрополита Филарета «по вниманию к богословско-историческим сочинениям и ученому достоинству их» был возведен в степень доктора богословия. В том же году 13 августа, конференцией Киевской Духовной Академии Горский был избран почетным членом, «по уважению к ученым трудам и примерной плодотворной деятельности на пользу отечественной Духовной школы»¹¹⁸.

В конце 1866 года по представлению академика М. Сухомлинова Александр Васильевич за свои ученые труды Советом

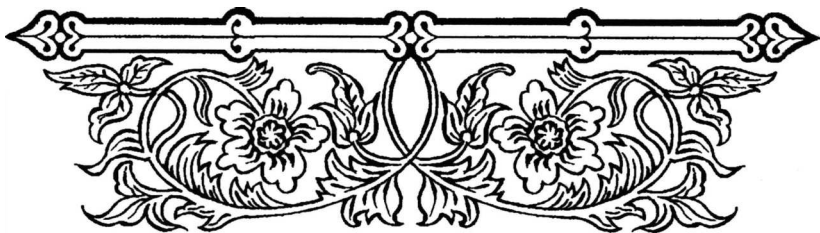
Санкт-Петербургского университета ко дню столетия со дня Н. М. Карамзина был удостоен вместе с немногими учеными степени доктора русской истории. С радостью сообщили эту весть Горскому его ученые друзья: «Душевночтимый Александр Васильевич! Спешу поздравить Вас с избранием, которое в высшей степени приятно для всего нашего университета. 2 декабря этого года университет наш празднует память Карамзина. Желая достойным образом почтить память историографа, университет положил возвести в степень доктора русской истории ученых, прославивших себя заслугами в области русской истории во всех ее отраслях. Считаю себя счастливым, что мне выпала доля заявить совету университета о правах Ваших на высшую ученую степень, которая (на основании примечания к § 113 Устава университета) принадлежит „знаменитым ученым, приобретшим всеобщую известность своими учеными трудами“. Совет выразил полное сочувствие и уважение к Вашей ученой деятельности. Избрание происходило посредством закрытой подачи голосов; в избрании участвовали все члены университета: филологи, юристы, ориенталисты, математики и натуралисты. По окончании баллотировки оказалось, что Вы выбраны единогласно. Все факультеты ценят Ваши заслуги и поздравляют университет со знаменитым сочленом. Примите радушно, дорогой Александр Васильевич, наш общий привет. Мы убеждены, что подобным избранием мы только исполнили слова Евангелия, не скрывши светильника, который так долго и так ярко светит всем, занимающимся русской историей и словесностью. Вместе с Вами избраны докторами чешский историограф Палацкий, первый в наше время славянский историк и военный министр Милютин, автор лучшего сочинения по военной истории. На днях Вы получите официальное извещение об избрании и диплом на степень доктора русской истории. Эти же строки примите как частное извещение Вашего давнего почитателя, если Вы его не забыли. Во имя старой приязни прошу уведомить меня парой слов о состоянии Вашего здоровья: у нас ходят слухи, что оно в последнее время расстроилось. Дай Бог, чтобы это было несправедливо. Если Вы напишете мне только „я здоров“, то доставите мне искреннейшее удовольствие.

Желая Вам, прежде всего здоровья, прошу принять уверение в глубоком и неизгладимом уважении, преданности и признательности почитателя Вашего Михаила Сухомлинова, профессора С.-Петербургского университета»¹¹⁹. К этим поздравлениям присоединился и другой давнишний друг Горского И. И. Срезневский.

В 1868 году Общество любителей российской словесности, только тогда возобновленное при Московском университете, на первом же заседании избрало Горского своим членом, чтобы выразить уважение к ученому как знатоку российской древней словесности и двигателю ее филологического знания. В начале 1871 года Южно-Славянская академия наук и искусств избрала Горского своим членом-корреспондентом¹²⁰.

Горский единогласно 19 мая 1872 года был избран почетным членом Санкт-Петербургского Отдела Общества любителей духовного просвещения, а в июле того же года также единогласно конференцией Казанской Духовной Академии он был избран ее почетным членом¹²¹. Императорское общество любителей естествознания, состоявшее при Московском университете, много раз получавшее одобрение от Горского в отношении тем различных научных и общеобразовательных мероприятий, над осуществлением которых оно трудилось, нашло необходимым, закончив одно из таких мероприятий — политехническую выставку, принести ему искреннюю благодарность за напутствие своими молитвами вновь учрежденный тогда музей прикладных знаний. 12 декабря братство святителя Петра митрополита Московского, желая засвидетельствовать свое глубокое уважение к ученым трудам Александра Васильевича, совершенным им на пользу Православной Церкви, избрало его своим почетным членом¹²².

Глава IV
ИСПОЛИН ЗНАНИЯ.
ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ

Таких произведений ума, учености, трудолюбия, внимательности в научной литературе нашей очень немного; немного таких произведений и в литературе западной Европы.

Срезневский И. И.
Отчет о первом присуждении
Ломоносовской премии

**1. А. В. Горский как церковный историк,
богослов и археограф**

ередина XIX века была временем бурного развития филологии в отечественной науке. Своим расцветом эта наука во многом обязана замечательному ученому Александру Христофоровичу Востокову. Этот филолог-славист, исследователь древнерусской литературы, поэт и переводчик сделал множество открытий в области филологического знания. Ему принадлежат труды по сравнительной грамматике славянских языков, лексикографии церковнославянского и русского языков, палеографии¹.

А. Х. Востоков был первым представителем сравнительно-исторической школы в русском языкознании. В своих трудах он занимался вопросами происхождения старославянского языка, соотношения церковнославянского языка

и современных славянских языков и т. п. Сравнивая данные различных языков, устанавливая их родство, А. Х. Востоков разработал новый для того времени метод, который называли сравнительно-историческим².

Строгий научный метод Востокова применил к необычайно богатому собранию памятников русской старины — к рукописям Синодальной библиотеки — в 50-х годах XIX столетия Александр Васильевич Горский. Его труд, написанный совместно с Капитоном Ивановичем Невоструевым, был построен на основании выработанного Востоковым метода. Этот труд стал главным научным исследованием в жизни Горского.

Процесс развития в Горском археографическом даре представляет много интересного и поучительного, особенно для теоретического и практического осмысления приемов, направленных на исследования в области истории языка и литературы. Горский, как и всякий начинающий исследователь, приступая к изучению памятников древней литературы, шел неуверенно, на ощупь, вырабатывая себе приемы, сбиваясь с пути, недоумевая, что взять и что отбросить; останавливался на пустом, незначительном и пропускал важное, серьезное. К тому же тогда почти совсем не было критически обработанных изданий памятников, которые могли бы облегчить работу ученого.

Когда Горский в первый раз с одним только «Словарем духовных писателей» митрополита Евгения (Болховитинова)³ в руках начал заниматься изучением церковных и литературных памятников древней Руси, в научном обществе был большой интерес к книге Н. А. Полевого «История русского народа»⁴. После «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина⁵ это сочинение послужило для молодого исследователя источником знакомства с русской стариной. В Духовной Академии Горский встретил человека, который сумел направить его интерес к изучению старины — рукописей библиотеки Академии и Троице-Сергиевой лавры. Это был его друг Филарет (Гумилевский), ставший к тому времени известным историком русской Церкви, автором «Обзора духовной литературы»⁶. Поступив под научное

руководство Филарета, Горский сразу почувствовал слабую сторону исторического труда Полевого, поспешность выводов исследователя, так что сам уже мог указать на пробелы в этом труде⁷.

Первые занятия Горского были направлены на изучение истории Русской Церкви, он поставил задачу проследить, как христианское учение прививалось к русскому народу в различные периоды. «Во всей истории христианской церкви, — говорит Горский, — раскрывая историю ее учений, мы следим, собственно, за постепенным раскрытием христианского учения. Здесь должно смотреть на то, как учение прежде распространялось, как прилагалось к уму, как раскрывалось и в чем обнаруживало свое действие»⁸. С этим и связан постоянный интерес Горского к внутренней жизни самого церковного народа: как принималось христианское учение в быту, в повседневной жизни. Поэтому его интересовали не столько официальные документы, сколько памятники литературы, особенно жития и проповеди, приоткрывавшие доступ в этот внутренний мир церковной старины. И именно от этих занятий Горского исходит его определение задачи русской церковной истории: изложить жизнь русского народа как общества верующих. Но, к сожалению, эта задача не осуществлена до настоящего времени.

Работая над этой проблемой, Горский обратил внимание на важный проводник христианских идей в языческую массу русского славянства — на литературу и проповедь. Таким путем он подходил к изучению литературных памятников русской старины. Касаясь жизни греческой Церкви в то время, когда русские заимствовали христианство, и, находя и там и здесь «скудность учительных людей», Горский путем строго научного изучения русской истории пришел к выводу, что христианское просвещение утверждалось на Руси главным образом при помощи славянской Библии. «В Греции X века обязанность проповедовать лежала на епископах, а не на пресвитерах. То же было и у нас. Проповедников сравнительно с потребностью было мало. Греческие проповедники изгнали всякую простоту. Славянский перевод книг Иоанна Дамаскина не мог быть книгой народной, ибо здесь

много было непонятного. Истинной драгоценностью оставался один перевод Св. Писания»⁹.

Так, если отечественные памятники не содержали достаточно сведений об отдаленных фактах русской церковной истории, он обращался к документам Константинопольской Церкви и там находил объяснение. Таким методом объяснил Горский утверждение святителя Алексия в сане митрополита. Памятники русской церковной литературы, наоборот, объяснили ему темные вопросы в истории Константинопольского патриаршества. Митрополит Киприан, описывая жизнь святителя Московского Петра, говорит о перемещении тогдашнего Константинопольского патриарха — факт, не известный по греческим источникам. Таким образом, без дополнений митрополита Киприана не узнали бы о насильственном свержении с престола патриарха Филофея¹⁰. С самого начала изучение литературы и истории Русской Церкви идет рука об руку с изучением истории Византии. Слабое распространение просвещения в народной массе вскрывает одну из коренных причин явления, известного в России под именем раскола, а сравнительное изучение судеб Русской Церкви и Церкви Греческой еще более проливает свет на это явление.

Исследование церковной истории и литературных памятников у Горского тесно связано с изучением вопросов древнейшей славянской письменности. Об этом, например, свидетельствует его переписка с М. П. Погодиным по поводу найденной им приписки Упыря Лихого¹¹. В связи с этим вопросом стоит изучение житий Кирилла и Мефодия по так называемым Паннонским легендам¹², которое Горский нашел в Лаврской рукописи. На основании этих легенд он подготовил анонимную статью для «Москвитянина», опубликованную в 1843 году¹³ (статья переиздана в Кирилло-Мефодиевском сборнике в 1865 году)¹⁴.

Главное достоинство историко-филологическим исследованиям Горского придает то обстоятельство, что он работал по рукописным источникам и руководствовался при этом строго научной методой. Поэтому его ученые труды носят печать редкой самодостаточности. Прилагая свои знания к сокровищам древней русской словесности, кото-

рые находились в библиотеках Лаврской, Академической и Синодальной, Горский находил в этих неизданных памятниках истории объяснение минувших судеб Русской земли. Узкие пределы одной научной специальности не удовлетворяли исследователя. Горский освоил все пособия для филологической и исторической критики источника, палеографию, изучил славянские языки и русский язык в его историческом развитии.

Как только в печати появилось «Описание рукописей Румянцевского музея» А. Х. Востокова¹⁵, Горский сразу же воспользоваться этим трудом. Усвоив сравнительно-исторический метод Востокова, Горский превзошел его глубиной и широтой своего богословского образования, столь необходимого для верной оценки памятников древнерусской литературы. Превосходное знакомство с византийской литературой помогло Горскому критически оценивать ее влияние на литературу славян: сербов, болгар и русских. «Великий труд славянского слависта» (так называли А. Х. Востокова современники) Горский встретил обширной рецензией, в которой сумел исправить и дополнить его изыскания¹⁶. Как богослов Горский в труде Востокова на первом месте выделяет переводы Священного Писания, состав и особенности языка переведенных на славянский язык памятников. Затем дается разбор творений отцов Церкви, переведенных с греческого языка. В рецензии Горский уделяет значительное место памятникам собственно древнерусской литературы «учительного и повествовательного содержания». Будучи историком Церкви, в отдельную группу памятников Горский относит Кормчие, Прологи, Хронографы и творения русских святителей.

Образование Горского и его палеографическая опытность были так значительны, что без труда он объяснил алфавитную таблицу, пред которой в бессилии остановился Востоков¹⁷. Обширная эрудиция Горского была связана не только с тем, что он, будучи археографом, оставался богословом и церковным историком, но и с тем, что спектр изучаемых им источников был шире, чем у Востокова. Последний изучал те славянские рукописи, которые находились в собрании графа Н. П. Румянцева и немногие рукописи,

принадлежавшие прежде А. С. Норову и Д. А. Толстому. Горскому же были открыты библиотеки Троицкой лавры, Московской Духовной Академии, Волоколамского монастыря и, наконец, Синодальная библиотека.

Что же представляла собой Московская Синодальная библиотека во времена Горского? Синодальная библиотека, организованная в 1721 году, была составлена на основе древнерусских собраний. Начало этого крупнейшего книгохранилища было положено еще Московскими митрополитами. Новгород, Псков, многие монастыри, без сомнения, внесли в фонды библиотеки множество рукописей.

К середине XIX столетия фонды библиотеки значительно возросли. Очевидно, что в это время ни одно другое книгохранилище России не могло представить столько материалов для истории древней Русской Церкви и даже для всего православного Востока, сколько таилось в старинных рукописных и печатных актах этой библиотеки. Исключительную ценность здесь представляло и представляет до наших дней именно собрание славянских рукописей XI—XVIII веков, общее число которых более тысячи и среди них есть немало действительно уникальных.

Развитие филологии в XIX веке требовало более серьезного подхода для изучения весьма ценного рукописного материала, хранившегося в Синодальной библиотеке. Между тем, материал этот оставался научно не востребованным: за неимением полноценного указателя или каталога им почти невозможно было пользоваться, хотя нужда в употреблении всего этого богатства для ученых исследователей, несомненно, чувствовалась давно.

Попытки описания Синодального собрания предпринимались несколько раз в первой половине XIX века, но безуспешно¹⁸. Представляется, что препятствием этого были не только и не столько роковые случайности, но, прежде всего, нежелание церковного начальства предоставить фонды библиотеки светским исследователям. Консервативный и мудрый митрополит Московский Филарет считал, что развитие науки, как светской, так и духовной, в современной ему России требовало того, чтобы славянские рукописи Московской Синодальной библиотеки были введены, наконец,

в научный оборот. Но, по его мнению, заниматься описанием памятников Синодальной библиотеки должны были только церковные люди, имеющие духовное образование. Иначе ценный богословский материал, заключенный в рукописях, мог быть неверно истолкован светскими описателями или же просто затеряться. Но святитель понимал и другое, что среди деятелей богословской науки трудно было найти человека, способного предпринять столь ответственный труд. Поручить описание Синодального собрания необходимо было исследователю в равной степени компетентному и в вопросах церковной истории, и в знании Священного Писания, и в археографии. Тогда-то и пал выбор святителя на личность А. В. Горского.

В мае 1849 года митрополит Филарет писал ректору Московской Духовной Академии архимандриту Алексию (Ржаницыну), впоследствии архиепископу Тверскому: «Говорят, чужие люди предпринимают без нас для Синодальной библиотеки то, о чем я давно думаю, не достигая дела, — именно составление отчетливого каталога, и даже помышляют о напечатании. Посему скажите цензорам, чтобы, если что в сем роде явится в цензуру, удержать от пропущения, без представления Св. Синоду. И я желаю знать, если что такое встретится. Но как желательно нам самим, так и нужно сделать дело, за несделание которого могут укорить: то поговорите с г. Горским, не возьмется ли он за сие дело с несколькими сотрудниками, которых можно было бы взять в Москве и которых дело он направлял бы и поверял, посещая Москву по временам. Займитесь сею мыслию и дайте мне ответ»¹⁹. Очевидно, что замысел митрополита Филарета относительно Синодального собрания состоял в том, чтобы ввести весь этот новый рукописный материал в научный оборот сразу же с надлежащим толкованием в русле церковной традиции. Поэтому и хотел он это поручить «своему» человеку, которым являлся А. В. Горский, не желая допустить вмешательства «чужих», светских исследователей, какими являлись Калайдович или Ундольский. Письмо иерарха Московского решило дело. После разговора ректора с Горским последний взялся за дело²⁰.

Сначала необходимо было найти способного помощника. Будучи профессором, Горский знал всех студентов —

и заканчивающих Академию, и уже окончивших ее. Но выбрать одного из них себе в сотрудники было делом непростым. Наконец внимание Горского остановилось на преподавателе Симбирской духовной семинарии Капитоне Ивановиче Невоструеве (1815—1872). Когда Невоструев был студентом Академии, он уже обнаруживал склонности к занятиям историей и археологическим изысканиям. Став преподавателем, он начал с усердием заниматься отечественной стариной, изучая архивы и составляя описания монастырей Симбирской епархии. Горский же, с которым Невоструев по окончании Академии вел частую переписку, был ему деятельным советником в этой работе. Именно такого талантливого ученика и решил привлечь Горский к труду по описанию рукописей Синодальной библиотеки.

В письме от 31 июня 1849 года Александр Васильевич писал К. И. Невоструеву: «...По поручению нашего владыки я должен был принять на себя составление отчетливого описания славянских рукописей Синодальной библиотеки и для этого избрать себе сотрудника, который бы на месте мог вести это дело под моим надзором и распоряжением. Выбор мой пал на Вас. Для этого владыка согласился представить высшему начальству о вызове Вас в Москву... и с производством Вам тех же окладов, какими Вы пользуетесь ныне на службе при семинарии.

Для этого же даны будут Вам в Москве и помещение в Чудовом монастыре и два писца из окончивших курс воспитанников семинарии. Я же буду по временам приезжать в Москву, вместе с Вами рассматривать, какие рукописи как нужно описывать, помогать Вам в Ваших исследованиях и пр. и пр.

Теперь я прошу Вас уведомить меня, согласны ли Вы будете принять назначенный труд, — не выпуская, впрочем, из виду и того, что начальство властно распоряжается нами для своих целей и без нашей воли.

О Вашем описании монастырей не пишу также теперь ничего; но Вы видите из дела, что труды Ваши полагают Вам путь к новым занятиям, след. достигать своей цели.

Жду от Вас скорого ответа.

Ваш усерднейший слуга А. Горский»²¹.

В ответном письме Горскому 11 июля 1849 года Невоструев писал: «Всепокорнейше и глубочайше честь имею благодарить Вас, Александр Васильевич, за благою о мне память и то избрание, какого Вы благоволите удостоить меня, вполне сознаю великость дела и особенную для меня его трудность: ибо к описанию синодальных рукописей я не имею ни исторических и археологических сведений, ни зрения и здоровья, которые у меня заметно слабы, особенно первое. Напротив, чувствую большую способность и имею средства к занятиям по богословским наукам, — и грустно мне теперь оставлять их. Но Ваша рекомендация и обязанность беспрекословно повиноваться начальству, Промыслом движимому, определяют меня к назначенным трудам, а надежда на помощь Божию, Вашу [и] от других друзей науки успокаивает таящуюся немощь мою. И так да будет мне по мысли Вашей, за кою паки сердечно и нижайше Вас благодарю. Желательно и нужно мне, чтоб вызов мой из Симбирска последовал не ранее августа или второй половины июля и чтоб на пути можно мне было дней с пятью пробывать в Нижнем для окончания на месте описаний моих и необходимых же по ним справок в Нижегород. дух. консистории...»²²

Вскоре, 30 июля 1849 года последовал указ Священного Синода о поручении А. В. Горскому и К. И. Невоструеву составить описание славянских рукописей, хранящихся в Синодальной библиотеке²³. А уже с осени того же года началась усердная работа по описанию собрания. Архиепископ Филарет (Гумилевский) 7 августа 1849 года по этому поводу писал Горскому: «То, что Вы пишете о поручении Синода относительно Синодальной библиотеки, для меня новость и новость весьма отрадная, весьма приятная. Подвизайтесь, подвизайтесь усердно. Дело, как очевидно для всех, весьма нужное, дело такое, которое давно следовало сделать. Сколько упреков проглочено? Право, неприятные вещи. Пожалуйста, не подражайте предшественникам: будьте настойчивы в труде и терпении. Будут препятствия и остановки то от толков кривых, то просто от самолюбия. Переносите терпеливо и идите, не останавливайтесь по голосу внутреннему. Прибавлю и то: не увлекайтесь и своими предположениями, и желаниями сделать труд образцовый. Иначе и своя мнительность может делать много помех и остановок»²⁴.

2. План, схема и состав описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки

онятно, что такое большое и необходимое дело, за которое принялся Горский вместе с Невоструевым, требовало обстоятельных предварительных обсуждений задачи, способов и порядка его ведения. Поэтому исследователи выяснили сначала цель своего труда и потом составили для него особые правила.

По их планам, описание должно было явиться не в виде простой описи, служащей к сохранению рукописей, или подробного перечня заключающихся в них статей, а в виде серьезного ученого археографического и лингвистического труда. Цель работы заключалась в том, чтобы «представить более отчетливое о них [т. е. рукописях и статьях. — А. М.] понятие в соображении по вопросам ученой изыскательности, обращающей внимание и на содержание, и на язык древних памятников письменности. При этом по характеру этих памятников, большею частью церковных, ученые изыскания преимущественно должны были служить к объяснению истории церкви, ее литературы и древностей»²⁵.

Сама работа велась по таким правилам. 1. Рукописи располагались по содержанию, а затем распределялись в соответствии со временем написания. 2. Каждую рукопись описывали подробно, выделяя при этом ее особенности, свойства, не повторяющиеся в рукописях аналогичного с ней содержания: отмечали библиографические приметы, в том числе и правописание; раскрывали содержание тем подробнее, чем оно более отлично; разбирали несколько рукописей сходного содержания с выделением древнейшего образца; выписывали все приписки и т. п. 3. С разбором рукописей, заключающих в себе замечательные памятники литературы, соединяли разбор самих памятников, обращая внимание на соответствие содержания и языка; а при разборе переводов — на правильность передачи подлинника. 4. Для оценки переводов и извлечений из греческих

и других иноязычных произведений всегда отыскивали источник, которым пользовался переводчик или извлекатель, и если не было его в печатных изданиях, искали в рукописях Синодальной библиотеки или других доступных. 5. Все, что заслуживало особенного внимания и исследования, как в главном содержании рукописи, так и во вставных статьях и в приписках, должно было быть по мере возможности исследовано и объяснено. 6. Все выписки из рукописей, как бы ни были они велики или малы, должны были передаваться в описании с буквальной точностью²⁶.

Работа исследователей шла приблизительно по такой схеме. Первоначальное описание определенной рукописи делал на месте Невоструев, который работал в Московском Кремле, в Чудовом монастыре. Он анализировал рукописи, делал сличения, высказывал свои предположения и соображения. Тетрадь с такими описаниями пересылалась затем к Горскому, и тот, где требовалось, исправлял их и снабжал дополнительными филологическими, историческими и другими замечаниями. Переписанная набело в Москве тетрадь опять отправлялась в Сергиеву лавру к Горскому, уже для окончательного им утверждения. Иногда описание производилось по-иному: Горский брал сам из Синодальной библиотеки какую-нибудь рукопись, делал по ней заметки и переправлял ее к Невоструеву, который приступал тогда к самому описанию. И опять из Чудова монастыря тетрадь с изученным материалом отправлялась в шестидесятикилометровое путешествие в лавру к Горскому.

Всегда эти тетради описания, составленные Невоструевым, возвращались Горским испещренными замечаниями, дополнениями и вставками Александра Васильевича. Эти исправления, которые пересылались вместе с многочисленными письмами, полны такими же указаниями и сообщениями²⁷. Пересматривая снова все это, К. И. Невоструев мог понять, чему он уделял слишком много внимания, а что не учел; как лучше пользоваться данными, которые он сам извлекал из рукописей; как анализировать и изучать рукописи дальше. Невоструев обдумывает эти выводы и на основании их в очередной раз переделывает свою работу.

Хотя Невоструев и был подготовлен к делу описания своими симбирскими занятиями стариной, но недостаточно. Горский на первых порах разъяснял ему, на что необходимо обратить внимание при чтении и изучении рукописей, советовал опускать неважные подробности вроде описок, перестановок слов, учил, как определять древность перевода и особенности языка, как производить сличения и выборки. «Ученические ошибки пестрят в первой тетради Невоструева. Он видит древность там, где представляются испорченные, непонятные переписчику формы; он видит древность там, где выказывается местный выговор. Горский устраняет эти ученические ошибки своего сотрудника, но с той скромностью и осторожностью, которая не может оскорбить ничего самолюбия, он видит в своем сотруднике промахи грубые, обмолвки ученические, но постоянно третирует их как ученые мнения, с которыми он не соглашается. На всех этих, так сказать, интимных внушениях лежит постоянно печать самой широкой гуманности»²⁸. Письма, тетради, поллистки, вшитые и вложенные записочки и личные беседы с Горским имели большое значение для Невоструева. Он постепенно совершенствовался, учился, приобретал навык и умение разбираться в рукописях, чтобы работать с пользой и плодотворно. Совместный труд и общение с Горским развили, воспитали и усовершенствовали Невоструева как ученого. В свободное от работы с рукописями Синодальной библиотеки время Невоструев много занимался также изучением древнерусских памятников²⁹. «Не забывал Невоструев и материалы, собранные им во время работы в Симбирске. Он подготовил и выпустил ряд исторических описаний и публикаций документов по истории монастырей, соборов и храмов Симбирско-Самарского Поволжья»³⁰. И это, конечно, была школа Горского, в основе которой лежали те принципы археографической работы, которые были выработаны при описании собрания рукописей Московской Синодальной библиотеки.

В этой связи интересны черновые тетради «Описания»³¹. Больше половины текстов, выписок, материалов Невоструева перечеркнуто; погрешности, промахи, догадки устранены; все это Горский сопровождает новыми цитатами,

длинными критическими комментариями взамен выписок ученических, незначительных и незрелых. Посылая Невоструеву ряд своих многолетних наблюдений, основанных на глубоком критическом изучении как синодальных, так и лаврских рукописей, Горский ставит ряд новых, частных вопросов: «поищите, справьтесь, отметьте, объясните, докажите».

В труде Горского и Невоструева рукописи распределены не в алфавитном (как в «Описании» Востокова) и хронологическом порядке, а в систематическом, по содержанию. Это более удобно и практично, учитывая и то, что списки одной и той же рукописи или одного и того же произведения расположены по времени их написания.

Само «Описание» разделено на три отдела.

Первый отдел составляет Священное Писание и содержит 53 рукописи: 19 Ветхого и 34 Нового Завета. Из этих рукописей по времени написания к XII веку принадлежит 1 (1144 г.); к XIII веку — 1 (1296 г.); к XIV веку — 9 (из них восемь с точной датировкой: две 1307, 1309—1312, 1354, 1355, 1357, 1358, 1383 гг.); к XIV—XV векам — 3; к XV веку — 3 (из них одна 1409 г., другая 1499 г.); к XV—XVI векам — 1; к XVI веку — 22 (из них одна 1537 г., другая 1588 г.); к XVI—XVII векам — 2; к XVII веку — 3; к XVIII веку — 8.

Второй отдел состоит из писаний святых Отцов и делится на 3 части.

Первая часть составляет толкование Священного Писания, во второй части рассматриваются рукописи догматического и духовно-нравственного характера; третья часть описывает разные богословские сочинения.

В первой части второго отдела описано 53 рукописи (№ 54—106). Из них к XIII веку относятся 2 (1220 и 1263 гг.), к XV веку — 6 (в том числе одна 1412 г.); к XVI веку — 26 (среди них: 1500, 1546 и 1599 гг.); к XVI—XVII векам — 1; к XVIII веку — 18 (среди них: 1617, 1623, 1645, 1647, 1692 и 1697 гг.).

Во второй части второго отдела описано 110 рукописей (№ 107—216). К XI веку относится 1; к XII—XIII векам — 1; к XIII веку — 2; к XIV веку — 3; к XIV—XV векам — 2; к XV—XVI векам — 2; к XVI веку — 30 (из них одна 1512 года, другая

1525 года); к XVII—XVIII векам — 1; к XVII веку — 51 (среди них: 1630, 1641—1642, 1671, 1675, 1693 гг.); к XVIII веку — 7.

В третьей части второго отдела описано 125 рукописей (№ 217—341). Из них к XIII веку принадлежит 1; к XIV веку — 1 (1381 г.); к XIV—XV векам — 1; к XV веку — 6; к XV—XVI векам — 2; к XVI веку — 20 (из них одна 1518 г.); к XVI—XVII векам — 2; к XVII веку — 83 (среди них: 1623, 1634, 1652, 1658, 1670—1671, 1675, 1686, 1693, 1695 гг.); к XVII—XVIII векам — 2; к XVIII веку — 7 (из них одна 1728 г.).

Третий отдел представляет описание богослужебных книг и разделяется на две части.

В первой части третьего отдела описана 91 рукопись (№ 342—432). Из этих рукописей к XII веку принадлежат 3; к XII—XIII векам — 1; к XIV веку — 12 (среди них: 1311, 1369, 1386, 1398 гг.) к XIV—XV векам — 3; к XV веку — 14 (среди них: 1400, 1436, 1438, 1481 гг.); к XVI—XVII векам — 1; к XVII веку — 22 (среди них: 1653, 1665, 1682 гг.).

Во второй части третьего отдела описано 144 рукописи (№ 433—576). К XII веку относится 13; к XIII веку — 3 (среди них одна 1260 г.); к XIV веку — 2 (1344 и 1352 гг.); к XIV—XV векам — 1; к XV веку — 11 (среди них: 1424, 1425, 1445, 1457 гг.); к XV—XVI векам — 2; к XVI веку — 48 (среди них: 1504, 1553, 1570 гг.); к XVII веку — 56 (среди них: 1604, 1653, 1696 гг.), к XVIII веку — 8 (среди них одна 1712—1719 гг.).

При издании «Описания» все рукописи пронумерованы по порядку с указанием нумерации по описи 1823 года и с новой нумерацией каждой рукописи, которая обозначена на каждой странице сбоку. В конце каждого тома, для облегчения читателям, следовало бы разместить общий список рукописей и краткий к ним указатель. Эта оплошность была исправлена отчасти И. И. Срезневским, который представил в «Приложении» к отчету о первом присуждении Ломоносовской премии две таблицы: «Список описанных рукописей с обозначением времени написания каждой и страниц тома, где какая описана» и «Азбучный перечень писателей и книг»³². В 1915 году Е. М. Витошинский выпустил обширный «Указатель именной и предметный к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева» для пяти книг «Описания»³³.

Для каждой рукописи обозначается вещество, т. е. материал — на чем она написана, в какую долю (т. е. формат), письмо или почерк памятника, его время написания — век или год. Например: «№ 163 (по прежнему каталогу 262) Константином пресвитером Болгарским составленные поучения на воскресные дни из бесед св. Иоанна Златоустого и др. Пергам. в лист, уставом, в два столбца, XIII в. 264 л.»³⁴. Из этого примера видно, что палеографические данные в описании рукописей Синодальной библиотеки представлены поверхностно. В рукописях отмечаются и описываются особые изображения, но не характеризуются заставки, инициалы, вязь и другие украшения текста.

3. Цензорская критика в адрес «Описания» и «Апология» А. В. Горского

писание рукописей растянулось на целых 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати с именем Горского и Невоструева шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 рукописных книг. Первая книга «Описания» вышла в 1855 году. В этом первом томе рассмотрены все славяно-русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и, прежде всего, Библия архиепископа

Новгородского Геннадия по спискам XV—XVII веков, а также отдельные списки XII—XVII веков Евангелия, Апостола, Псалтири, Пророчеств и т. д. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 года, и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами³⁵.

Но именно этой первой книге, да и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться навсегда в безвестности. Широка, многосторонность, критическое направление устроенного авторами предприятия по изданию описания рукописей, научная новизна и смелые решения к которым они пришли, едва не послужили главным препятствием к появлению их труда в печати.

Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант был представлен Горским святителю Филарету в сентябре 1852 года. Митрополит отправил рукопись для рассмотрения в Синод, снабдив исследование своей рецензией. Труд Горского и Невоструева был представлен ординарному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Иоанну (Соколову), состоявшему членом Комитета Духовной Цензуры. Этот цензор отличался двумя чертами: придирчивостью и полным неуважением к чужим мыслям, сумев настроить против себя даже самых безобидных людей. К порученной ему на рассмотрение первой части «Описания» он отнесся со свойственными ему приемами. Архи-

мандрит Иоанн дал отрицательный отзыв об «Описании» и высказался против его публикации³⁶.

Не отвергая научной эрудиции и талантов авторов, цензор именно в их учености и усмотрел опасность для самой Церкви, и в своем отзыве принял на себя обязанность не допустить выхода книги в печать. Два пункта в «Описании» показались ему особенно крамольными и неблаговидными: убедительные доказательства того, что во всем множестве славянских списков Священного Писания, авторы не нашли ни одного исправного; и указание на то, что полное собрание Ветхозаветных книг на славянском языке появилось на Руси в XV веке с заимствованиями из Вульгаты, латинских и немецких изданий. Первый тезис цензор считает хулой на Русскую Церковь, наводящую на мысль, что в продолжение нескольких веков наша Церковь не имела слова Божия в чистом, целостном виде, а принимала и благовествовала его в поврежденном виде. Второй пункт он находит неблагоприятным для суждений о нашей Церкви, особенно со стороны инославных конфессий, и неблаговидным, бесполезным для всеобщего чтения. Сама же попытка описателей критически исследовать славянский текст Библии, представляется цензору дерзостью, посягающей на Священное Писание: «Описатели предложили в своем труде цель, не только собственно библиографическую, но ученую-критическую. Если бы они ограничились одной первой целью, то довольно было бы описать время и место происхождения каждой рукописи, состав ее, особенности языка... В таком случае несовершенства наших древних переводов Св. Писания не были бы обнаружены, а могли бы быть обличены разве только при нарочитом чтении каждой рукописи, если бы кто захотел читать рукописи в самой библиотеке. Но описатели пошли далее. Они вооружились ученой критикою и стали исследовать и судить о достоинстве самих переводов Св. Писания, сличая их с греческими и другими изданиями его. В таком случае уже невозможно скрыть всех неисправностей в наших переводах Библии. Но нужно ли это в предложенном описании рукописей библиотеки?»³⁷

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос о публикации «Описания» довольно серьезно. При недоверчиво-

сти, с какой в то время относились к опубликованию древнерусских церковных памятников, такой отзыв мог вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и нашей науки дело описания рукописей было близко и дорого митрополиту Филарету, а у архимандрита не было сил бороться с авторитетом святителя. Отзыв не решил исход дела, а митрополит Филарет решил проучить заносчивого цензора. По благословению владыки Горский должен был составить подробное объяснение на возражения и требования цензорской рецензии. Он взялся за дело и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом, ответ был готов. Сам документ озаглавлен так: «Апология „Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки“ и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора)»³⁸.

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. В серьезном, научном стиле ответ на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий, но не только как отпор всем замечаниям критика. Здесь видно, как Горский буквально преследует цензора до конца, избличая преувеличенность его выводов и коварность замыслов. Этот ответ действительно является не только апологией «Описания», но и своеобразным обличительным словом на отзыв цензора. Отстаивая все выводы «Описания» относительно истории Священного текста, Горский с особенной энергией защищает научную постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблагоприятным и бесполезным для общего чтения рассматриваемый труд может признать только придирический взгляд, отягощенный ложными суждениями. В некоторых местах «Апология» оставляет свой официальный тон и возвышается до лирического воодушевления. На требование цензора устранить научно-критическую составляющую Горский отвечает энергичными словами с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой: «Под благоприятным предлогом прикрытия недостатков древнего текста, рецензия устраняет из описания и все другие

исследования: тогда как при известном мнении об утрате первоначального перевода ветхозаветных книг, представляются необходимым вопросы: откуда же взялись у нас переводы ветхозаветных книг в полных списках Библии и в отдельных рукописях? Что составляет первоначальную основу нынешнего нашего кодекса св. книг? В какой мере древние переводы могли удовлетворять спасительному желанию знать Слово Божие? Все эти вопросы, разрешаемые сличением списков между собою ближайшим рассмотрением древности перевода каждой книги, поверкою перевода с подлинником, автор рецензии хочет изгнать из описания под наименованием учено-критической работы. Описание представляет убедительные доказательства, что Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь известны у нас в переводе глубокой древности; что текст книг пророческих извлечен из перевода толкований на Пророков, который известен у нас еще в первой половине XI столетия; что также извлечен из древних переводов и текст книги Иова и Песни Песней, что книга Есфирь переведена с еврейского языка. Автор рецензии, не опровергая ничем этих доводов, не хочет дать им места в описании. Ужели лучше оставаться при той мысли, что первоначальный перевод ветхозаветных книг потерян, а новый явился не известно как и когда?»³⁹ Далее Горский говорит о том, что «любопытность ученых то в своих филологических исследованиях, то в разысканиях исторических, уже касается вопросов, которым дано место в описании: когда и светские ученые обращают внимание на разности списков библейских, на отношение их к греческому тексту; когда исследования о древнем переводе Св. Писания могут быть производимы и по рукописям других библиотек, кроме синодальной: прилично ли и полезно ли будет духовным ученым устранивать себя от дел, ближайшим образом относящихся к области их занятий?.. Если [дело. — А. М.] примет ложное направление, не представит ли новых трудностей в борьбе за истину, борьбе, для которой нужно приготовление?»⁴⁰

Как видно из всего выше сказанного, цензор отрицает необходимость полноценного научного анализа всего рукописного собрания. В угоду личным амбициям и нездорово-

вой мнительности автор отзыва отрицает саму возможность использования сравнительно-исторического и критического методов в библейской текстологии, выставляя против истины явный подлог, предлагая сознательно утаивать важные научные факты, низводя само «Описание» до простого библиографического указателя.

Тем же летом 1853 года «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому через Невоструева, что «представленное в Синод описание разрешено к напечатанию так, как оно есть и защищено Вами, без исключения исследования»⁴¹. После получения разрешения к изданию первой книги «Описания», работы в типографии затянулись. Нужно было отливать новый шрифт для славянского текста, затем много времени отняла ревизия Синодальной библиотеки, проводившаяся в 1854 году. Поэтому «Описание» увидело свет только осенью 1855 года.

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящим ответом А. В. Горского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени святителю Филарету. Не будь его во главе всего предприятия, такой цензорский отзыв, как отзыв архимандрита Иоанна, мог вполне погубить все дело. Поручая К. И. Невоструеву преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал: «Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним, и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства»⁴². И это искреннее чувство благодарности к святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А. В. Горским, должно быть близко всякому, кто дорожит успехами русской науки.

В дальнейшем публикации остальных томов был дан зеленый свет. В 1857, 1859 и 1862 годах вышли из печати, соответственно, вторая, третья и четвертая книги «Описания»,

в которых охарактеризованы рукописи, содержащие различные сочинения отцов Церкви — экзегетические, догматические, учительные и т. п.⁴³

Наконец в 1869 году была напечатана пятая книга «Описания», посвященная рукописям с богослужебными текстами⁴⁴. На этом публикации результатов труда Горского и Невоструева прекратились, хотя работа с рукописями продолжалась вплоть до смерти К. И. Невоструева в 1872 году, и к печати был подготовлен еще один том, также посвященный богослужебным славяно-русским книгам. И только в 1917 году его издал заведующий Синодальной библиотекой Николай Петрович Попов⁴⁵.

Последние два тома «Описания» впервые в отечественной археографии содержат очень подробную характеристику состава и текстов Службников, Требников, Уставов, Октоихов, Триодей, Миней.

Добросовестный труд, которым по праву нужно назвать «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки», оказал большую пользу для развития славянской филологии, принеся Горскому настоящую славу ученого. Об «Описании» говорили тогда все: говорили, что по полноте, основательности, глубине и подробности с ним не могут сравниться даже аналогичные описания старейших библиотек Европы, составленные западными учеными⁴⁶.

В 1867 году Академия наук удостоила «Описание» первой Ломоносовской премии. Сообщить Горскому это радостное известие поспешили его друзья. Академик А. Ф. Бычков, известная Александра Васильевича, писал ему 2 декабря 1867 года: «Поспешаю передать Вам приятное известие об увенчании Ломоносовскою премиею во вчерашнем заседании Академии наук Вашего описания рукописей Синодальной библиотеки, этого многолетнего труда, обогатившего славянскую филологию и нашу литературу многими новыми данными. Академия наук на основании подробных отчетов, составленных мною и И. И. Срезневским, единогласно присудила Вам и К. И. Невоструеву премию и таким образом сумела воздать должное и заслуженное труду, которому подобных немного и в западно-европейской литературе»⁴⁷. В официальном отчете о полном присуждении Ломоносовской премии

говорилось о том, что «Описание» представляет собой «такое произведение нашей научной литературы, которого достоинства ставят его в небольшой ряд самых важных явлений нашей нынешней научной литературы и дают ему право на особенное уважение Академии... явление важное, как в отношении к знаменитому книгохранилищу, заключающему в себе произведения древнего и старинного письма, необходимые для всякого, изучающего язык и литературу русского и всего славянского православия, так и по своему научному значению не только русской и славянской литературы, но и вообще в научной литературе европейской». «Таких произведений ума, учености, трудолюбия, внимательности в научной литературе нашей очень немного; немного таких произведений и в литературе западной Европы»⁴⁸.

4. Описание рукописей Священного Писания Ветхого Завета

Первый том содержит описание синодальных рукописей Священного Писания. Ядро этого тома образуют три полных списка Библии, из которых старший написан в 1499 году в Новгороде, при архиепископе Геннадии, «повелением его архидиакона».

При изучении данного разряда памятников описатели столкнулись с целым рядом вопросов.

1. Не сохранилось ли в этих рукописях остатков древнего, не дошедшего до нас перевода Священного Писания, сделанного славянскими первоучителями Кириллом и Мефодием? 2. Как образовалась та полная рукописная Библия на славянском языке, которая существовала до первых печатных изданий? 3. В каком вообще виде было известно Слово Божие нашим предкам?⁴⁹

Имея перед собой три полных списка Библии XV—XVI веков — весьма редких памятников славянской письменности, а также небольшое количество отдельных списков книг Ветхого Завета, описатели занялись разрешением поставленных вопросов. Ответы на эти вопросы могли быть даны лишь при сличении списков между собой, сличением перевода с подлинником, т. е. сопоставлении славянского текста с греческим, латинским и еврейским текстом по различным редакциям. Необходимо было сверить текст рукописей и с Острожским печатным изданием Библии.

Такое сличение библейских текстов между собой должно было показать, по замыслу описателей, «один ли перевод Ветхозаветных книг дошел до нас в разных списках? Из сличения перевода с подлинным текстом должно было открыться, все ли книги в полных списках Библии и в дошедших до нас списках тех или других книг Ветхозаветных переведены с греческого, или некоторые переведены с еврейского, или латинского. Все ли переводы одинаковы по своему достоинству? Особенности языка должны показать, к какому времени надлежит отнести перевод тех или других

книг? Наконец, сличение рукописей с Острожским изданием Библии должно было определить, в каком виде текст рукописей перешел в первое печатное издание, откуда заимствован последующими?»⁵⁰

Важным открытием описателей стало то, что в Синодальном собрании ими был установлен древнейший полный рукописный свод книг Священного Писания (№ 1) — так называемая Геннадиевская Библия 1499 года. В подтверждение своего открытия, Горский и Невоструев тщательно просмотрели печатные каталоги описанных в их время собраний: Румянцева, Толстого, Царского и Московского исторического общества, осмотрели библиотеки Троицкой лавры, Московской Духовной Академии, Московского Чудова монастыря, Синодальной типографии, Успенского собора, Воскресенского, Ново-Иерусалимского, Иосифо-Волоцкого монастырей и некоторые частные собрания рукописей. Но нигде они не нашли полного списка Библии — ни до, ни после архиепископа Геннадия созданного. Описатели встретили только отдельные собрания библейских книг, тех же и в том же виде, в каком они были представлены в Синодальной библиотеке — книги Соломоновы, Иова и Пророков с толкованиями. Однако исследователи не нашли ни книг Пророков, ни других ветхозаветных книг в отдельном, древнем и первоначальном переводе, ни следов от книг Паралипоменон, Ездры, Товии, Юдифи, Премудрости Соломоновой и Маккавейских⁵¹.

Описатели установили, что текст ветхозаветных книг в трех полных списках Библии Синодального собрания (№ 1—3) один и тот же. Поэтому при исследовании текста ими за основу был взят древнейший список 1499 года — Геннадиевская Библия. Несмотря на это, две копии Геннадиевской Библии все же охарактеризованы в «Описании». Это список 1558 года, написанный по распоряжению царя Ивана Васильевича иноком Иоакимом, и список приблизительно 1570—1571 годов⁵². Постатейный обзор этих трех экземпляров показывает мелкие отличия в составе, ряд различий говорит о том, что они скопированы с общего списка, но не с рукописи Геннадиевской Библии⁵³.

Подробно исследуя особенности библейского текста, Горский и Невоструев определили, что Пятикнижие Моисеево представляет в переводе следы глубокой древности, и должно быть отнесено к остаткам первоначального перевода священного Писания на славянский язык.

Описатели установили, что перевод Пятикнижия представляет собой много других особенностей, указывающих на его древность, и несогласие с нынешним.

Примечательно, что ни в одном из полных списков Библии не помещена обличительная песнь пророка Моисея (Втор. 32: 2—43). Описатели считают, что она «опущена во избежание двойного перевода, так как по церковному употреблению она помещается вместе с другими библейскими песнями после Псалтири, которая, как известно, была переведена отдельно, ранее Пятикнижия»⁵⁴.

Аналогичным образом (сверяя рукопись с греческим текстом) Горский и Невоструев установили, что книга Иисуса Навина принадлежит к числу древних переводов по Александрийскому и Ватиканскому спискам, а книги Судей и Руфь следуют Александрийскому кодексу. Но текст четырех книг Царств и Притчей Соломона представляет меньше следов древности и менее точен в переводе. Книги Премудрости Иисуса сына Сирахова и Екклесиаст имеют правильный перевод, но язык текста новее. Примечательно, что книга псалмов дошла до нас в древнейшем переводе.

Все вышеперечисленные книги вошли в состав полных списков Библии из рукописей, содержащих один текст. Но книга Иова, Песнь Песней и шестнадцать Пророческих книг по данным описателей извлечены из переводов, содержащих текст Священного Писания с толкованием святых отцов. Это доказывают уцелевшие местами посторонние слова, относящиеся к толкованиям, опущения и перестановки текста, а также сами списки толкований, из которых толкование Пророческих книг было известно на Руси еще в первой половине XI века.

По всей видимости, первоначальный кирилло-мефодиевский перевод этих книг утратился в связи с тем, что в древности чаще читали, а значит, и списывали не отдельный текст Священного Писания, а в соединении с толко-

ваниями и объяснениями на него святых отцов. Поэтому неудивительно, что именно вместе со святоотеческими толкованиями, а не отдельным переводом, указанные ветхозаветные книги были распространены на Руси в конце XIV века. Вот как об этом говорят сами описатели: «Утрата отдельного перевода некоторых книг ветхозаветных объясняется распространением списков, в которых содержался тот же текст с толкованием. Для церковного употребления при богослужениях собственно нужны были собрания паремий. Для частного употребления более могли быть полезны книги с толкованием Св. Отцев. Потому вероятно, что книги Св. Писания с толкованием чаще были переписываемы, нежели книги без толкования. От того при составлении полного списка Библии нужно было прибегнуть к извлечению текста книг пророческих и других из толкований»⁵⁵.

Славянский перевод книги Иова, за исключением первых глав, позднее исправленных, имеет признаки глубокой древности, также как и перевод книги пророка Исаии. Текст книги, вошедший в полный список Библии вместе с толкованием, извлеченным из разных писаний святых отцов, известен был на Руси еще в первой половине XI века. В подтверждение этих выводов описатели ссылаются на список книг пророческих, сделанных попом Упырем для Новгородского князя Владимира Ярославича в 1047 году⁵⁶. Горский и Невоструев установили единство текста в списках Библии и в толковании на пророческие книги, а также заимствования библейского текста из толкования.

Описатели установили, что в полных списках славянской Библии содержатся переводы не только с греческого языка. Книга Есфирь переведена с еврейского, а две книги Паралипоменон, три Ездры, Товии, Юдифи, Премудрости Соломоновой и две Маккавейские переведены с латыни. Кроме того, с Вульгаты были переведены предисловия блаженного Иеронима к перечисленным выше книгам, за исключением Есфири и Иеремии, а также безымянная третья статья в предисловии, посвященная делению Священного Писания на два Завета⁵⁷. По Вульгате же проведена разбивка на главы всего библейского текста.

Книга Есфирь состоит из 16 глав. Описатели определили, что первые девять глав переведены прямо с еврейского языка. Перевод соответствует подлинному еврейскому масоретскому тексту, отступая как от греческого, так и от латинского вариантов.

Обилие лексических полонизмов в тексте позволило описателям сделать вывод, что перевод книги сделан, вероятно, близ Польши, или выходцем из этой страны. Вторая часть Книги Есфирь с 10 по 16 главу, сохранившаяся только на греческом языке и в латинском переводе, была переведена с Вульгаты. Описатели установили, что русский перевод буквально сходен с текстом Вульгаты, где часто латинские слова транслитерируются русскими буквами⁵⁸.

При сопоставлении текста книг Паралипоменон, Ездры, Товии, Юдифи, Премудрости Соломоновой и Маккавейских выяснилось, что славянский перевод практически целиком соответствует тексту Вульгаты, отличному от греческого текста LXX.

Многие латинские слова из Вульгаты написаны в русской транслитерации без перевода в самом тексте, иногда с объяснениями на полях, при этом не совсем точными.

Ветхозаветные книги, переведенные с Вульгаты, пестрят лексическими латинизмами, которые иногда сопровождаются славянскими соответствиями на полях. Горскому и Невоструеву это обстоятельство дало основание для того, чтобы сделать вывод о недостаточном знании переводчиком латинского языка или же о его желании украшать свою речь латинизмами, как это было в моде у польских писателей XVI—XVII веков⁵⁹.

Сам перевод с Вульгаты был сделан в России в конце XV века, в одно время с появлением старшего списка полной Библии.

По компетентному и справедливому мнению описателей, основанному на представленных выше данных, «собрание ветхозаветных книг, какое имеем в полных списках Библии, справедливо можно назвать Новгородским, и должно отнести к концу XV столетия и приписать заботливости архиепископа Новгородского Геннадия. Несомненно, известно, что он, имея дело с еретиками и жидовствующими,

отыскивал по монастырям русским разные книги Ветхого Завета. Известно также, что он поручал переводить некоторые книги Ветхого Завета с латинского языка. И при нем же, спустя шесть лет после перевода последних книг ветхозаветных, в Новгороде писан старший из списков полной Библии, какие имеем в рассмотрении, и при этом списке помещен тот же самый перевод с латинского»⁶⁰.

Что касается предпочтения, отданного в Новгороде латинскому оригиналу, то его следует признать закономерным. С одной стороны на Руси действительно не знали в это время греческого языка. Известно, что несколькими десятилетиями позже Максим Грек должен был делать свои переводы на латынь. А уже с латыни на церковнославянский переводили приставленные к Максиму переводчики. С другой стороны, полного греческого текста в это время напечатано еще не было, полные библейские рукописные кодексы были в редкость, так что обращение к печатному тексту Вульгаты следует признать естественным⁶¹.

Говоря в целом о ветхозаветных книгах в Геннадиевской Библии и ее списках, следует согласиться с мнением Горского и Невоструева о том, что состав книг образовался в конце последнего десятилетия XV века под влиянием людей, положивших за основу латинский перевод Священного Писания. Это доказывают: «порядок, в котором ветхозаветные книги расположены в наших списках, и потом в изданиях, отчасти различающийся от порядка, в каком представляют их греческие рукописи, и вполне согласный с порядком Вульгаты. Это особенно может быть определено по тому месту, какое занимают в целом составе ветхозаветных книг и во взаимном порядке книги 3-я Ездры и Маккавейская; порядок, в какой приведены главы в некоторых книгах ветхозаветных, например, в книге Притчей и Сираха... предисловия к Библии, переведенные с латинского и немецкого»⁶².

Действительно, рассматривая предисловие и оглавление в Геннадиевской Библии, описатели выяснили, что они переведены с немецкого оригинала, о чем говорят встречающиеся здесь ссылки на немецкую традицию Священного Писания. А. А. Алексеев, считает, что, «по всей вероятно-

сти, было использовано кельнское издание немецкой Библии 1478 г. (Miller 1978). Как кажется, из толкований Николая Лиранского (его *Postilla* были изданы в Нюрнберге в 1493 г.) заимствовано одно замечание на Маккавейские книги»⁶³.

Описатели выяснили, что князь Константин Острожский, издавший в 1581 году первую в России печатную славянскую Библию, пользовался списком, текст которого был одинаков с текстом Геннадиевской Библии. Но издатели подвергли его пересмотру и новому сличению с греческим и латинским текстом. Там, где перевод Вульгаты сходен с греческим вариантом, там Острожское издание совпадает с Геннадиевской Библией, а где разнится — печатный текст совпадает с греческим текстом. При этом острожские издатели «исправляли и слог, заменяя поздние и народные слова списков древними и церковными»⁶⁴.

В описании Синодального собрания указывается дальнейшая судьба славянского перевода ветхозаветных книг, помещенных сразу же за тремя полными списками Библии. Описателями изучены рукописи, содержащие в себе список Ветхого Завета с исправлениями, сделанными в первой четверти XVIII века по повелению Петра I учеными богословами во главе с архимандритом Феофилактом Лопатинским и греком Софронием Лихудом. Описатели установили, что исправление состояло в замене устаревших, непонятных и неточных слов. Были устранены грамматические неточности в согласовании перевода с греческим текстом по Ватиканскому и Александрийскому спискам. Вместе с исправлением перевода по греческому тексту исправители пользовались Вульгатой и еврейским переводом, но только тогда, когда это способствовало более ясной и в смысловом отношении верной передаче ветхозаветного текста⁶⁵.

Эти исправления 1714—1720 годов с некоторыми дополнениями были почти полностью приняты в исправление текста Елизаветинской печатной Библии 1751 года.

Из представленного обзора мы можем сделать вывод о том, что на материале библейских рукописей Синодальной библиотеки объясняется как древнейшее состояние

славянского текста ветхозаветных книг, так и его особенности в переходный к современному состоянию период. По компетентному свидетельству И. И. Срезневского, «эта часть Описания принадлежит к числу лучших филолого-литературных исследований в нашей литературе, представляя, можно сказать, образец подобного рода трудов»⁶⁶.

5. Описание рукописей Священного Писания Нового Завета

Синодальном собрании текст Новозаветных книг исследован Горским и Невоструевым как в полных списках Библии, так и в отдельных списках Евангелия и Апостола, расположенных или в порядке книг (тетры), или в последовании церковных чтений (апракосы). Среди отдельных списков книг Нового Завета встречаются рукописи всех столетий от XII до XVII века.

Все рукописи подвергнуты описателями обширной лингвистической критике. Сначала исследуется по отдельности каждый памятник, а затем дается общая характеристика славянского текста с обобщающими выводами о судьбе новозаветного перевода в его отечественной рукописной традиции.

Анализ списков Евангелий и Апостола, находившихся в Синодальном собрании, описатели произвели по схеме, предложенной А. Х. Востоковым: устанавливается тип правописания, выявляются особенности грамматических форм, определяются лексические разночтения, славянский текст сопоставляется при необходимости с греческим или латинским вариантом⁶⁷.

Затем описатели приступили к сравнению списков между собой. Для того чтобы это сравнение было максимально эффективным, они решили взять за основу тексты памятников, наиболее приближенных к первоначальному тексту Нового Завета на славянском языке. Таким списком для Евангелия был принят Остромиров, несмотря на то, что он представляет собой неполный апракос, ибо расположен по церковным чтениям от Пятидесятницы только на субботние и воскресные дни. Для Апостола был выбран текст рукописи 1220 года (№ 95), содержащий в себе толкование на первые пять посланий апостола Павла. «Текст апостольский в этом толковании, как открылось из сличения с греческой рукописью Синодальной библиотеки, содержащей в себе тоже изъяснение, переведен не вместе с самим толкованием, но

взят уже готовый, и, следовательно, принадлежит древнейшему времени»⁶⁸.

Сличение Синодальных списков Евангелия с Остромировым и между собой привело к следующим результатам.

Большая часть древних списков полнее Остромирова, т. к. содержит чтения на все дни года. При этом только два списка 1144 (№ 20) и 1383 (№ 26) годов (Тетроевангелия) представляют текст каждого евангелиста в полном и правильном варианте. Большими неточностями и разночтениями отличались Евангелия-апракосы, расположенные по порядку церковных чтений, которые «в начале сих чтений иное опускали, другое прибавляли, иногда соединяли сказанное в разных местах, даже у разных евангелистов»⁶⁹.

Значительная разность списков Евангелия между собой произошла от разночтений греческого текста, или от замены одних слов другими вследствие исправления древнего перевода, казавшегося неточным или неясным, или от ошибок самих переписчиков. Разнообразие евангельских списков, расположенных по церковным спискам (апракосов) с течением столетий так возросло, что в конце XIV века были введены в употребление Четвероевангелия, вновь сличенные с греческим текстом. Описатели выдвинули следующую гипотезу: «Вероятно, это разнообразие списков, не позволявшее в сомнительных случаях остановиться ни на каком чтении с достоверностью, и желание читать слово Христово в переводе более менее удостоверительном, побудили св. Алексия, митрополита Всероссийского, заняться вновь переложением с греческого всех книг Новозаветных в полном виде, не по церковным чтениям. Но не этому труду назначено было исправить распространявшееся повреждение. Совершенный келейно, он не оставил видимого влияния на улучшение списков»⁷⁰.

В тоже время тетры, не будучи в общем церковном употреблении, реже переписывались, и, следовательно, более сохраняли первоначальный исправный текст. Оставалось сличить такие тексты с греческим вариантом. Опыт такого исправления представляет пергаментный список Тетроевангелия (№ 26), списанный в Константинополе в 1383 году⁷¹. Объясняя данный факт, описатели приводят следующую

историческую справку: «Русские живали тогда в Цареградском Студийском монастыре и занимались списыванием книг, как упоминает паломник Стефан Новгородец, бывший в Константинополе при Патриархе Исидоре (сконч. около 1349 г.). Одним из таких пришельцев написано сие Тетроевангелие. Вероятно, оно здесь же было исправлено и могло быть вывезено отсюда митр. Пименом, Киприаном, архиеп. Дионисием Суздальским, Феодором Ростовским или кем другим. Тогда пастыри русские часто ездили в Константинополь по своим делам»⁷².

Описатели замечают, что примерно в то же время, вероятно при митрополите Киприане, в России появились списки тетров из южных славянских стран с предисловиями Феофилакта Болгарского, с нынешним счетом зачал, но отличные от русского правописания и по исправлениям очень близкие пергаментному списку 1383 года. Как известно, в этот период на Руси начинается второе южнославянское влияние и оно, несомненно, сказывается на евангельских текстах русской рукописной традиции. В итоге появляется более единообразный евангельский текст вместе с распространением тетров и уменьшением числа апракосов. На переходе к позднему, более исправному и единообразному тексту стоит как раз Константинопольское Четвероевангелие 1383 года.

Такое же явление представляют и списки Апостола. В апракосных списках наблюдаются значительные расхождения в тексте. Но с постепенным распространением списков, содержащих Деяния и Апостольские Послания по порядку, текст становится единообразным.

Говоря о тексте позднейших списков Евангелия и Апостола, распространившихся в четвѐм варианте, следует указать, что он тот же самый, что и в полных списках Библии.

Отдельных рукописей Апокалипсиса в Синодальном собрании не оказалось, а находящийся в полных списках Библии Апокалипсис извлечен из Толкования на него Андрея Кессарийского по рукописям XIII века⁷³.

Подводя итог вышеизложенному обзору описания рукописей Синодальной библиотеки, содержащих Священное Писание, следует отметить следующее. По наблюдениям

и соответствующим доказательствам Горского и Невоструева нужно признать, что: 1) перевод Пятикнижия Моисеева носит следы глубокой древности⁷⁴; 2) древний перевод книг Пророков сохранился лишь частично в объеме книг Софонии, Аггея, Захарии и Малахии; 3) книги Иова, Песни Песней, Пророков (за исключением названных четырех) и Апокалипсиса извлечены из толковых версий; 4) первая половина книги Есфирь переведена с еврейского языка; 5) служебный текст Евангелия переписывался чаще и в древности был распространен шире, чем четый текст; 6) в XIV—XV веках у южных славян была проведена правка новозаветного текста по греческим оригиналам, и в результате второго южнославянского влияния распространился единообразный текст и в России; 7) те библейские книги, которые отсутствовали в славянской рукописной традиции, были переведены для Геннадиевской Библии с латинского оригинала.

6. Описание рукописей творений святых отцов и богослужебных книг

ледующий раздел описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки включает в себя писания святых отцов и учителей Церкви⁷⁵. В первой части разобраны толкования на Священное Писание, во второй — писания догматические и духовно-нравственные, в третьей — богословские сочинения.

Описание рукописей, содержащих толкование на Священное Писание, следует по порядку библейских книг. Горский и Невоструев рассмотрели «Шестоднев», толкования на книгу Бытия, Иова, на Псалмы, книги Пророков и весь Новый Завет. При описании и разборе данного рода памятников исследователи руководствовались методами, примененными в первом томе «Описания». Они обращались к подлинному тексту толкований по изданиям святых отцов на греческом и латинском языках. Для анализа неизданных на греческом языке памятников, описатели пользовались греческими рукописями Синодального собрания. При рассмотрении переводов обращалось внимание на их близость к подлиннику, а в древнейших — на язык перевода.

Так при описании «Шестоднева» Иоанна Экзарха Болгарского, в дополнение к исследованиям Калайдовича, описателями было указано, что некоторые фрагменты взяты Иоанном из творений Василия Великого и Севериана⁷⁶. При описании рукописей, содержащих толкование Псалтири Афанасия Александрийского, Горский и Невоструев заметили, что это толкование отличается как от помещенного в творениях святителя Афанасия, так и от греческих рукописей, где оно встречается под именем Оригена⁷⁷.

При рассмотрении писаний догматических и духовно-нравственных как и в предыдущих томах, для сочинений, переведенных с греческого или латинского языков, описатели восстанавливали первоначальный текст по изданиям и рукописям. При этом устанавливались статьи, содержащие подложные сочинения.

Так, например, «Слово на Пасху», переведенное Константином Болгарским, приписываемое в русских рукописях Афанасию Александрийскому и изданное на греческом языке между подложными сочинениями Иоанна Златоуста, не принадлежит ни тому, ни другому, что доказывается внутренними и хронологическими признаками⁷⁸.

Было установлено, что замечательные приложения Иоанна Экзарха к переводу «Богословия» Иоанна Дамаскина, не имеющие в надписании имени сочинителя, принадлежат различным писателям: Феодориту Кирскому, Григорию Нисскому и Епифанию Кипрскому⁷⁹.

Руководствуясь данной методой, Горский и Невоструев смогли сделать важные открытия. Вот как сами описатели об этом пишут: «Но трудности дела вознаграждаются своего рода приобретениями. Сличение славянских переводов с греческим текстом открыло некоторые новые, ныне не известные, или еще неизданные писания отцов. Так, по нашим рукописям, к писаниям св. Мефодия Патраского должно причислить еще четыре „Слова“ у западных издателей не встречающихся; и, сверх того, значительно дополняются и приводятся в правильный порядок другие сочинения того же отца, известные ныне в отрывках. Открылась новая редакция христианской переделки сочинения стоика Эпиктета, приписываемая св. Максиму Исповеднику во 100 главах. Ему же [св. Максиму. — А. М.] присвоится в наших рукописях еще сочинение духовно-нравственного содержания под названием „Кормчий“. В славянском переводе сохранился древний патерик, по главам описанный Фотием, патриархом Константинопольским, и изданный только на латинском языке»⁸⁰.

Описатели смогли установить, что и в отношении к изданным святоотеческим творениям славянские переводы имеют большое значение — подтверждением или исправлением их текста. Это видно при разборе «Огласительных бесед» Кирилла Иерусалимского⁸¹, при сличении списков «Лествицы» с греческим текстом⁸² и в других местах⁸³.

Второй раздел «Описания» по сравнению с первым имеет меньше выписок и лингвистического анализа, что обусловлено спецификой исследуемых памятников, однако

в некоторых случаях Горский и Невоструев используют всю широту своих археографических и лингвистических интуиций.

Третий том второго отдела описания Синодального собрания включает в себя рукописи разных богословских сочинений⁸⁴. Это — преимущественно церковная литература XVII века, сообщающая мало сведений для истории языка. Однако среди рукописей встречаются и древние списки — Пандекты и Тактион Никона Черногорца (№ 217—229). Старший список Пандект принадлежит к 1294 году, а Тактиона — к концу XIV века. Описатели установили, что Пандекты в старшем списке представлены не в полном виде не только по числу слов, но и по их объему. Полные же списки носят на себе признаки болгарского или сербского исправления. Исследование содержания рукописей Измарагда и так называемого Златоустника показало, что большая часть входящих в их состав «Слов» приписана не тем святым отцам, которым они принадлежат, а другим. При этом между «Словами» встречается немало сочиненных русскими проповедниками⁸⁵.

Обстоятельно разобраны «Слова» митрополита Даниила (№ 237) и впервые указаны источники, которыми пользовался проповедник, также подробно изложено содержание сочинений Максима Грека и сочинения полемические, отражающие внутренние споры в Русской Церкви и полемику против католиков и протестантов. Описание всех этих рукописей представляет больше сведений для истории литературы, нежели чем историю языка по лингвистическим данным.

Наиболее замечательной рукописью из данного раздела следует признать Сборник (№ 318), содержащий в полном виде «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона⁸⁶. Именно этой рукописью пользовался Горский в своей знаменитой статье: «Памятники духовной литературы времен Великого Князя Ярослава» при первом издании «Слова» Илариона в 1844 году⁸⁷.

Третий отдел славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки составляют богослужебные книги⁸⁸. По содержанию эти рукописи представляют собой Служебники, Требники, Церковные Уставы, Псалтири, Октои-

хи, Параклитики, Триоди Постные и Цветные, Трефологии (службы избранным святым), собрания канонов, молитв, Стихирари, Кондакари, Ирмологии, нотные Обиходы, Святцы, различные чины и последования, Синодики, сборники богослужебного содержания.

Вот как определяют сами исследователи приемы и методы описания рукописей в данном отделе: «Кроме некоторых исключений, не входя в филологические исследования о переводе и языке их, здесь мы ограничились только взаимным отношением списков, сличением текста с греческим и славянскими изданиями богослужебных книг — нынешними и, где было нужно, старопечатными, тщательно означая отступление от них описываемых рукописей»⁸⁹.

При описании богослужебных рукописей Горский и Невоструев показали отмены в молитвах, стихирах, песнях в сравнении с современными текстами. Было указано, как, вследствие различных неисправностей, вкрадывавшихся в переводы отечественных богослужебных книг, возникла при Патриархе Никоне необходимость сличения их с греческим подлинником для последующего исправления или и вовсе замены новым переводом.

При разборе рукописей Синодальной библиотеки, содержащих богослужебные тексты, Горский и Невоструев положили начало труду сличения состава богослужебных книг по рукописным и печатным изданиям, что, к сожалению, до нашего времени так и не было завершено.

7. Значение «Описания» для славянской филологии и отечественной археографии

Для славянской филологии и отечественной археографии «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» представляет богатые материалы из истории языка, как русского, так и старославянского. По широте плана и достигнутых результатов «Описание» не имеет ничего подобного в нашей научной литературе даже сегодня. Впервые после описания Румянцевских рукописей, предпринятых Востоковым, Горский и Невоструев поставили своей задачей представить не сухое описание многочисленных рукописей, сведенное до обычного каталога или указателя, но проследить историческую судьбу тех литературных произведений, списки которых попали в Синодальную библиотеку, определить их место в русской рукописной традиции, дав памятникам надлежащий лингвистический комментарий.

Доведенное до конца в соответствии с первоначальным планом и исполненное с тем критическим тактом, при той громадной эрудиции, какой обладал А. В. Горский, «Описание» представляет собой историю всей допетровской словесности. Собранный и переработанный Горским совместно с Невоструевым материал дал неоценимые сведения не только в области археографии, но и среди историко-литературных изысканий, обогатив не только историю нашей литературы, но и византийской. Держась сравнительно-исторического метода изучения, выработанного Востоковым, описатели, прежде всего, стремились разыскать начальный греческий и латинский текст, затем подвергнуть подробно рассмотрению их переводы, из сочинений неизданных сделать подробные извлечения.

При описании славянских рукописей Синодальной библиотеки Горский и Невоструев сделали неоценимый вклад в изучение этого вопроса: они открыли, собрали и обзрели огромный материал и наметили новые перспективы для плодотворной научной работы по генезису и реститу-

ции славянской Библии. По справедливому и компетентному мнению профессора Г. А. Воскресенского, это «есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста»⁹⁰.

Ведущую роль в деле описания Синодального собрания сыграл профессор протоиерей А. В. Горский, сумевший подыскать себе надежного помощника — преподавателя семинарии К. И. Невоструева. Так, два человека с совершенно разной ученой подготовкой приступили к общему труду. С одной стороны, Горский, в совершенстве владевший всеми методами филологического, исторического и богословского знания, приступивший к делу после долговременной научной практики, с другой стороны — Невоструев, трудолюбивый преподаватель Симбирской духовной школы, без всякой подготовки в области описания древних славянских памятников. И, несмотря на такую первоначальную разницу в ученой эрудиции и опыте исследования рукописей между двумя исследователями, они в итоге блистательно завершают описание Синодального собрания. Представленные в настоящей работе сведения убедительно доказывают, что Горский и Невоструев постоянно работали над описанием рукописей как единый организм, успешно разрешая сложные лингвистические вопросы. В истории археографии есть печальный опыт совместного описания рукописей, когда Строев и Калайдович свели исследование толстовского собрания до простого библиографического указателя. Противоположного результата достигли Горский и Невоструев: взаимно дополняя друг друга, описатели во главу угла поставили не личные амбиции, а стремление достойно завершить начатый труд. Ученая переписка Горского и Невоструева, насчитывающая несколько сот писем, ярко об этом свидетельствует.

Ведущую роль в «Описании» играл Горский, именно благодаря его указаниям история славянского текста Библии затрагивается во всех томах «Описания». Он доказал, что из ветхозаветных книг в славянской рукописной традиции были известны далеко не все. Горский определил, что библейские книги, которые отсутствовали в славянской

рукописной традиции, были переведены в конце XV века с латинского оригинала, кроме книги Есфирь, принятой в переводе с еврейского. В то же время Горский продолжал следить по славянским письменным памятникам за текстом Священного Писания. В итоге он установил, что в святоотеческой литературе древнейшего периода приводятся тексты Священного Писания отличные от греческого оригинала, а именно: в собственном переводе отдельных авторов. Это явление было установлено в сочинениях Иоанна Экзарха Болгарского, в переводе творений Афанасия Александрийского, сделанном одним из учеников равноапостольного Мефодия — Константином Болгарским, в переводе «Огласительных» поучений Кирилла Иерусалимского и творений Григория Богослова.

Таким образом, Горский установил следующую закономерность: чем древнее памятник славянской литературы, тем более славянский текст Священного Писания отличается несогласием и самостоятельностью по отношению к древнему греческому оригиналу и древнейшим славянским переводам. Он отметил это замечательное явление, поднимая вопрос об объеме и судьбе кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания. Он не решил этот вопрос до конца, но успел определить важнейшие фазы в истории славянского текста Нового Завета и с помощью тонких критических наблюдений смог выявить древнейший первоначальный текст Пятикнижия, Псалтири, Деяний и Посланий Апостольских. Во главу угла в «Описании» Горский поставил анализ текста, причем этот анализ отвечал всем требованиям как филологической, так и исторической науки и подкреплялся колоссальной богословской эрудицией ученого.

«Описание» включает драгоценные материалы для изучения истории славянского текста Священного Писания, богослужебных и святоотеческих книг, для всей славянской филологии. По компетентному и авторитетному свидетельству Г. А. Воскресенского, «здесь собрано и подготовлено много соображений и указаний, драгоценных для филолога. Так в выписках приведены особенности грамматических форм древнего церковно-славянского языка и древнего правописания по наречиям; объяснены невразумительные

слова через сличение с позднейшими, принятыми в их замену, или через сопоставление славянского текста с греческим; отмечено много слов древних, неизвестных дотоле, или имеющих новые значения, отсутствующие в словарях»⁹¹. В подтверждение последнего следует указать на появление новых слов, которые взял Миклошич из «Описания» во второе издание своего словаря и которые не находились ни в первом его издании, ни в словаре церковно-славянского языка Востокова⁹².

Из недостатков «Описания» следует указать на отсутствие подробных палеографических сведений: как о почерке рукописей, так и об изображениях, к ним приложенных, об инициалах, вязи, водяных знаках — тех средствах, по которым определяется датировка памятника. Описатели не выбирали из рукописей (особенно в последних томах) всего грамматического и лексического материала, что, правда, было бы и не всегда уместно. Тем не менее, лингвистических данных в «Описании» представлено столько, что историк языка и древней литературы может пользоваться материалами рукописей, даже лично не перечитывая сами памятники.

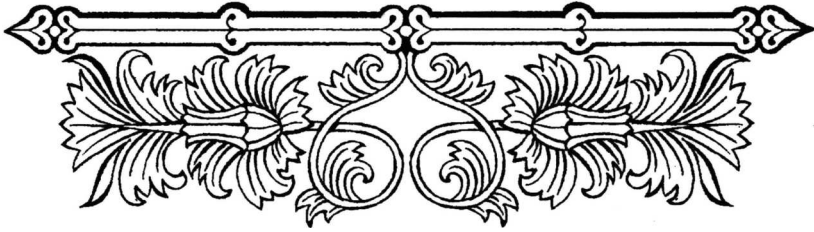
Все тома «Описания» начинаются предисловиями, в которых представлены обобщающие сведения и факты, в полном виде рассредоточенные в разных частях книги. Эти предисловия уже сами по себе представляют исследование, снабженное новыми данными, выводами. Исследование, из которого видно, что многолетние разыскания описателей не остались бесплодными. В предисловиях указаны общие сведения о рукописях каждого отдела по частям, раскрывается история славянского библейского и богослужебного текстов, по столетиям указано время перевода толкований на славянский и русский языки, обозначен хронологический порядок появления переводов святых отцов.

Последующие исследования в области археографического описания рукописных собраний показали, что, к сожалению, опыт и традиции А. В. Горского и К. И. Невоструева не были усвоены учеными описателями. Археография в своем развитии не смогла достичь больших высот. Позднейшие исследователи пошли по пути упрощения, что негативно сказалось на уровне разработки археографических разы-

сканий и выявления лингвистических особенностей в исследуемых рукописях.

Именно поэтому до наших дней описание собрания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, предпринятое А. В. Горским и К. И. Невоструевым, сохраняет научную актуальность и служит ценным пособием при изучении литературных памятников и славянских древностей.

Глава V
РЕКТОР
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

С обширною ученостию соединяя глубокую преданность святой Церкви и православной вере и ревностно заботясь о выполнении вверенного Вам Академией ее высокого назначения, Вы опытно руководите учащихся и прилагаете неусыпные попечения об умственном и нравственном преуспеянии учащихся.

Из письма императора Александра II
А. В. Горскому 16 апреля 1872 г.

1. У Престола благодати

огда в печати уже выходили тома «Описания», в жизни Александра Васильевича случилось знаменательное событие. В октябре 1859 года ему поручено было митрополитом Филаретом составить краткую записку о том, «необходимо ли требуют канонические постановления, чтобы приходские священники были женаты, и на каком основании и с какого времени утвердился у нас обычай рукополагать не иначе, как когда предназначенный к рукоположению вступит в брак»¹. Горский принял за работу, и вскоре оказалось, что несколько страниц составленной им справки имели крайне важное значение для его собственной судьбы.

Горский давно желал принять сан священства, но обязательное церковное требование предварительно вступить в брак не позволяло Александру Васильевичу сделать этого. А как видно из прошлой жизни Горского, родительский запрет не позволял ему принять монашество. О желании Горского знал митрополит Филарет. Он решил посвятить Горского в иереи без учета существовавшего обычая. Следствием такого намерения митрополита и было повеление Горскому составить исследование относительно безбрачия белого духовенства. Очевидно, святитель Филарет хотел заранее удостовериться, не встретят ли его планы канонического препятствия.

Горский исследовал предложенный ему вопрос и, в итоге, пришел к такому заключению: «канонически не было воспрещено рукополагать во священники и диаконы из безбрачных; но вследствие разных причин само собою, как в Греции, так и у нас на Руси, ввелось в обычай поставлять только вступивших в брак»². Такой ответ удовлетворил митрополита, который благословил Горского писать прошение на священническую хиротонию.

В своем официальном прошении митрополиту Филарету 12 марта 1860 года Горский писал, что желание быть служителем алтаря он имеет уже давно, а не вступает в семейную жизнь в связи с расположением к ученым занятиям. Горский заверял священноначалие в том, что с помощью Божией, он достаточно уже испытал себя в таком состоянии, и потому просит удостоить его священного сана и причислить к какой-либо церкви, имеющей свободное священническое место, но не требующей настоятеля, с тем, чтобы он мог по-прежнему продолжать свою службу при Духовной Академии³. Владыка велел Консистории предоставить справку о священнических вакансиях и на этой справке 22 марта 1860 года положил следующую резолюцию: «1) На основании 6 правила Шестого вселенского собора, проф. А. Горский дает непреложное обещание и подписку, что по вступлении в священство пребудет безбрачен до конца жизни. 2) Проф. Горский назначается во священника к кафедральному собору. 3) [Допустить] к исповеди, и, если не окажется сомнения, к присяге и посвящению»⁴.

В частном письме Горский писал святителю Филарету: «С благоговением приближаясь к Престолу благодати, во глубине души сознаю и великость обещаемого дара, и мое недостойнство. Но, вкусив сладость и самой надежды, снова предаю себя благонисхождению Вашему и, припадая к стопам Вашим, дерзновенно прошу довершить надо мною дело благодати»⁵. Здесь видно, как с детства обладавший особой чувствительностью и ранимостью, Горский переживал о предстоящем рукоположении. Он очень ответственно, с особым вниманием подходил к такому важному в жизни шагу, как принятие на себя благодати священства. О том, какое настроение было у Александра Васильевича перед хиротонией, свидетельствует также его письмо преосвященному Леониду (Краснопевкову), епископу Дмитровскому. Какой-то радостный трепет и вместе боязнь и смущение овладевали тогда всей душой ставленника. Горский не просил, почти умолял владыку Леонида: «Поддержите духовною помощью первые шаги решающегося приблизиться к Престолу благодати. Достоинство сана велико, а недостойнство, несмотря на долгое приготовление неготовой жизни, безмерно. Оставляя все внешние соображения, я думаю сосредоточить мысли и чувства на себе самом, чтобы глубже почувствовать великость дара благодати и с большим дерзновением уповать повергнуться в бездну щедрот и милосердия Божия»⁶.

После получения благословения святителя Филарета были решены все формальности, и 25 марта 1860 года Александр Васильевич Горский в Чудовом монастыре был посвящен в диакона, а 27 марта в Успенском соборе Московского Кремля он был рукоположен в священника и назначен служить в Московском кафедральном Архангельском соборе⁷.

Случай производства в священную степень безбрачного — небывалый в тогдашней церковной практике Российской Церкви. Только у католиков существовало, да и теперь существует обязательное безбрачие священства, так называемый целибат. По крайней мере, до Горского известен только один случай целибата, когда в 1845 году в Новоархангельске преосвященный Иннокентий (Вениаминов) (впоследствии митрополит Московский) «безбрачного церковника Ермолая посвятил во священство»⁸. Понятно поэтому, с каким

возбуждением было принято в обществе как духовном, так и светском известие о рукоположении Горского.

О том, какое впечатление это распоряжение митрополита Филарета произвело тогда в Москве, можно судить по следующему письму одного из духовных лиц к Рязанскому архиепископу Гавриилу (Городкову): «Ради праздника сообщу Вашему Высокопреосвященству необычайную новость. Изволили Вы знать профессора нашей Академии г. Александра Васильевича Горского? Он доселе был не женат, а в монашество не хотел вступить, а священником желал быть, лишь бы не жениться. И его желание наконец исполнилось. На основании 6 правила 6-го Вселенского собора, владыка, взяв с него подписку не вступать в брак, посвятил его в Благовещение в Чудове монастыре, в диаконы, а в неделю Ваий в соборе Успенском в пресвитера Архангельского собора с оставлением службы при Академии. И это сделал без сношения с Синодом. Теперь только и толков по Москве, что о г. Горском. Подивитесь вместе с нами случившемуся в нашей древней столице. Горскому же от роду около 50 лет.

25 марта, 1860 г. Москва»⁹.

Действительно, в московском обществе поднялся настоящий шум: говорили об этом все, говорили много, высказывались и «за», и «против». По воспоминаниям Д. Н. Толстого «рукоположение Александра Васильевича было так ново, что породило тогда много толков даже в наших салонах, обыкновенно крайне безразлично относившихся к церковным событиям. По общему у нас неведению канонов встречались даже сомнения в правильности его рукоположения; иные смешивали целибат с монашеством и спрашивали, почему он не носит клобука»¹⁰.

До хиротонии такие толки могли бы поколебать в решении высшую епархиальную власть, но когда все свершилось, отец Александр уже мог не опасаться всех этих разговоров. Друзья же с большой радостью восприняли рукоположение Горского. Так архиепископ Филарет (Гумилевский), в письме от 18 мая 1860 года поздравляя отца Александра с хиротонией, одновременно наставлял и поддерживал друга: «Боголюбивый Александр Васильевич! С благодатию священства, давно желанного Вами, поздравляю Вас. Возрас-

тайте о Господе. Укрепляйтесь трудами богоугодными»¹¹. Такие слова, сказанные искренним благожелателем — владыкой Филаретом, очевидно, оказали положительное воздействие на настроение только что посвященного отца Александра. «Мое положение теперь легко, — писал он через месяц после своего рукоположения К. И. Невоструеву, — без заботливости о последствиях, выслушиваю толки pro и contra. Худо было бы, когда подобные толки поднялись до посвящения. Тогда переболело бы от них сердце». В том же письме отец Александр рассказывает о первых днях своего священнического служения: «Теперь я, по милости Божией, послуживаю обедни, когда бывает удобно по классическим отношениям. Здешние старцы говорят, что новорукоположенный священник должен служить сряду сорок дней литургии. Я еще в Москве начал делать пропуски: да и теперь не каждым днем могу пользоваться. По крайней мере, стараюсь сделать возможное»¹².

Из этого письма видно, как рад был Горский новому своему служению и как серьезно к нему относился — так же серьезно, как и к остальным прежним послушаниям. Он стремится выполнять неписанные предания насчет иерейства, не говоря уже о прямых и ясных церковных постановлениях. Недаром Горский списал и хранил у себя для постоянного напоминания священническую присягу: хотел быть истовым, настоящим служителем алтаря Господня и Церкви Христовой¹³.

2. В Комитете по преобразованию духовных училищ

то время, когда Горский был так занят своим священством, в Синоде на очереди стоял вопрос о преобразовании духовно-учебных заведений. В профессиональной подготовке духовенства к 1860-м годам накопилось довольно много недостатков, очевидных церковной иерархии. В атмосфере либеральных преобразований Александра II реформа духовного образования была не только необходима, но также имела и государственное значение. В связи с внутривластными преобразованиями в стране и начавшейся эпохой Великих реформ и правительству, и общественности было совершенно ясно, что изменения затронут буквально все сферы российской жизни. Естественно, что Российская Церковь как неотъемлемая составляющая всего общества должна была органически включиться в механизм этих реформ.

Еще в начале 1859 года обер-прокурор Синода А. П. Толстой направил ректорам и архиереям распоряжение срочно представить мнения о недостатках духовной школы и путях их устранения. По мере того, как шла подготовка крестьянской реформы и реформы системы народного образования, вопрос о судьбе духовных учебных заведений все более и более обретал значение, выходящее за рамки только внутрицерковной, ведомственной проблемы. Наблюдая воочию развитие событий в Петербурге, архиепископ Харьковский Филарет (Гумилевский) сообщал митрополиту Московскому Филарету: «Дело о преобразовании семинарий получило какое-то новое движение, помимо ведения Синода»¹⁴.

Мнения ректоров и епархиального руководства обрабатывались в Синоде. В начале 1860 года по ним был составлен «Свод мнений епархиальных архиереев и ректоров о преобразованиях, необходимых для духовной школы». Документ собрал в себя всю гамму мнений о существовавших недостатках и путях их устранения. «Свод мнений» стал

хорошей основой для дальнейшей работы, совершить которую был призван специальный Комитет по соображениям о преобразовании духовных училищ во главе с архиепископом Херсонским Димитрием (Муретовым), учрежденный 22 февраля 1860 года. Делопроизводство и редактирование сосредоточилось в руках доверенного обер-прокурора, чиновника по особым поручениям Т. И. Филиппова. Членами стали архимандриты Нектарий (Надеждин), ректор Петербургской семинарии Платон (Троепольский), два чередных (т. е. вызванных в Синод на сессию) архимандрита — Феофилакт (Губин) и Феодосий (Шаповаленко), протоиереи Г. Дебольский и К. Крупский, чиновник за обер-прокурорским столом И. Гаевский¹⁵. Кроме того, Комитету было предоставлено право вызывать к совещанию нужных деятелей из разных епархий. Окончательные соображения и решения по преобразованию Комитет должен был представлять в Синод.

В письме от 17 мая 1860 года обер-прокурор Синода А. П. Толстой, уведомляя митрополита Московского Филарета о начале работы Комитета, просил его назначить для работы в Петербург кого-либо из подведомственных ему лиц. У святителя Филарета имелся в виду только один человек — профессор Академии отец Александр Горский, возведенный к тому времени уже в сан протоиерея. На том же письме обер-прокурора митрополит положил следующую резолюцию: «Протоиерей Александр Горский согласно с сим требованием отправляется для принятия участия в деле Комитета о училищах с тем, чтобы, проведя в Комитете вакациальное время под конец оногo возвратился по требованию здешних его обязанностей. Академическое Правление снабдит его потребным путевым пособием, сообразно с законом»¹⁶.

Перед отъездом Горский лично беседовал с митрополитом, который дал отцу Александру свои наставления: «Твое дело не только быть передатчиком, но и подавать свой голос, коль скоро ты в нем убежден. Не для чего заводить сор из споров, надеюсь, этого ты себе не позволишь. Но ты должен высказывать свои мнения с резонами». В ходе той же аудиенции у владыки Горский ознакомился с «Мнением касательно устройства приходского духовенства», поданным

митрополитом еще в 1828 году, но к тому моменту не реализованным. В этом «Мнении» говорилось, между прочим, и о «способах к успешнейшему образованию духовенства», что делало эту записку иерарха Московского актуальной в свете начавшихся преобразований. Таким образом, для работы в Комитете Горский был подготовлен достаточно и 18 июля 1860 года отправился в путь¹⁷.

В каком же положении находился Комитет, когда туда прибыл протоиерей Александр Горский? На серии заседаний, проходивших до августа и часто не вносившихся в журнал, Комитет попытался выработать свое видение проблемы преобразования духовной школы. Но уже с самого начала он стал ареной борьбы двух направлений: отстаивающего интересы Церкви, и проводящего идеи, получившие распространение в светском обществе¹⁸.

Общие собрания членов начались лишь с августа. Преобразование низших и средних духовно-учебных заведений предполагалось провести таким образом: весь курс преподаваемых в них наук распределить на двенадцать лет со следующим их разделением: первые четыре года должны идти на грамматическое образование (курс первоначальный), следующие четыре — на словесное (курс общеобразовательный, гимназический), последние — на богословское или собственно семинарское образование. После первых четырех лет обучения воспитанникам надлежит держать строгий экзамен, чтобы отделить способных учеников от слабых и первым предоставить дальнейшее образование. Подобный разбор успехов учащихся делать и по окончании второго четырехлетия, чтобы узнать, кто желает вступить в духовное звание и принять на себя, если будет достоин, сан священства. Желаящие поступают на последний четырехлетний курс, прочие же оставляют училище для поступления в высшие учебные заведения светского ведомства после сдачи экзамена или на государственную службу с правом на первый классный чин. Для лучшего надзора за воспитанниками стараться по возможности, чтобы они жили не рассеяно по частным квартирам, но в общежитиях. Содержание всех таких школ в каждой епархии предоставить на собственные средства последних¹⁹.

Такой план устройства духовных училищ был предложен главой Комитета архиепископом Херсонским Дмитрием. Чтобы увеличить доход, он хотел ходатайствовать о предоставлении Церкви монополии на продажу церковных свечей. Таким образом, проект архиепископа Дмитрия фактически устранял Духовно-учебное управление от распоряжения материальными средствами, оставляя за ним роль координатора учебного процесса, что, конечно, не могло устроить бюрократическую верхушку.

Именно поэтому по вопросу о передаче свечной прибыли в руки епархий в Комитете возникли серьезные разногласия. Члены от духовенства высказались за предложение архиепископа Дмитрия. Информировав митрополита Филарета о спорах, Горский писал: «При усилении местной деятельности и отчетности, менее становилось бы нужным огромное число чиновников, пользующихся ныне жалованьем из тех же сумм. Этот последний результат, конечно, не высказывается, но имеется в виду». Горский сообщает о том, что против проекта владыки Дмитрия тотчас выступил Т. И. Филиппов. Никакого компромисса не нашли. Вскоре, как отметил Горский, между светскими членами Комитета и духовными стало заметно охлаждение: «Светские говорят, что планы преобразований не имеют в себе твердой опоры. В основании их лежит предположение об усилении свечных доходов, ничем верным не обеспеченное. Может быть, светских пугает и подозреваемое желание устранить их от заведывания духовно-учебными капиталами».

Любопытно, что члены от духовенства сами пребывали в большом сомнении относительно предлагавшихся архиепископом Дмитрием перемен в обеспечении училищ и семинарий, тем более, что отчетность не давала правильной картины размеров свечного сбора. Сам Горский не раз обращал внимание именно на эту часть проекта как самую слабую и возможно грозящую тяжелыми последствиями. «Неизвестно, дозволит ли правительство монополию свечной продажи в пользу Церкви при нынешнем отвращении от монополий? Нельзя определить, насколько возвысится цифра свечной прибыли при более верном ее сборе? Как удовлетворить потребности епархий, не могущих содержать

своими средствами духовно-учебные заведения?» — спрашивал он митрополита Филарета, желая получить от него совет. Со своей стороны святитель Филарет постоянно ин-структировал Горского, и через него оказывал воздействие на других членов Комитета, не открывая собственного прямого участия²⁰.

Были и другие сомнения. В частности, духовные боялись, что с уравнием прав с гимназистами выпускники уйдут после второго отделения из Церкви, и все труды пропадут втуне. В своем письме от 26 июля 1860 года митрополит Филарет дал указание Горскому противиться разделению учебного курса на общую гимназию и закрытую семинарию: «Врачебное искусство может отнять нечто от тела или способствовать приращению недостающего: но если пересечешь тело, сохранишь ли жизнь? И училище можно врачевать отъятием несродного, приращением недостающего: а рассечением на общую гимназию и закрытую семинарию, убив прежнюю жизнь, легко ли дать новую? Мне видится только неудобоисполнимость и вред сего плана: пользы не видится»²¹. В таком направлении и старался действовать Горский в Комитете.

С августа 1860 года, уже фактически определившись по основным позициям, Комитет рассматривал «Свод мнений». Он принял решения об усилении нравственного надзора через устройство общежитий и о разработке специального положения о нем; о немедленном исключении учащихся плохого поведения; об устройстве в каждой семинарии домово́й церкви; о назначении духовника; о строгом соблюдении воспитанниками постов и обязательном участии в богослужениях, оговорив, что все они каждую среду и пятницу должны быть на литургии, а при ежедневном богослужении должны присутствовать 10 человек из всей семинарии. Комитет высказался против фактической ликвидации духовной школы путем ее слияния со светской, а также против изучения естественной истории, медицины, сельского хозяйства.

Пересмотру подвергся перечень собственно богословских дисциплин. Комитет подробно обсудил многочисленные и часто расходившиеся мнения и после горячих споров большинством голосов принял тот вариант решения,

который оставлял патрологию и литургику самостоятельными дисциплинами, отменял изучение «Православного исповедания» Петра Могилы (как повторяющее «Пространный катехизис») и соединил гомилетику с пастырским богословием. Но и здесь разногласия устранить не удалось, и Т. И. Филиппов подал особое мнение в пользу соединения гомилетики с общей словесностью, указывал, не без оснований, что такая связь поможет соединить теорию с практикой²².

Но все эти последние споры происходили уже в отсутствие Горского, который до конца работы Комитета, заседания которого продолжались до 1 февраля 1861 года, не оставался в Петербурге. В сентябре, перед началом учебного года в Академии, он возвратился в Сергиев Посад и работал над этим вопросом у себя дома²³.

Горский не окончил еще комитетского дела, как «доброжелатели» чуть не устроили ему новую поездку в края не столь близкие, как Петербург. В начале 60-х годов XIX века болгарские епархии решили отделиться от Константинопольского Патриархата и образовать самостоятельную, автокефальную Церковь, чтобы восстановить утраченную в XVIII веке церковную независимость. Вселенский патриарх и его Синод были против такого отделения болгар. Начались пререкания и споры между обеими сторонами, вмешались сюда и политические противоречия. Поднялась смута — так называемая греко-болгарская церковная распря, которая вызвала большой отклик в русской общественной жизни²⁴. Неудивительно поэтому, что нашлись люди — граф Дмитрий Николаевич и графиня Антонина Дмитриевна Блудовы, которым очень хотелось отправить на Восток для содействия умиротворению противных сторон непременно Горского. Свое желание они высказывали обер-прокурору Синода и митрополиту Московскому Филарету и при этом предлагали, что в случае, если нельзя будет дать официального поручения Александру Васильевичу, отправить его под видом путешественника на Афон и в Константинополь, чтобы он там своим влиянием, советом и познаниями содействовал миру Церквей. Сам же Горский еще раньше, когда в разговоре с митрополитом Филаретом

зашла речь о командировании на Восток кого-либо из духовных лиц для содействия примирению греков с болгарями, успел убедить святителя Филарета в том, что «бессильный агент, ограниченный передачею петербургских идей, ничего не будет значить»²⁵. Невольно вышло, что Горский говорил себе же во благо, да и обер-прокурор не сочувствовал инициативе Блудовых, и посольство Александра Васильевича на Восток не состоялось, а вскоре полученное им ректорство в Московской Духовной Академии и вовсе оградило его от подобных «посольств» в будущем.

3. Самый прочный для Академии начальник

В декабре 1860 года ректор Московской Духовной Академии архимандрит Сергей (Ляпидевский) был переведен на епископскую кафедру в Курск. Тогда-то в первый раз зашла речь о назначении протоиерея Александра Васильевича Горского ректором Академии, но митрополит Филарет не поддержал эту идею. Вот, что писал он обер-прокурору Синода А. П. Толстому 7 января 1861 года: «Ректора Академии еще нет. Видно, есть в сем деле сомнение.

Слышу, что некоторые желают, чтобы ректором Академии был прот. Горский. Желая сего и я; и для сего предлагал ему вступить в монашество, но он остался твердым в своем давно принятом расположении. Если угодно, чтоб он был ректором и у него будет в подчинении архимандрит инспектор, то это будет вступление, хотя еще мало приметное, но уже примерное для будущего, вступление на путь желаемого некоторыми церковного переворота, вопреки древнему постоянному правилу, поставить белое духовенство выше монашествующего. Да не поколеблются опоры дома Божия»²⁶. Как видно, осторожный святитель Филарет боялся переворота в церковном сознании и отклонил кандидатуру Горского. Тогда свой выбор митрополит остановил на ректоре Московской духовной семинарии архимандрите Савве (Тихомирове). Он его рекомендовал как человека с твердым характером, способного взять в Академии бразды правления²⁷. Так архимандрит Савва стал ректором Академии, но пробыл на новой должности около полутора лет: в сентябре 1862 года он был назначен викарием Московского митрополита, впоследствии — архиепископом Тверским.

Место ректора снова освободилось. Теперь митрополит Филарет уже прямо стоял за Горского. Видно в этомладыку убедил его духовник — наместник Сергиевой лавры архимандрит Антоний (Медведев). Наместник спрашивал святителя: «Почему Вы не хотите назначить Горского?» — «Он белый священник, не монах», — отвечал святитель.

«Какой он белый? Он серый и теперь, может быть, склонится быть черным; а Вам покойнее избрать постоянного ректора, чем заботиться вновь о замещении этого важного места»²⁸. После этого разговора митрополит окончательно склонился назначить ректором Горского. Еще до назначения архимандрита Саввы епископом, святитель Филарет писал обер-прокурору Синода А. П. Ахматову: «Если бы избрание Саввы утвердилось, то ректором Академии мог бы назначен быть профессор прот. А. Горский, достойный сего по учености, долговременной службе и нравственному достоинству. Не будучи монахом, он так же, как монах, всего себя посвящает духовной учености и исполнению академических обязанностей, не развлекаясь ничем посторонним»²⁹.

Когда архимандрит Савва, уже назначенный епископом Можайским, явился к митрополиту Филарету и узнал о своем повышении, владыка спросил его: «А кого же ты рекомендуешь на свое место?» Отец Савва назвал ректоров Московской и Вифанской семинарии и инспектора Академии. «А почему же не рекомендуешь протоиерея Горского?» — «Владыка! Да разве это возможно?» — с изумлением спросил архимандрит Савва. «Почему же нет?» — «В таком случае, это будет самый лучший выбор. Отец протоиерей Горский и достойнейший и самый прочный для Академии будет начальником. Но почему же Вы не изволили назначить его вместо меня после архимандрита Сергия?» — «Тогда было не время», — ответил митрополит Филарет. А то неудобство, что ректор-протоиерей в служении должен был становиться выше инспектора-архимандрита, было устранено пожалованием отцу Александру митры; эту мысль митрополиту подал архимандрит Савва³⁰.

Слово митрополита имело значение в Синоде, и Горский 23 октября 1862 года был назначен ректором Московской Духовной Академии. Извещая об этом протоиерея Александра, святитель Московский писал ему: «Примите должность ректора с послушанием. Полагаю, что Вам надобно будет принять и кафедру богословских наук. Сообразите и прочие последствия происходящей перемены и скажите мне Ваши мысли. Надеюсь, что Вы поступите по уставу святого

послушания, и Господь благословит Ваше послушание плодами добра и мира»³¹.

Как же сам Горский воспринял свое назначение ректором? С покорностью и необычайным смирением, но и с определенной долей решимости. Об этом свидетельствует его дневник: «Избрали меня, не испытанного в правительственных должностях. В бурное время. Не в общем порядке. Очи всех особенно будут устремлены на меня. Какой класс взять? Как себя держать в отношении к старшим в Академии и в лавре? Не знаю, как другие, а я в этом назначении вижу только ту цель начальства, чтобы показать, что оно за формальностью не стоит»³².

Таким образом, протоиерей Горский стал первым в истории русской духовной школы ректором Академии из белого духовенства. Назначение ректором протоиерея Александра Горского было воспринято в Академии и за ее стенами не без удивления, но с большим сочувствием. На личность отца Александра все возлагали большие надежды: думали, что он в Академии поднимет авторитет ректорской должности, поддержит кафедру богословия, будет добрым начальником для студентов, станет и на страже православия, дав обществу и Церкви новых поборников христианства.

Обязанности Горского с возложением на него ректорства значительно осложнились. Чтобы облегчить свое положение и сосредоточить все силы и внимание на новом служении, он оставил должность академического библиотекаря, которую занимал в течение 20 лет. Также Горский был вынужден отказаться от прямого участия в продолжавшемся описании синодальных рукописей, и был освобожден от этого официальным порядком.

Между последними двумя событиями, назначением в ректоры и увольнением от описания рукописей, в жизни Горского произошло еще одно: митрополит Филарет сделал последнюю попытку склонить его к принятию монашества. В середине января 1863 года святитель поручил наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию (Медведеву) переговорить с Горским о принятии им настоятельства в Московском Богоявленском монастыре со вступлением в монашество, сохранением должности ректора Академии

и обещанием скорого возведения в сан епископа. От такого предложения Горский пришел в смущение, и вот какие мысли он оставил в специальной записке, написанной по этому поводу: «Нужно ли изменение звания для настоящего моего служения? Кажется, нет. Или хотят перевести на другое поприще действования? Но разве Академия мало открывает дела усердию? Разве бесполезно для Церкви служение воспитателя высшего духовного училища? Разве Церковь не должна иметь в Академии для себя опору, пользуясь добросовестными трудами ученой опытности ее членов? Конечно, я не могу тем похвалиться, чтоб обещать доброго делателя на этом поприще служения. Но может быть что-нибудь и даст Бог совершить, когда поглубже войду в настоящее мое положение, поближе познакомлюсь с областью моей новой науки. Разве изменят мне силы? Чувствую уже, что за такие труды надлежало бы приниматься гораздо ранее моих настоящих лет»³³.

Но на этом испытания отца Александра не закончились. 7 февраля 1862 года в Москве за Божественной литургией протоиерей Горский сослужил митрополиту Филарету. Здесь он вновь услышал повторение того желания святителя относительно монашества, которое ему было высказано через архимандрита Антония в лавре. Желая знать на то волю Божию, отец Александр тут же помолился и раскрыл книгу Нового Завета. Ему открылось Евангелие от Марка: *Кто хочет быть первым, будь из всех последним и всем слугою. И взяв дитя, поставил его посреди них и, обняв его, сказал им: кто примет одно из таких детей во имя Мое, тот принимает Меня; а кто Меня примет, тот не Меня принимает, но Пославшего Меня* (Мк. 9: 35—37). В этих словах Священного Писания Горский усмотрел о себе определение воли Божьей: «Не желать высшего положения в обществе, но быть последним из всех и слугой всех»³⁴. Так окончательно был решен вопрос относительно принятия монашеского пострига и дальнейшего возвышения отца Александра.

В своем назначении на должность ректора Горский видел, помимо прочего, явление принципиально важное для духовно-учебного ведомства: «Избраением ректора из белого духовенства сделан некоторый отвод для ослабления

упреков в преобладании монашества над всем. Нужно ли уничтожать, что едва только положили? Не возбудит ли это новых жалоб? Избранием ректора из белого духовенства как бы открыт путь и на другие правительственные должности по духовно-училищному ведомству из белого духовенства. Нужно ли сейчас закрывать этот путь? Для чего не воспользоваться при нынешней скудости в монашестве добрыми элементами из другой области жизни, где давно оставались они без употребления для такого рода деятельности. Вводя в круг высшей администрации духовно-учебных заведений лицо белого духовенства, не возбудит ли начальство в самом монашестве ученом дух соревнования и тем не возвысит ли его?»³⁵ В своем дневнике Горский написал более критично: «В моем примере Академия иерархически деградируется»³⁶.

4. «Папаша»

а первых порах отношения нового ректора со студентами складывались сложно. Желание сблизиться с учащимися «в духе и направлении», как говорил им Горский при вступлении в должность, сначала не исполнялось. Во-первых, много было нестроений в организационно-финансовой жизни Академии: комиссар воровал, отец эконом плохо следил за питанием учащихся, чистота и опрятность мало были знакомы академической кухне и столовой, дежурные студенты не отличались добросовестностью, даже студенческая больница была не убрана, грязна. Предметом бурных неудовольствий студентов были такие, на первый взгляд, мелочи, как несвежие творожки, припахивающая рыба, жесткая говядина³⁷. Во всем этом пришлось разбираться Горскому, но в организационно-финансовых вопросах он не чувствовал себя таким сильным и грамотным, как в исторической науке.

Не успел ректор исправить эти хозяйственные нестроения, как возникла новая проблема из-за литературного вечера, устроенного студентами без благословения отца Александра. Ректор вовсе не был против разного рода развлечений: по свидетельству современников, он «не воспрещал и национальные песнопения, впрочем, с надлежащим выбором; в его ректорство впервые в академических стенах послышались звуки рояли»³⁸, но при этом он всегда «старался объяснить, что такого рода удовольствия не могут быть дозволяемы духовным юношам часто»³⁹. Горскому решительно не нравилось направление так называемых «литературных вечеров» — комический жанр выступлений с неистовым зубоскальством. Не хотелось ректору, чтобы благодаря таким вечерам Духовная Академия превращалась в театр сатиры с галеркой. Горского возмущали статьи, читавшиеся на таких вечерах, где выставлялось наружу только все самое пошрое, низкое, где не встречалось ни одной одушевляющей мысли и чувства. Ректор желал придать ли-

тературным развлечениям серьезный характер, считая их средством воспитания будущих проповедников.

Между тем среди студентов поднялся ропот, жаловались на стеснения со стороны начальства. В попытках установить доверие и вызвать на откровенность воспитанники усматривали заднюю мысль, почву для стукачества и доносов. Следствием таких настроений стала еще одна неприятная история с сочинением, которое студенты отказались сдавать инспектору архимандриту Михаилу (Лузину)⁴⁰. Ни уговоры ректора, ни угрозы, ни наивное желание заинтересовать вопросом темы (об изменении взглядов на Библию в продолжение всех веков христианства) не привели ни к чему. Видно было, что начальственное влияние протоиерея Александра Горского на Академию устанавливалось с трудом.

Но достаточно быстро ситуация изменилась. Горский, обладая неоспоримым ученым и нравственным авторитетом, достаточным для благоустройства Академии, имел сильное влияние на молодые умы. Ученость Горского признавалась всеми без сомнения, и академический обычай так называемого «хождения к ректору» по каждому научному вопросу свидетельствует о том, что протоиерей Александр стоял в этом отношении выше остальных в академическом кругу. Но этот необычный ректор не лишен был и других необходимых достоинств. Он любил студентов, а так как «любовь и искренность должно быть едино», по его выражению, то Горский со своими питомцами был искренен⁴¹. Когда он называл их «детками», то выражал свои неподдельные, искренние чувства. Горский не разделял крутых мер и был слишком добр, чтобы наказывать⁴². Как опытный воспитатель, отец Александр обращался к лучшим сторонам человеческой природы, веря только в них, стараясь развить в подчиненной ему молодежи любовь к науке, любовь к школе, откровенность и доверие к себе. Видно, здесь было оптимизма несколько больше, чем нужно, но несомненно, что педагогика Горского практически всегда оправдывала себя. Ведь для него каждый студент был, прежде всего, будущий служитель Церкви. Вообще Горского отличало ровное, внимательное отношение ко всем учащимся, духовно-нравственное воздействие на них как главное воспитательное средство⁴³.

Была велика взаимная любовь академического студенчества и ректора. «Детки» называли Горского своим «папашей». Вот как отзывается по этому поводу В. Соколов: «В наше время в среде студентов не было ему и другого имени, как „папаша“. Никто из нас не говорил: „пойду к ректору“ или „меня зовет ректор“, а непременно: „пойду к папаше“ или „меня зовет папаша“. И шел к нему каждый из нас со своими нуждами и горестями, как к родному отцу». По меткому выражению другого ученика Горского «студенты из хохлов называли его сивий». На одной из фотографий учащихся Академии во главе с ректором написаны известные слова пророка Исаии: *Се аз и дети, яже ми даде Бог* (Ис. 8:18)⁴⁴. И действительно, при Горском в Академии господствовал «благодетельный дух семейной человечности... представителей высшей истинно христианской учености». Академия была «сферой деятельно-христианской семьи». Недаром один воспитанник петербургской гимназии, попавший в то время в Московскую Духовную Академию, был поражен и умилен этой простотой, семейностью в отношениях, которые передавались от ректора к остальным, что свидетельствует о важном воспитательном влиянии такой атмосферы на студенчество. И тогда наставничество неизменно перерастало в духовничество. «Видя и слыша меня с отцом Александром, — вспоминает один из учеников Горского, — можно было принять нас за сообщество мудрого и высокоблагодатного древнего отца Христовой Церкви с дерзновенным, если уже не язычником, то, по крайней мере, язычески образованным неофитом»⁴⁵.

Горский вникал во все проблемы академической жизни, находил время посещать больных студентов, о которых очень заботился. Ректор лично являлся в больницу, садился у постели больного, развлекал его разговорами, сам поправлял подушку, исполнял капризы, присылал для развлечения книги или лакомства. Смерть студента для Горского была горем отца. «Среди надгробных речей ректора, полных высокого истинно христианского лиризма, слышались рыдания по безвременно утраченном сыне»⁴⁶.

Активно Горский ратовал за создание особой усыпальницы для академической семьи. В июне 1870 года он писал

митрополиту Московскому Иннокентию: «Нижайше прошу Архипастырского разрешения в... части сада академического, примыкающей к Смоленскому кладбищу, образовать небольшое кладбище собственно для служащих и учащихся», на что митрополит ответил краткой резолюцией «С Богом»⁴⁷. И уже в следующем 1871 году академическое кладбище на территории сада Академии было устроено⁴⁸. С тех пор отходившие в иной мир наставники не расставались с родной alma mater и после смерти.

Протоиерей Горский не терпел лжи, не переносил циничной откровенности о грехах без сожаления о них или с похвальбой. Особенно он огорчался проявлениями холодности к религии. Возмущенный неисполнением религиозных обязанностей, он упрекал, гневался. Но любовь давала себя знать: «Голос, готовый сделаться грозным, являлся упрашивающим, жалобным... Упреки сменялись мольбами»⁴⁹. Случалось, что огорченный или взволнованный он плакал на глазах у всех. Но над этими слезами не смеялись. Напротив, и студенты, и профессура берегли своего ректора от огорчений, и далеко не все доходило до него, что могло бы его расстроить. Академия в то время не могла похвалиться строгостью внешней дисциплины и приходилось нередко скрывать от ректора то, что ему следовало знать. Протоиерей Горский стоял над Академией выше многих ее дрызг и нестроений. Она могла гордиться редкими в учебных заведениях высокими человеческими связями учеников и начальника. Горский по-настоящему был «душою, главою, объединяющею крепкою нравственною силою ученого академического кружка»⁵⁰. Влияние отца Александра простиралось на воспитанников и после завершения их обучения. Один студент, не чуждый порока пьянства, окончив курс, покупая фотографию Горского, говорил товарищам, что приобретает ее больше, чем на память себе — «на разум и волю»⁵¹.

Горский обладал редкими, почти исключительными качествами характера: власть не только не испортила его, но напротив, сделала выше и чище. «Раньше он непрочь был подсмеяться за глаза и в глаза — это была потребность его живой критической мысли — сказать острое словечко о

тех, кто его возмущал или смешил». Став ректором, Горский никогда не позволял себе подобных вещей. Более того, он сделался сдержаннее и деликатнее. И никогда никто из профессоров не слышал от него выговоров и замечаний. Всегда протоиерей Горский говорил о своем неудовольствии осторожно, через других лиц или же вовсе молчал. Но это не означает, что Горский не имел влияния на подчиненных или был слабым руководителем. У него не было врагов, напротив, было немало преданных людей. Но все, и приближенные, и не очень признавали авторитет Горского, который имел твердое основание в бесспорном духовном превосходстве отца Александра. В профессорских семьях Горский был желанным, хотя и очень редким гостем. Здесь он был другом и любимцем детей, которых он очень любил и ласкал. Очевидцы рассказывали, что еще до посвящения в священный сан, этот серьезный человек, играл иногда с детьми «в дурачки»⁵².

Единство и согласие в профессорском кругу — вот чего больше всего хотелось Горскому. Также и отношение к студентам покоилось у ректора на возвышенном взгляде на Академию, в которой он видел духовно-учебное братство, опору Церкви, источник богословского ведения для православного общества.

Став ректором, Горский вынужден был оставить преподавание любимой им церковной истории. По правилам того времени, ректор по должности обязан был преподавать в Академии догматическое богословие. Со свойственной Горскому энергией он принялся разрабатывать новый для себя предмет. И, как метко отметил В. О. Ключевский, «Горский, перешедши к догматике после многолетнего чтения церковно-исторического курса, построенного им на строго богословском основании, положил в основу своего догматического курса историю догмата, развивая, только с большими научными средствами, приемы, испытанные одним из его предшественников, Филаретом Гумилевским»⁵³.

У Горского развитие церковно-исторического знания отразилось на разработке догматического богословия при помощи исторического метода. По его словам, метод «православного богословия состоит в том, чтобы утверждать свои

истины на Слове Божиим и подкреплять свое разумение Слова Божия свидетельством Церкви или Предания в обширнейшем значении. Это уважение к голосу Церкви или Преданию есть вместе уважение к истории Церкви, которая бывает не просто бесстрастной повествовательницей о фактах минувшего, но живой апологией христианской истины с ее доктринальными верованиями и конкретными обнаружениями». По Горскому, христианское учение «имеет свою жизнь, свои направления, движения, борьбу, успехи. Догмат как мысль Божественная, навсегда изреченная человечеству в откровении, всегда полон сам в себе, тождественен, единичен. Но как мысль... он принимает различные виды: его сфера то расширяется, то она делается светлее, то затмевается; прилагаясь к различным отношениям человека, необходимо становится многосложнее; соприкасаясь с той или иной областью познания, он их объясняет и сам ими объясняется»⁵⁴.

Здесь приходится иметь дело «с развитием догматики, а не догматов», потому что, как сказано выше, догмат сам по себе «всегда полон, тождественен, единичен». С точки зрения развития догматики имеет научный смысл и вопрос о «влиянии индивидуальных качеств учителей Церкви на учение Церкви». Следовательно, богословие ставится А. В. Горским в тесную связь также с патрологией, поскольку «биографические сведения об учителях Церкви и рассмотрение их сочинений... должны служить к раскрытию направления успехов развития догматики»⁵⁵.

Сам историзм в богословии появляется только тогда, когда данные источников воспринимаются не только как догматический довод, но и как историческое свидетельство, во всем их временном своеобразии и на живом историческом фоне, то есть историзм в богословии связан с понятием развития. И вот в своих лекциях по догматике Горский отмечает этот факт развития. «Как же смотреть на христианскую догматику? Ужели она всегда была одна и та же по количеству объясненных истин? [...] Новые открытия ума человеческого в области истины, постепенно возрастающая опытность его, прибавляют ему [догмату. — А. М.] ясность. В чем прежде можно было еще сомневаться, то теперь было уже

несомненным, делом решенным. Таким образом, каждый догмат имеет свою сферу, которая с течением времени возрастает, теснее и теснее соприкасается с прочими частями догматики христианской и с другими началами, лежащими в уме человеческом; все срастается, воплощается в одно тело, оживляется духом; вся область ума от того просветляется; все науки, чем более которая прикосновенна к догматике, от того выигрывают в точности, положительности; с течением времени все более и более становится возможною полная строгая система знания. Вот ход развития догмата, вот жизнь его! Это звезда небесная»⁵⁶. Здесь снова отразилась вся полнота и глубина научного гения Горского, который самым невероятным образом «на церковно-исторической кафедре оставался богословом, как потом на кафедре богословия не переставал быть церковным историком»⁵⁷.

Во время ректорства протоиерея Горского в 1864 году был широко отмечен пятидесятилетний юбилей реформированной Академии, той самой Академии, которой Горский отдал всю свою жизнь без остатка. Обозревая сделанное за этот немалый полувековой срок в отчете по Московской епархии за 1863 год, митрополит Филарет с удовлетворением констатировал значительное влияние Академии на духовенство Москвы: «Духовенство столицы, составляемое частью из получивших академическое образование... в значительной степени преимуществует пред прочим духовенством епархии как просвещением, так и нравственным характером... и сопровождается соответственным тому влиянием на прихожан»⁵⁸.

В другом документе, ходатайствуя о поддержке и награждении Академии в связи с ее юбилеем и характеризуя ее достижения, митрополит Филарет говорит о ее высоком достоинстве, а также о преданности профессоров родной Академии. «Я поступил бы несправедливо, — указывает он, — если бы просил Московской Академии менее, нежели в подобном случае даровано Петербургской. Скажу скромно, если скажу, что достоинство Московской Академии никак не ниже в ученном и нравственном отношении в православном направлении... Почтенная черта наставничества Академии, между прочим, есть та, что они, при скудном содержа-

нии, не переходят в другую выгоднейшую службу, даже по приглашению»⁵⁹.

В ряде адресов, полученных Академией, в приветственных выступлениях гостей и речах хозяев выявился итог деятельности и влияния Академии за целое пятидесятилетие. Профессор С. Смирнов дал характеристику учебной и научно-богословской работе, состоявшей, в первую очередь, из переводов Священного Писания и особенно творений отцов Церкви, а также публикаций и книг профессоров по различным вопросам. Главное достояние Академии — твердый дух православия, который она свято хранит. За полстолетия своего существования Академия дала Русской Церкви 26 иерархов, всего окончило Академию за это время 1164 студента⁶⁰.

Ректор Московского университета, воспитанник Академии С. И. Баршев охарактеризовал громадное влияние Академии следующими словами: «Бог видимо благословил ее труд. Повсюду действуют воспитанники Московской Духовной Академии в том самом духе и направлении, которые привиты были им их незабвенными наставниками, и многие из них уже приобрели и почетную известность своими важными заслугами Церкви и науке: одни в сане иерархов, другие в качестве начальников и наставников в учебных заведениях, третьи в звании пастырей». Университет радуется ее успеху, ибо «надобно настойчиво возвещать и распространять истину»⁶¹.

В приветствии Киевской Духовной Академии подчеркивалась давность и постоянство двух старейших духовных школ, как родных сестер. «Духовная наука — одна из главных нитей, поддерживающих связь между Киевом и Москвой, которая... продлится до тех пор, пока будет существовать русский народ»⁶².

Навсегда с именем Горского связана и история по устройству отдельного храма для Академии. Несомненно, этот факт весьма знаменателен. Ведь более половины первого столетия своего существования Московская Духовная Академия не имела своего собственного храма. Академическая семья собиралась на молитву или в академическом зале, где совершались всенощные, или в лаврских храмах, преиму-

щественно в Трапезной церкви. Посещение богослужения было поэтому связано с большими неудобствами и сильно от этого страдало: постоянно менялось и место, и время богослужения и, естественно, что и само богослужение бывало иногда «не совсем стройно»⁶³. А. В. Горский, осознавая неестественность положения для высшей духовной школы в отсутствии своего храма, решил исправить ситуацию. Как видно из этого, ученость Горского не вела к уменьшению его благочестия. Современник свидетельствует, что он был «великий охотник до церковных служб»⁶⁴. При этом отец ректор советовал студентам Академии внимательно изучать православное богослужение, потому что оно представляет «цвет и плод древа жизни Церкви Христовой»⁶⁵. И когда он хлопотал и добился устройства храма в стенах Академии, то кроме чисто практических удобств им руководило желание и уверенность, что академической семье «даровано будет утешение не только прилежати в дому Божиим, но и жить под кровом его, дабы более и более самим и нашим юношам проникаться и исполняться духа церковного»⁶⁶.

Эта тяга и любовь к богослужениям утвердилась в Горском еще с юности, и всегда центром его духовной жизни оставалась святая Евхаристия: «Блаженные минуты св. вечереяния, о, если бы вы были веками, вечностью душе моей! Для вас можно оставить, забыть все. Я над собою замечаю, и замечаю очень явственно, что мгновение приятия Св. Даров внутри себя имеет великую силу над душою! Как-то все становится мирнее, теплее, мягче! Душа — любвеобильнее, радостнее! Страх и чувство недостойности, прежде владевшие ею, сливаются в одни благодарения и славословия. О, Господи! Продли в сердце моем сии святые ощущения»⁶⁷. Неудивительно поэтому, что сам протоиерей Горский являлся живым примером для духовного юношества, он не пропускал ни одного воскресного дня, ни одного праздника, чтобы не совершить священнослужения; иногда сам выходил на клирос и читал за всенощным бдением шестопсалмие; говорил вдохновенные проповеди и речи, которые были образцовыми произведениями ораторского искусства и производили необыкновенное впечатление на слушателей⁶⁸.

Храм был устроен на средства благодетеля Академии, потомственного почетного гражданина Алексея Васильевича Толоковникова, в академическом зале, где происходили незадолго до того отмененные публичные испытания, и освящен 12 февраля 1870 года в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Чин освящения совершил преосвященный Игнатий (Рождественский), епископ Можайский. В конце литургии ректор Академии протоиерей Александр Горский произнес торжественную, праздничную речь в честь освящения академического храма с характерным названием: «Дому Твоему подобает святыня, Господи, в долготу дней» (Пс. 92: 5)⁶⁹. С того момента академическая семья получила возможность молиться в собственном храме.

И всегда эти богослужения, возглавляемые ректором Академии протоиереем Александром Горским, были исполнены подлинной христианской радости и любви. Вот как об этом говорит один из студентов: «На Пасхе после литургии все наличные студенты ходили христосоваться с папашею. Около него на столике стояла большая корзина с крашеными яйцами: каждому собственноручно давал по два яйца... Это делалось с какой-то умильной радостью, как бы внутренним сиянием.

Такой же образ папаши остался у меня от его служения литургии... к чувству наивно-детского благочестия, веявшего от папаши во всю обедню, тут присоединялось еще умильно-радостное как бы сияние, особенно в его глазах. Благодаря папаше я полюбил самое чинопоследование литургии, и доселе всегда и невольно представляю его образ...

И это — не личное мое впечатление: слух о благоговейном служении А. В-ча имел широкое распространение, многие нарочно приезжали послушать его служение и посмотреть его благообразный пресвитерский лик. Да, это был истинно Святой Отец!»⁷⁰

Первоначальный академический храм был очень невелик, с алтарем обращенным на юг, что несогласно с 91-м правилом святителя Василия Великого, по которому «все зрим к востоку во время молитв» и «чрез сие ищем древнего отечества рая, который насадил Бог в Едеме на востоке»⁷¹. Уже после Горского, когда в Академии начали появляться

ректора в сане епископа и академическое богослужение стало торжественнее, возникла нужда в расширении храма. И в 1893 году, во время ректорства архимандрита Антония (Храповицкого) (впоследствии митрополит Киевский и Галицкий), храм более чем вдвое увеличили, причем алтарь был обращен уже на восток.

При протоиерее Александре Горском в 1869 году вошел в действие новый Устав Духовных Академий. Это так называемый Макариевский Устав, именуемый в честь его инициатора и главного редактора архиепископа Макария (Булгакова) (впоследствии митрополита Московского). Новый Устав был выработан после тщательной подготовки, изучения опыта преподавания богословия в высших учебных заведениях Европы. По этому Уставу перед Академией ставилась двойная задача. «Это должна была быть не только богословская высшая школа, но и еще своего рода педагогический институт духовного ведомства»⁷². Устав учредил высшим органом Академий Совет Академии во главе с ректором. Важнейшие дела Академия решала на общих собраниях, в том числе и новых преподавателей избирала вся корпорация. По новому Уставу были расширены возможности для поступления в Академии: принимались не только семинаристы, как было в соответствии с прежним Уставом, но также устанавливался допуск гимназистов и вольнослушателей. Было разрешено публиковать лекции и учреждать ученые общества. Академии приобрели право собственной цензуры. Большое значение имело введение обязательной докторской степени для ректора и профессоров⁷³. Все это способствовало оживлению научной деятельности и дало мощный импульс к дальнейшему развитию отечественной богословской мысли.

Устав 1869 года в высшей степени благоприятно отозвался на положении церковно-исторической науки, значение которой значительно возросло. Все науки академического курса, по этому Уставу, распределены были на три отделения; в их числе появилось и церковно-историческое отделение. Студенты, записавшиеся на него, в течение четырех лет стали заниматься почти исключительно историческими науками. И вскоре это отделение сделалось самым популярным и переполнилось слушателями.

Как видно, Устав 1869 года в целом отвечал требованиям своего времени, он помог протоиерею Горскому целесобразно направить научную жизнь в Академии. В этом-то и выразилось искусство создателей академического быта: «гармоническое сочетание формы и идеи, плоти и духа, закона и благодатной любви»⁷⁴.

Большое значение имело и то, что данным Уставом было введено правило, чтобы степень магистра богословия давалась только за печатное сочинение, публично защищенное по принятому тогда порядку. Таким образом, в Духовных Академиях для приобретения ученых степеней были введены совершенно такие же требования, какие существовали и в русских университетах. Это сильно продвинуло вперед церковно-историческую науку. Появилось значительное число как магистерских, так и докторских диссертаций по вопросам церковной истории. И уже вскоре после введения Устава, в декабре 1871 года в Московской Духовной Академии состоялся первый докторский диспут. По отношению к другим Академиям он был четвертым. Соискателем докторской степени явился архимандрит Михаил (Лузин), впоследствии преемник Горского по ректорству, защитивший диссертацию на тему «О Евангелиях и евангельской истории по поводу книги „Жизнь Иисуса“ Э. Ренана». Успешная защита первого доктора Академии состоялась в торжественной обстановке, в присутствии святителя Иннокентия, митрополита Московского и других епископов. Ректор Академии протоиерей Александр Горский характеризовал архимандрита Михаила как профессора, «основательно знакомого с толкованиями древних отцов и учителей Церкви, равно как и новейшими»⁷⁵. Научному миру архимандрит Михаил известен как талантливый ученый, исследователь библейского текста, оставивший после себя не только целый ряд весьма ценных работ по библейской истории, но и большое число талантливых учеников⁷⁶.

Вообще, с введением Устава 1869 года необходимость печатать диссертации привела к тому, что они стали известны широкой публике и, по словам А. П. Лебедева, «церковно-историческая наука вышла из стен учебных заведений и стала явлением общественного значения»⁷⁷. Расширению

круга лиц, занимавшихся церковной историей, способствовал также Университетский Устав 1863 года, по которому на историко-филологическом отделении университета открылась кафедра церковной истории.

В духовных журналах, число которых в то время значительно увеличилось⁷⁸, стало появляться много церковно-исторических статей, иногда очень ценных. В связи с их активной востребованностью читателями, им стали отводить все более значительное место по сравнению с другими отраслями богословских наук.

Следует обратить внимание и на сам характер той церковно-исторической монографической литературы, которая появилась под влиянием академического Устава 1869 года, и на характер тех церковно-исторических статей, которыми с этого же времени стали наполняться наши духовные журналы. Появились разнообразные направления в разработке тех или иных научных вопросов. Стало возможным по самому автору, независимо от предмета, о котором он пишет, угадывать, с каких сторон он станет освещать рассматриваемый вопрос и куда склонятся его симпатии и антипатии, что во многом и принято называть в науке направлением. Но что еще важнее, в разработке церковно-исторической науки появился также здравый рационализм, столь редко встречающийся в богословских науках даже в наши дни, — не тот, что служит выражением недоверия к церковному преданию, а тот, который опирается на изучение исторических источников и учитывает многообразие фактов. Такой подход известный писатель того времени преосвященный Порфирий (Успенский) назвал «здравым, а не чахотным» скепсисом, он призван расшифровать церковно-исторические легенды и отыскать зерно истины.

Этими новыми веяниями в русской богословской науке очень умело и профессионально воспользовался протоиерей Горский. Именно благодаря его начальственному и научному влиянию и воздействию, ближайшие преемники ученого по академическому служению развернули церковно-историческое знание столь широко, «что, не имея для себя обуславливающих фактических предварений, оно могло корениться лишь в глубоких тайниках творческого духа этой

редкой личности, как и вообще все великое в мире рождается с неприметной таинственностью (Лк. 17: 20) — не из конкретных внешних фактов, а из индивидуальных факторов: *humanum paucis vivit genus**. Уже первый сменивший о. А. В. Горского на академической кафедре — архимандрит Иоанн (Митропольский) не убоился взять обработку истории Вселенских соборов и в повествовательном отношении изобразил три первые из них с достаточной научностью, почему продолжатель этого дела, проф. Ал. П. Лебедев, не нашел нужным снова испытывать настоящую сторону»⁷⁹.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что протоиерей Александр Горский, которому в кратчайшие сроки пришлось переустроить Академию по новому Уставу, выполнил эту нелегкую задачу со свойственной ему добросовестностью. Недаром преосвященный Макарий (Булгаков), ревизовавший преобразованную Академию в 1875 году, нашел ее в полном порядке и дал такой отзыв о ее ректоре: «Достоюважаемый отец протоиерей, всю жизнь свою посвятивший на служение науке, давно уже засвидетельствовал перед ученым миром свою основательную и многочисленную богословскую ученость, особенно церковно-историческую, своими замечательными сочинениями и при своем зрелом уме, многолетней опытности и глубоко религиозном и строго нравственном направлении служит надежным руководителем не только для воспитанников, но и для самих наставников Академии»⁸⁰.

Как видно, либеральная эпоха 60-х годов XIX века активно затронула и жизнь духовной школы, для успешного развития которой это новое время требовало строго научной методологии. Критическое направление пробивало себе путь и в истории Церкви. Знаменем этой эпохи был, несомненно, ректор Московской Духовной Академии протоиерей Александр Горский, который стремился создать вокруг себя сильный коллектив тружеников науки. Именно благодаря Горскому Академия приобрела для себя известного всему миру великого русского историка Василия Осиповича Ключевского. В непростой момент для своей ученой

* Гуманное (просвещенное) жило в немногих по происхождению.

карьеры молодой историк Ключевский получил неоценимую поддержку от ректора Горского, который содействовал его назначению в число наставников Академии. Поступив на службу в Академию в июле 1871 года, Ключевский был принят там как «свой». И уже 16 марта 1872 года он был избран доцентом Московской Духовной Академии по классу русской гражданской истории и утвержден в этой должности митрополитом Московским Иннокентием⁸¹. В Академии Ключевский проработал более 30 лет, в своей деятельности объединяя старейшие в России светскую и духовную школы.

Справедливо об этом уникальном явлении сказал профессор Н. Глубоковский: «Без зависти и соперничества Академия в своей области хотела идти вровень с дорогим для всех Московским Университетом и всегда чувствовала с ним живую духовную связь, прекрасным залогом которой был В. О. Ключевский, гармонически воплощавший преимущества обеих школ»⁸².

В том же 1872 году исполнилось сорок лет ученой деятельности протоиерея Александра Горского. Большие заслуги Горского для отечественной науки нашли себе достойную оценку высочайшей государственной власти. Протоиерей Александр был награжден орденом св. Анны I степени при Высочайшем Рескрипте от 16 апреля с собственноручной подписью императора Александра II:

«Долговременное служение Ваше всецело посвятив деятельности на пользу духовного просвещения и, по избранию приснопамятного иерарха Московского, быв назначены к управлению высшим духовным установлением, Вы вполне достойно проходите это поприще. С обширною ученостию соединяя глубокую преданность святой Церкви и православною вере и ревностно заботясь о выполнении вверенного Вам Академией ее высокого назначения, Вы опытно руководите учащихся и прилагаете неусыпные попечения о умственном и нравственном преуспевании учащихся.

В изъявление Монаршего благоволения к столь отличному служению Вашему, Всемилостивше сопричисляя Вас к Императорскому Ордену Святой Анны первой степени, знаки коего при сем препровождая, Повелеваем Вам возложить на себя и носить по установлению.

Пребывая к Вам Императорскою милостию Нашею благосклонны.

Александр.

Из С. Петербурга. 16 апреля 1872 г.»⁸³.

В том же юбилейном году выдающиеся заслуги Горского вызвали справедливую оценку со стороны его непосредственного начальства. Ко дню тезоименитства 30 августа Высокопреосвященнейший Иннокентий, митрополит Московский прислал обширное поздравительное письмо:

«Возлюбленный о Господе, о. ректор! Исполнилось четырехдесятилетие служения Вашего. Способности, познания, любовь к ученому труду с самого начала Вашей служебной деятельности обратили на Вас общее внимание тех, кому дорого преуспеяние духовной учености, и постепенно возвели Вас в то высокое положение, которое занимаете Вы среди лучших представителей науки в нашем отечестве. Сила религиозных убеждений в духе строгого православия, насажденных в дому почтенных родителей Ваших и укрепленных в дому препод. отца нашего Сергия Чудотворца, сообщили Вашей учености жизнь и плодотворность.

В продолжение четырех десятилетий 20 раз переменался состав Ваших учеников, и всех принимали Вы как родных своих, отдавая им большую часть своего времени. Имея к Вам всегда свободный доступ, находя у Вас всегда прием простой и обходительный, они желали иметь в Вас руководителя в занятиях учебных, и Вы незаметно становились для многих наставником-другом. При содействии Вашего совета и примера им легко было полюбить учение и труд, понять достоинство науки христианской и жизни христианской. Лучшие из них, окончив учение, разносили по всей России посеянные Вами семена твердых православных убеждений и любовь к христианскому просвещению. Предместник мой, преосвящ. митр. Филарет, высоко ценил Ваши знания, дорожил Вашими суждениями, искал Вашего совета в вопросах науки, которыми занимался по любви и по обязанности. Строгий судья учености, он видел, что характер Ваш был тот, который он любил и чтил, ибо тут не было напыщенности, тщеславия, самовосхваления. Одушевленная животворными началами православия наука, как Вы

ее понимали и излагали, вела к той мудрости, которая, по слову апостола, „чиста, мирна, кротка, исполнь благих, несумненна, нелицемерна“. Это расположило его вручить Вам начальство над Академией.

В оправдание сего выбора Академия, управляемая Вами, являет твердость убеждений религиозных, искреннюю преданность ученому делу, степенность нравов, скромность в действиях и, вместе с тем, выводит с достоинством церковную науку на крепкую защиту всего, что святая Церковь от освященной древности передала на хранение нашим временам.

После того, что высказано мною (хотя далеко не все, что можно было бы сказать), Вы поймете, как мне успокоительно видеть Вас начальником высшего духовно-учебного учреждения, мне порученного, и за которое должен я отвечать перед Господом, и как утешаюсь я тем, что между моими старейшими сослужителями имею человека такого, как Вы, возлюбленный о Господе отец протоиерей! Приветствую Вас вдвойне: и с четырёхдесятилетием служения Вашего, и со днем тезоименитства Вашего, и молю Господа: да приложит Он Вам лета на лета, силы к силам для преуспевания духовной учености, для пользы церковного дела.

Призываю на Вас благословение Божие, имею честь быть с особенным уважением и искренней о Господе любовью Вашего высокопреподобия вседоброжелательным слугой.

Иннокентий, митроп. Московский»⁸⁴.

Это есть официальное признание заслуг Александра Васильевича; оно дорого как выражение уважения к его деятельности со стороны высшего церковного начальства. Но было еще и теплое выражение самых искренних чувств со стороны тех, для кого он был ближе и для кого больше всего трудился, кому посвятил всю жизнь — это были его сослуживцы и ученики. В день сорокалетия службы протоиерею Александру Горскому была поднесена в дар икона святого Александра Невского с таким адресом:

«Досточтимый о. ректор Академии! Дни тезоименитства Вашего всегда составляли для нас радостное торжество, в каждый из таких дней мы с любовью приветствовали Вас, оживляя в нашей памяти и понесенные Вами труды и до-

стигнутые результаты в ученой и учебной деятельности, но настоящий день Вашего тезоименитства еще радостнее и еще знаменательнее для нас. Им оканчивается длинный ряд годов — полное сорокалетие Вашего ученого служения здесь, в этой, всем нам родной и дорогой Академии.

Сколько труда принесено Вами для духовного образования, сколько света пролито во многие области, особенно церковно-исторической науки, сколько духовно-сильного возбуждения к чистому служению науке сообщено как учащимся, так и учащим, всегда видевшим в Вас близкий для себя, хотя и не всегда подражаемый, образец — раскрывать это теперь не позволяют ни место, ни время, а еще более и нам, и всем известная Ваша скромность. Но приветствуя Вас с совершившимся сорокалетием Вашего ученого служения, мы не можем скрыть от Вас нашей радости о том, что по истечении этого столь продолжительного термина времени, в который все было отдано труду, науке, истине и Господу Иисусу Христу и ничего собственному удобству, удовольствию и личному интересу, мы и теперь видим в Вас доброго и свежего мужа, с крепким, зорким умом, с живым и богатым воображением и сердцем столь теплым, что оно с живою любовью обнимает все недостойное и злое. Да, мы радуемся, что видим в Вас, после столь продолжительного служения науке, не сухого ученого специалиста, отшатнувшегося от всего живого и жизненного, и для одного, иногда не очень важного, пренебрегающего всем остальным, но человека, о котором смело можем сказать, что ему не чуждо ничто человеческое, и, в частности, — ученого, который с радостью приветствует успех в каждой части знания, как бы ни далека она [была. — А. М.] от круга специальных его занятий.

Как вещественный памятник ныне наполняющих нас мыслей, мы приносим Вам это маленькое приношение. Это икона Вашего небесного соименника и покровителя св. благ. князя Александра Невского. Усерднейше просим принять ее от нас, смиренно молящихся пред Господом о даровании Вам еще многих и многих лет жизни в пользу науки и на честь и славу нашей Академии»⁸⁵.

5. «Я хочу скорее домой»

осле своего юбилея Горский прожил три года. Безмерное служение науке отразилось на его и без того слабом здоровье. Но до последнего издыхания Александр Васильевич продолжал служить родной alma mater. В отношениях ректора со своей Академией была выдающаяся особенность. Горский, с юных лет возвращенный Академией, любил ее как вторую родину с нежностью сына. Еще в те годы, когда он был молодым профессором, трудно было его заставить оставить лавру, и родные огорчались, что он редко бывает дома⁸⁶. Горский словно прирастал к Академии. Много лет в конце жизни он собирался посетить родную Кострому, но так и не собрался. Уезжая куда-нибудь по необходимости из Академии, он тосковал по ней. В последние месяцы своей жизни — летом 1875 года после долгих уговоров близкими людьми Горский был отправлен на дачу в Ахтырку (село близ Хотькова монастыря, недалеко от Сергиева Посада), но не смог прожить там и месяца, загрустил по родной Академии и вернулся, чтобы там и умереть⁸⁷.

Болезнь, сведшая протоиерея А. В. Горского в могилу, была застарелая: врачи в то время ее называли воспалением внутренней оболочки артерий. Горский не любил лечиться и, постоянно трудясь, не щадил себя. В некрологах говорится о том, что в первый раз он почувствовал признаки своей болезни приблизительно в возрасте 45 лет, осенью 1857 года⁸⁸. Однако из письма самого Горского, помещенного в автобиографии преосвященного Саввы (Тихомирова), выходит — на год раньше: 30 января 1866 года отец Александр писал: «Нынешний год все что-то я чувствую себя нездоровым. Хотя болезнь горла прошла, но к этому присоединились какие-то приливы крови к груди, и я подвергаюсь нередко нервным болезненным припадкам. Вот и сегодня провел ночь без сна, а потому должен был отказаться от служения. Боюсь, как бы не возвратилась ко мне эта болезнь в той степени, как беспокоила меня назад тому лет 10—11, когда я должен был даже отказаться на год и более от употребле-

ния чая. Иногда бывает помысел посоветоваться с кем-либо из ваших врачей, например с О. В. Варвинским (ординарный профессор Московского университета). Эту мысль предлагал мне и мой здешний врач... не знаю, что будет вперед; но если признаки бессонницы будут продолжаться, то может быть я и воспользуюсь временем, и тогда буду просить у вас дозволения приютиться (в Москве)». Болезнь не ослабевала, и, действительно, пришлось обратиться к опытному врачу, а в середине февраля того же года Горский снова писал преосвященному Савве, что лекарства, рекомендованные доктором Варвинским, помогли, и здоровье значительно улучшилось⁸⁹. Но все же с тех пор эта болезнь давала о себе знать неоднократно, в том числе летом и осенью 1872 года, а в декабре 1874 года оказалось, что она неизлечима⁹⁰.

Когда Горский вернулся из Ахтырки в лавру, появлялся в креслах в академическом саду и, по народному выражению, «наглядывался на свет Божий», его сослуживцы и воспитанники, окружая больного, чувствовали, что они его теряют. И сам Александр Васильевич чувствовал приближение конца, описывая в дневнике свое тяжелое состояние здоровья, а незадолго до кончины он говорил: «С меня довольно, послужил»⁹¹. В этих проникновенных словах сокрыто и скромное выражение чувства исполненного долга, и выражение благодарности Создателю.

До последнего издыхания неутомимый труженик науки продолжал свою подвижническую деятельность. Вот как это вспоминает один из его учеников Н. Троицкий: «Не вынося томительного, хотя невольного бездействия в болезни, Александр Васильевич, к общему удивлению, наконец выдает такое распоряжение: „пусть студенты для слушания лекций явятся ко мне на квартиру“. Студенты богословского отделения Академии действительно не замедлили явиться в комнату о. ректора. Представьте себе картину, скорее семейную, чем школьную. За небольшим столиком с одной стороны на кресле помещался о. ректор, с трех остальных сторон на стульях — студенты. Старец-профессор, надломивший свои могучие силы, удрученный болезнью, с учащенным дыханием и прерывающимся голосом, но с той же задушевностью, действительно продолжал курс своих ученых лекций, когда

уже немного оставалось ему до окончания и самой своей жизни. Студенты внимательно, теперь больше, чем прежде, слушали предсмертные уроки этого пламенного ревнителя науки, но с замиранием сердца замечали его угасание»⁹².

Наступило 11 октября 1875 года. Еще накануне Горский выразил желание быть напутствованным за литургией Святых Христовых Таин. Утром больной ректор слушал литургию в своих покоях — двери его кабинета и академического храма были открыты так, что отец Александр мог следить за всем, что происходит за богослужением. После причастного стиха священник вышел из алтаря со Святыми Дарами и в сопровождении певчих из числа учащихся Академии направился в покои ректора. Горский поднялся с кресла и причастился стоя. Как трогательна и волнительна была эта минута! Вот как вспоминает об этом профессор Н. Заозерский, видевший Горского в последние часы его жизни: «Облаченный в белую ризу, он казался величавым и светлым, и только тяжелое, прерывистое дыхание свидетельствовало о физических его муках. По отбытии священника он сказал нам прерывистым голосом: „Благодарю вас... что вы... потрудились для меня...“ Нам хотелось броситься к его ногам, но, повинувшись знаку инспектора, мы только молча поклонились и вышли из комнаты»⁹³.

Примерно в десять часов вечера Горский звоном колокольчика вызывает слугу и говорит: «Я хочу скорее домой». «Слуга, подумав, что он желает быть в малом кабинете, заметил, что этого сделать нельзя; прибежал другой слуга; больной вдруг вскакивает и бежит, слуги не имели сил сдержать его; прибыв в гостиную, по направлению к иконам больной пал в кресла, три раза громко вздохнул и скончался. Было 5 минут 11 часа»⁹⁴.

Ректора Московской Духовной Академии протоиерея Александра Васильевича Горского не стало. Последними предсмертными словами покойного были: «Я хочу скорее домой». Было ли это воспоминание о родной Костроме — последняя мысль о земле, или первое откровение о Небесном Отечестве, более близкого его душе, чем земля, неизвестно... Быстро пронеслась по Академии весть о постигшем ее горе. Через час тело почившего окружено было студен-

тами, горько плакавшими о потере дорогого отца и учителя. Уже в 11 часов вечера в той же комнате, где утром почивший ректор приобщался Святых Таин, была совершена первая панихида⁹⁵.

Печальная весть о кончине Горского поразила скорбью всех ученых друзей, сослуживцев и учеников покойного, всех, кому дорого было развитие отечественной науки. На извещение о смерти Горского, полученное академиком и профессором Петербургского университета И. И. Срезневским, была отправлена от членов Академии наук, Петербургского университета, обществ филологического, археологического и других, составленная Срезневским телеграмма. «Чтя великие заслуги усопшего как ученого, писателя и руководителя, просим Академию присоединить к своей и нашу глубокую скорбь об утрате, всеми нами понесенной»⁹⁶.

«Погребение тела... Горского совершилось во вторник, 14 октября. Из апартаментов, составляющих помещение ректора, тело перенесено было в академическую церковь в воскресенье, 12 числа, в четыре часа пополудни. Непрерывное чтение Евангелия исполняли студенты Академии, имеющие священнический сан. В понедельник, 13 октября, утром прибыл Иннокентий, митрополит Московский, который с братиею лавры и Академии торжественно совершил панихиду по усопшему... Вечером приехал преосвященный Леонид (Краснопевков), один из любимых учеников покойного отца ректора. В девять часов вечера в тот же день он отслужил панихиду и потом пред гробом покойного читал Евангелие. Молитва, чтение и пение во все время, пока гроб стоял в церкви, не прерывались...

14 числа, в девять часов утра, звон большого колокола на лаврской колокольне возвестил начало печальной церемонии. После литии и речи, произнесенной кандидатом Академии А. Беляевым, гроб покойного в преднесении хоругвей и икон и в предшествии Преосвященного Леонида с духовенством, прибывшим из Москвы, руками наставников Академии перенесен был из просторной академической церкви в обширную лаврскую Трапезную церковь»⁹⁷. Заупокойную литургию совершал епископ Леонид в сослужении высшего московского духовенства и некоторыми из

лаврской братии. Проповедь произнес профессор Академии архимандрит Михаил (Лузин). Его замечательное слово у многих вызвало слезы. На отпевание вышли из алтаря с Преосвященным 12 священнослужителей — московские протоиереи и священники, ученики Горского, студенты и некоторые из братии лавры.

Перед началом отпевания речь произнес приват-доцент Академии В. А. Соколов, а в конце отпевания говорил студент 3 курса Х. Максимов. Преосвященный Леонид во время отпевания сам читал тропари канона. После трогательного прощания преподавателей и студентов со своим незабвенным, дорогим начальником, гроб был вынесен на руках наставников Академии из Трапезной церкви; против алтаря Троицкого собора совершена была лития в таком же виде, как пред церковью Филарета Милостивого, когда гроб переносили из академической в Трапезную церковь.

Могилу приготовили на том самом академическом студенческом кладбище близ Смоленской церкви, которое за несколько лет до своей смерти так заботливо устроил почивший ректор. Здесь, под тенью развесистого тополя нередко сживал покойный Александр Васильевич, размышляя о высоких, непостижимых тайнах загробной жизни. Пред отверстой могилой ректора проникновенно произнес прощальную речь на сербском языке студент 3 курса черногорец И. Николич⁹⁸. И могила приняла оплаканного многими молитвами и слезами приснопамятного труженика науки. Так проводила в последний путь своего великого сына благодарная Академия.

Заключение

Когда умер протоиерей Александр Васильевич Горский, его ученик профессор Н. П. Гиляров-Платонов сказал: «Необходимо воссоздать всю духовную личность покойного, личность колоссальную, сказали бы мы, если бы нравственной высоте, высоте смирения, исполнения долга до самозабвения мог приличествовать эпитет „колоссальности“. Этот аскет-профессор, этот инок-мирянин, с подвижнической жизнью соединявший общительную гуманность и готовность всякому служить своими знаниями и трудами, это было необыкновенное явление. Оно едва ли повторится»¹. Эти последние слова благодарного ученика до сих пор актуальны, став в наше время пророческими. Действительно, Горский не повторился, но духовный строй Московской

Духовной Академии, плодом которого был ее приснопамятный ректор, не умер с ним. Просвещенная религиозность, смиренная ученость, отеческие, сыновние и братские отношения в академической семье — вот главные черты Академии, которые она смогла сохранить в себе до самой революции 1917 года. Неслучайно благодарные ученики и последователи научного гения Горского спустя сорок лет после его смерти с выражением искренней любви к своему наставнику произнесли слова, которые были напечатаны в юбилейном сборнике, посвященном столетию Академии: «Бесспорно, для Московской Духовной Академии громаднейшее значение имеет Александр Васильевич Горский, занимающий первое место за все время столетнего существования Академии. Без преувеличения можно сказать, что все лучшее и светлое в Академии идет от Горского и Академия не утратит окончательно своей богословско-научной силы, пока в ней совершенно не иссякнет дух Горского»².

Много удивительных явлений связано с личностью А. В. Горского. И нет сомнения, что Александр Васильевич был великим ученым, много сделавшим для развития и процветания отечественной науки. Но более всего поражает то, что до сих пор в историографии нет полной и обстоятельной его биографии, нет полного специального исследования, посвященного его научным трудам. Настоящая работа является робкой попыткой хоть как-то восполнить столь крупный пробел.

Еще в 1881 году Н. Троицкий пророчески мудро писал: «Биография Горского нужна в настоящее время, когда жизнь молодого поколения взволнована вихрем страстных сил, порывисто несущихся в фантастическую страну идеального счастья, когда жизнь школы высшей, средней и низшей предъявляет такой большой запрос на целую массу правил, предписаний и пр., мало, однако, обеспечивающих ее благосостояние, когда так ослаблено истинное пастырство, устойчивое трудолюбие, научно-авторское руководство народа в среде самого духовенства; когда так громко гордое слово quasi-православной печати, когда, наконец, едва узнавший азбуку науки мнит себя руководителем и школы и общественной жизни»³.

Горский — ученый особого рода. От него не осталось много готовых произведений, есть только небольшое количество журнальных статей и еще знаменитое «Описание» рукописей, и то изданное в соавторстве с К. И. Невоструевым. На страницах печатных изданий, нередко под чужим именем, на полях книг, в заметках и многочисленных письмах сеял Горский свои ценные знания. Многие ученые пользовались его указаниями, многие из них с ведома и без ведома автора подбирали крупинцы накопленного им научного материала, украшая свои произведения. Есть еще немало крупинц этого знания, рассеянных, неподобранных, утраченных. Все это сильно затрудняет изучение жизни и научной деятельности А. В. Горского.

Навсегда имя протоиерея Александра Горского связано с историей Московской Духовной Академии, питомцем и кормчим которой он являлся. Его ученость была приобретена под кровом преподобного Сергия Радонежского в расаднике высшего богословского знания, расположенного в стенах древней обители — у Троицы в Академии.

Именно Академия дала особенный толчок в раскрытии и направлении таланта Горского. Природная живость ума, сила диалектического анализа была развита и выработана в Горском благодаря такой системе образования, которая существовала тогда в стенах Академии. Красноречивые лекции малоизвестного, неоцененного по достоинству строгим начальством профессора Ф. А. Терновского-Платонова пробудили у молодого Горского любовь к истории, положительному знанию, но заниматься этой наукой ему пришлось одному, и уже позже — совместно с отцом Филаретом (Гумилевским) — верным другом и достойным учителем.

Так Горский готовился в ученые на студенческой скамье, а стал им, знаменитым и славным, на кафедре профессора. Он начал с изучения доступного и не всегда ценного материала, с тех ошибок и заблуждений, от которых, особенно в молодости, никто не застрахован, а завершил дело своей жизни ученой известностью в звании ректора старейшей духовной школы России в сане протоиерея. Он накопил универсальные знания, знания ценные, критически проверенные, оставив их в своих талантливых учени-

ках, которых взрастил под собственным чутким научным руководством.

Интересно проследить внешний путь и средства развития научного таланта Горского. Это — основательное изучение доступной литературы, проверка полученных данных через материал источников. Для этого Горский не щадил ни времени, ни сил. Он дни и ночи просиживал в библиотеках, изучал архивы, вел переписку с учеными, собирал сведения со всех концов России, выписывал книги из-за границы. Сложнее указать, каков был внутренний рост его гения. Сильный критический талант сначала как бы подавляется, затемняется отсутствием необходимых знаний, над приобретением которых необходимо серьезно и долго трудиться. Иногда наоборот, сильный поток новых знаний стремится подавить деятельность рассудка. Но с течением времени, когда накопленные знания уже приведены в систему, мысль Горского крепнет, приобретает все формы свойственной ему научной пытливости; это заметно по его трудам. Сила критического анализа со временем нарастает; поспешные выводы, заимствованные у других авторов мнения уступают место более зрелым, основательным, самостоятельным суждениям. Долгий путь совершенствования пришлось пройти Горскому-ученому: от первоначальных лекций до европейски известного «Описания рукописей», до указаний таким даровитым ученым, как И. И. Срезневский, М. П. Погодин, Ю. Ф. Самарин, Н. И. Костомаров и др. Не сразу был пройден этот великий путь. Он стоил Горскому сорока с лишним лет упорного труда, ученого подвижничества, он стоил самого дорогого — здоровья. В тиши кабинета — ученой кельи совершалось это подвижничество; много трудился, скорбел, волновался, часто непонятый, иногда даже самыми близкими людьми, Горский. Но с честью прошел он этот тернистый путь.

В дело своего служения, как научного, так педагогического и пастырского, Горский вложил не только свой богато одаренный ум, но и всю силу своего характера, не останавливающегося перед препятствиями в деле приобретения и сообщения знаний. Но было еще и доброе сердце, которое без остатка он отдавал окружавшим его людям. Теплота

и любвеобильность этого сердца, деликатность, нежность и мягкость справедливо снискали ему репутацию «сердечного» и «душевного» богослова.

Особенно удивительно и достойно подражания в Горском то, что всю свою подвижническую деятельность он направлял на служение Богу и ближним. Он оставался искренним и добрым христианином всегда и в любой ситуации. «На всякое свое дело, послушание и ученое занятие он смотрел как на служение Богу, почему старался исполнять его как бы перед очами Божиими. Все труды его направлены для достижения славы Божией, запечатлены этой идеей, которая сообщает им оттенок не фальшивой и напускной, а искренней, глубокой, редкой религиозности»⁴.

Горский искренне любил помогать стремящимся к знаниям. С готовностью он давал желающим справки, делился своими научными открытиями, посылал свои лекции, нередко забывая об авторском праве. Обаяние его светлой личности, его влияние на окружающих были так сильны, что современники не знали, как выразить свою любовь и уважение к его научному гению, как полнее определить его значение в отечественной науке.

«Исполин знания», «великан русской науки», «краса и слава Академии», «слава русской науки», «украшение святой Церкви» — называли его⁵. Нельзя отрицать, что труды Горского до сих пор имеют большое значение для научного знания, они внесли неоценимый вклад в развитие просвещения в России, что особенно актуально для Московской Духовной Академии, где он создал свою научную школу. По богатству и обширности знаний, а также по оригинальности научного метода Горского можно смело поставить на один уровень с самыми выдающимися представителями отечественной и западноевропейской учености.

Все свидетельства, которые приведены в настоящем исследовании, показывают и доказывают, что протоиерей А. В. Горский принимал деятельное участие в разработке церковно-исторической и филологической наук, активно помогал известным ученым своей эпохи, пользовался любовью и уважением ученого сословия не только в России, но и за границей. Необходимо сказать и о том, что «он, бесспорно, был основателем нашей церковно-исторической науки».

Кроме того, Горским «созданы образцы исследования частных вопросов в церковно-исторической науке, и эти его работы имеют очень важное значение для ее развития»⁶.

Горский был не только профессором Академии, но и ученым всей России, был не только начальником, но, прежде всего, любящим отцом своей академической семьи, был искренним другом для всех, кто к нему приходил за помощью. Протоиерей Александр Горский воплощал в себе евангельский идеал доброго пастыря, объединявшего всех любовью, верой, состраданием и человеколюбием.

Московской Духовной Академии посвятил Горский все свои силы — служил и трудился в ней с шестнадцатилетнего возраста до гробовой доски. Даже почести святительского сана не могли убедить его оставить родную alma mater, вблизи стен которой он и погребен, не расставшись с Академией даже после смерти. Таким студентом, профессором, библиотекарем и ректором она может и обязана гордиться. Таким сыном должна гордиться вся Россия. И пусть жизнь профессора протоиерея Александра Васильевича Горского послужит живым примером для руководителей современных духовных и светских школ, для преподавателей и студентов, для ученых и священников, для богословов и историков, пусть будет образцом, эталоном чистого и беспристрастного служения Богу и людям, любви к Церкви и науке.

В настоящее время имя А. В. Горского внесено в хронологический список «Святая Русь» в качестве почитаемого подвижника благочестия в лике *святого праведного Александра протоиерея, ректора Московской Духовной Академии*⁷. Хочется верить, что немного осталось времени до его официальной канонизации и всеобщего почитания верующими в Русской Православной Церкви. Ведь саму жизнь протоиерея А. В. Горского можно с полной уверенностью назвать священной эпопеей, ибо она действительно была такой как по гармонической стройности пройденного пути, так и по невероятному количеству совершенных дел. Эта жизнь была полна своеобразия, которое так свойственно биографиям многих выдающихся умов русской культуры, а научное наследие ученого является неопределимым сокровищем, перешедшим к нам из прошлого церковно-исторической, филологической и богословской наук.

Приложения

**Указ Филарету (Дроздову), митрополиту
Московскому и Коломенскому,
о поручении Горскому, Александру
Васильевичу, и Невоструеву, Капитону
Ивановичу, составить описание славянских
рукописей, хранящихся в Синодальной
библиотеке. 1849 июля 30. Писарская
копия. 6 л. (1 ч.)**

№ 8464.

Копия

каз Его Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода Синодальному Члену, Преосвященному Филарету, Митрополиту Московскому и Коломенскому, Свято-Троицкия Сергиевы Лавры Священно-Архимандриту и Кавалеру. По указу Его Императорского Величества Святейший Правительствующий Синод слушали донесение Вашего Преосвященства, от сего 5 июля № 308, в коем изъясняете предположения Ваши

относительно составления полного описания Славянских рукописей, хранящихся в Московской Синодальной Библиотеке. Приказали: Святейший Синод, разделяя вполне изложенные в настоящем представлении Вашего Преосвященства соображения о необходимости и пользе неотложного составления полного ученого описания Славянских рукописей, хранящихся в Синодальной библиотеке в Москве, определяет:

1) составление сего описания, по предначертанному Вашим Преосвященством плану, поручить Профессору Исторических Наук в Московской Духовной Академии Александру Горскому, по дознанной Вами способности и готовности его к сему труду.

2) В сотрудники Горскому назначить Профессора Симбирской Семинарии Капитона Невоструева, также известного Вам по своему расположению и способности к Археологическим занятиям. Для сего освободить Пр. Невоструева от Профессорских занятий по Семинарии, вызвать его в Москву и обеспечить в средствах к содержанию при исполнении возлагаемого на него поручения, и именно: дать ему удобное помещение в Кафедральном Чудове монастыре и производить в продолжение исполнения сего дела те же оклады, какими он пользуется ныне на службе при Семинарии.

3) Для пособия в письмоводстве и для переписки предприняемого описания дать Профессору Невоструеву двух надежных писцев из окончивших курс воспитанников Московской Семинарии, с назначением им за труд по 100 рублей серебром в год каждому, и помещением их, для близости, в училищном доме Московской Семинарии, состоящем в Заиконоспасском монастыре.

4) Расходы на содержание Невоструеву отнести на счет Духовноучебных капиталов, а на платеж писцам — на счет суммы собираемой с угодий упраздненных монастырей в Москве. — Из сей же суммы отпустить в распоряжение Невоструева сто двадцать рублей единовременно на заготовление всех канцелярских принадлежностей.

5) Подробное распределение занятий между Горским и Невоструевым, главное руководство их в сих занятиях, разрешение могущих встретиться вопросов в затруднительных случаях и самое пополнение предначертанного уже плана описания, если в том встретится надобность, а также точное определение места для занятий и меры к необходимым предосторожностям в отношении целостного хранения рукописей, — предоставить Вашему Преосвященству с тем, чтобы об успехе занятий получали Вы от означенных лиц надлежащие отчеты по третям года, и чтобы как о сущности тех отчетов, так и о распоряжениях Ваших по оным и

по делу сему вообще, доносили Святейшему Синоду в такие же сроки. Наконец

б) Вашему же Преосвященству предоставить выбор надежных лиц для отдельного описания Греческих рукописей, хранящихся в Синодальной библиотеке и снабжение сих лиц нужными для будущих действий их наставлениями, с донесением Святейшему Синоду о последующих распоряжениях. О чем, для должного исполнения, послать Вашему Преосвященству указ, уведомив таковым, к зависящим, распоряжениям и Московскую Святейшего Синода Кантору. Июля 30 дня. 1849 года. Подлинный указ подписали:

За Обер-Секретаря

Федор Яковенко.

Секретарь

И. Осеченский.

За старшего помощника

Секретаря

Тимофей Смирнов.

ОР РГБ. Ф. 78. 39. 22. Л. 1–1 об., 2–2 об.

Правила, которыми предполагается руководствоваться при описании рукописей, содержащих в себе писания Отцов и другие богословские сочинения¹

1. Писания Отцов и Учителей Церкви, встречающиеся в рукописях Московской Синодальной Библиотеки, суть истолковательные, Учительные и аскетические.

2. В описании истолковательных сочинений Отцов должно следовать порядку изъясняемых книг Св. писания, восходя от Ветхого Завета к Новому.

3. В описании учительных и аскетических сочинений, — по неудобству строгого распределения между тем и другим разрядом, не раздробляя рукописей на два разных отдела, — следовать порядку хронологическому, т. е. времени жизни писателей.

4. Сборники, содержащие в себе учительные и аскетические сочинения разных писателей, должны быть описываемы после тех рукописей, которые вполне принадлежат известным писателям.

5. Сочинения богословского содержания, принадлежащие отечественным писателям или иностранцам, но причисляемым к отцам и учителям церкви, должны составить особый разряд.

6. Обширные сличения, в одном определенном составе встречающиеся в рукописях или изданиях, нет нужды описывать по главам; но в сочинениях, которые располагаются разнообразно (напр. Исаака Сирина), и в сборниках, произвольно составленных, нужно означать каждое слово или главу, выписывая заглавия и начальные слова статьи.

7. Если такие сочинения, переводные или отечественные, изданы в свет: то сие замечать при описании, указывая издания. Слова Отцов, переведенные с греческого языка, указывая по изданиям их сочинений, отмечать те из них, которые несправедливо им приписываются.

8. В сочинениях переводных обращать внимание на древность перевода и, если одно и то же сочинение встречается

во многих экземплярах, то наблюдать один ли во всем перевод или разные.

9. При описании сочинений малоизвестных, в кратких словах знакомить с их содержанием, по удобству указывая повод к их написанию и определяя их достоинство.

*Профессор церковной истории
Александр Горский.
1850 г. генв. 11*

Резолюция митрополита Филарета. 1850. генв. 11. Согласен.

ОР РГБ. Ф. 78. 9. 1

Предложение об описании рукописей Синодальной Библиотеки исторического содержания

Рукописи Синодальной Библиотеки исторического содержания принадлежат большею частью к истории Церковной, частью же к истории гражданской. В описании одно от другого нужно отделить.

К церковно-историческим рукописям относятся преимущественно патерики, прологи, жития святых, четьи-минеи.

Патерики, составленные из кратких повествований, не удобно описывать в подробности, т. е. исчисляя все отдельные сказания и приводя их начальные слова. Достаточным представляется, — если патерик делится на главы, или по именам подвижников, — держаться сего разделения, приводить заглавия, или имена преподобных, о которых повествуется в описываемой главе, с указанием ее начальных слов. Где же нет ни того, ни другого разделения, или оно не везде наблюдается, — извлекать приличные заглавия из описываемых событий, преимущественно выставляя имена подвижников, о которых говорится в известном отделении.

Прологи представляют более удобства для описания по существующим над каждым повествованием или поучением более или менее точным заглавиям. Но с другой стороны, их многочисленность и разнообразие редакций немало представляют затруднений для описателя. В настоящем случае предполагается: а) определить состав прологов по древнейшим спискам и б) показать отношение печатных изданий пролога к рукописям.

Для сего требуется: 1) подробное описание древнейших рукописей сего рода, по заглавиям и началам. При описании позднейших списков обращать внимание только на те сказания, которые в древних не встречаются, или излагаются в другом виде. 2) Указание одинаковых статей в печатном издании пролога.

Отдельные жития святых, встречающиеся в сборниках и поодионочке, описывать по заглавиям и началам. Переведенные с греческого языка указывать по изданиям на сем языке, если только были они изданы. При описании житий русских святых обращать внимание на время составления и дополнений, — на писателей, — и на события, имеющие значение для Русской Церковной истории и археологии, и не довольного известных — кратко приводя подлинные слова житий.

Рукописные четьи-минеи представляются в двух видах: одни содержат только жития святых и похвальные им слова с некоторыми присовокуплениями из патериков; другие (как м. Макариевские) заключают в себе кроме того, целые книги — творений воспоминаемых святых и на каждый день краткие повествования и поучения из прологов. В тех и других рукописях собственно жития святых описывать на том же основании, как и находящиеся отдельно, — если они не встречались ранее. Все же прибавления к житиям, т. е. поучения, слова, статьи из Пролога, если они были рассмотрены при описании предшествующих рукописей, только указывать кратко, отсылая к тем местам, где сказано о них подробнее. Встречающиеся в Четьях-минеях упоминания имен святых, без сказаний о них или с одними стихами о них, — проходить мимо, — ограничиваясь общим замечанием о включении многих имен святых в месяцеслов Четых-минеи — без упомянутых сказаний.

Из рукописей, относящихся преимущественно к гражданской истории, летописи, временники и т. п. в настоящее время находятся в Археографической комиссии по окончании работ ее. — Остающиеся же на месте рукописи подобного содержания описывать, соображая с изданиями упомянутой комиссии и с описанием рукописей Румянцевского музея — Востокова.

21. XI. 1850.

Профессор Александр Горский.

Резолюция митрополита Филарета: ноябр. 20. Согласен. Имена святых, которых нет в печатных прологах и четых минеях не излишне указывать...

ОР РГБ. Ф. 78. 9. 1

Письмо А. В. Горского К. И. Невоструеву

*Любезнейший и достопочтеннейший
Катитон Иванович!*

Тетради Ваши с того самого вечера, как сюда они прибыли с о. экономом, непрерывно занимают меня. Рассмотрение замечаний о Пятокнижии почти закончено. Что нужным представилось мне сообщить Вам, пришло скоро. Между тем не мешает и теперь сказать несколько слов об ином.

Из Ваших «замечаний» не вижу я, чтобы Вы, извлекая из рукописей те или другие места, удерживали в точности древ. орфографию; между тем нам это поставлено как в непременное правило. Тяжко будет снова рыться по всем местам и переправлять свои выписки; а без этого никак не обойдется; если это правило доселе не было соблюдено. При разности чтений в разных списках Библии, — держаться до древнейшего списка. Этот опыт — одно из коренных правил для нашего дела. Прочие списки идут только для соображений, тем более, что Вы все списки находите сходными между собою в главном.

Я прибавлю несколько своих замечаний для определения текста Б., которые имели у себя наши переводчики. Прошу принять и в соображение, справившись по указанным местам в своих текстах: на указаниях одного списка Академического нельзя остановиться, потому что, как заключил я в моих случаях, между нашим списком и Вашим есть значительные разности. Из сделанных доселе соображений открывается, что Гр. текст наших переводчиков не следует исключительно редакции Ватиканской, но имеет в себе много и других чтений: по крайней мере это заключение можно сделать о Пятокнижии. В некоторых случаях открывается как бы двойной перевод одних и тех же слов. Это надобно признать за пояснительные замечания позднейшего пересмотрщика, которые вошли потом в самый текст. Прошу обращать на это особенное внимание.

При выборе разных чтений надобно стараться отличать ошибки переписчиков от ошибок переводчиков; за первым

нечего гнаться: в какой рукописи их нет? и был бы напрасный, ни к чему не ведущий труд исчислять их.

А что касается до ошибок или неточностей переводчика, то любопытно, потому что могут служить к определению, достаточно ли имел способностей и приготовлений трудившийся. Различать ошибки писца от ошибок переводчика часто можно через сличение перевода с подлинником. Напр., когда написано вместо: [неразборчиво] — свержение, то ясно, что не переводчик виноват. Греческое слово тотчас скажет, что было у переводчика и обличит поправку, сделанную на основании некоторого сходства в звуках. Вообще, нам, не имеющим обязанности вычитывать все различия (что составляет собственно долг издателя текста библейского по древ. рукописям, если бы кто принял на себя этот труд) надобно останавливаться только на таких местах, которые непрерываемо подтверждают доказываемые положения.

Поэтому мне кажется, нет надобности выписывать особо замеченные «отступления» от текста во времени, лицах, числах и проч. Такие отступления будут видны из тех примеров, какие вы будете приводить по другим надобностям; между тем избежите повторений; избежите опасности смешать грехи переписчика с грехами переводчиков. По моему мнению также нет надобности особо исчислять «убавления» против подл. текста, т. е. разные мелкие убавления. Довольно будет, если будете замечать опущения целых стихов. Из последних опытов вижу я, что недостающие у Вас, есть у меня. Иное дело, если бы из этих опущений можно было бы составить заключение о намерении переводчика округлить свою речь: такое или подобное намерение можно примечать в рецензенте перевода первых глав книги, чтобы по списку Лаврскому, в котором (как предположение) текст намеренно сокращен, исключить разные подробности. Прошу справиться об этом в Ваших списках.

Нет нужды описывать особо — «перестановки в словах» (не в стихах и не в главах), часто происходящие независимо от переводчика — «грамматические погрешности» в которых нельзя примечать какого-нибудь постоянного правила. Чрез это Вы облегчите себе труд обозрения; между

тем неисправности такого рода непременно окажутся и в других примерах, какие Вы будете приводить. А вопрос «верен ли список, т. е. исправно ли снят со своего оригинала», кроме того, что не был предположен первоначально, — не может быть и разрешен удовлетворительно. Ибо как знать, каков был у писцов оригинал, — если он у Вас не перед глазами? Да и что за польза наблюдать за ошибками писцов, если не подают они повода к каким-нибудь заключениям более любопытным, нежели одно убеждение в грамотности трудившихся. (Например, если Вы ошибками писца будете доказывать, что один список с другого, у вас имеющегося — это уже оправдывает Ваш труд).

Прошу Вас не оскорбиться такими замечаниями. Посмотрите как скуп Востоков на заметки такого рода. Можно и должно сказать о неправильности писцов, но не оставляя из этого особого отделения, под особою рубрикою, и ограничиться подтверждением двумя или тремя наиболее ясными примерами.

Вот иное дело древние грамматические формы. Хоть рукописи ваши (т. е. библейские) и новы, но в них любопытно исследовать останки древнего языка, как доказательство древнего перевода. Прошу Вас, при чтении Востокова каталога и грамматики замечать эти древние формы и прилагать свои замечания к рассматриваемым рукописям. Список слов старинных у Вас довольно значителен, но замечаний о формах мало, и между ними довольно таких, которые собственно не относятся к формам, а к лексикону.

Например, что ЯКО употреблено вместо ЕГДА, это замечание не относится к формам грамматическим, к которым принадлежит склонение, спряжение, правила словосочетаний: также что ВЕСЬ употребл. вместо ВСЯКИЙ. Это относится к лексикону.

Но довольно об этом. Будьте уверены, что пишу все это в желании дать труду Вашему более совершенства (сколько могу об этом судить), облегчить Вас от излишней и притом тяжелой работы. При Вашем усердии, как видно из первых опытов, при Ваших познаниях можно ожидать прекрасного исполнения, не определяя себе строго пределов, в которых должно обращаться. С Божией помощью, взглядываясь

в предмет более и более, Вы уясните его себе вполне и тогда само собой откинете все ненужное. Припомните себе, что говорили мы [неразборчиво]. Не все замечания при сличении непременно должны быть употребляемы в дело, но надобно извлекать только нужнейшие для решения предложенных вопросов. Закрываю желанием, чтобы Вы с такой же любовью к делу продолжали его, с какой его начали и в каком я готов содействовать Вам.

А. Горский.

28 сентября 1849 г.

ОР РГБ. Ф. 78. 22. 9

Печатные труды профессора протоиерея А. В. Горского

И. Отдельно изданные

- Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. М., 1842, 1852, 1857, 1865, 1873, 1882, 1902, 1996.
- История Флорентийского Собора. М., 1847.
- Св. Алексей, митрополит Киевский и всея России. М., 1848.
- Св. Киприан, митрополит Киевский и всея России. М., 1848.
- Жизнь святого Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. М., 1851; Сергиев Посад, 1902.
- Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки / А. Горский, К. Невоструев. М., 1855—1917. Т. 1—6.
- О сане епископском в отношении к монашеству в Церкви Восточной. М., 1862.
- Слово на день памяти свв. Кирилла и Мефодия. М., 1865.
- Образование канона Священных Книг Нового Завета. М., 1871.
- О священнодействии венчания и помазания царей на царство. М., 1882.
- История Евангельская и Церкви Апостольской. М., 1883; Репринт. изд. СПб., 1999.
- Слова ректора Московской Духовной Академии протоиерея А. В. Горского. Сергиев Посад, 1895.

II. Статьи в периодических изданиях

1. Исследования по общей церковной истории

- О девственниках христианских до монашества // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 1. 1843.

- Жизнь святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского // Там же. Ч. 3. 1845.
- Краткая история Собора Константинопольского III, Вселенского IV // Христианское чтение. 1847. № 1—4.
- Внешнее состояние Церкви Восточной в IX—XIII столетии // Там же. 1848. № 1.
- Жизнь св. Афанасия Александрийского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 10. 1851.
- Подвижники веры на Востоке после падения империи Греческой // Там же. Ч. 11. 1852.
- Совершил ли Господь Иисус Христос пасху иудейскую на последней вечери Своей с учениками // Там же. Ч. 12. 1853.
- Жизнь блаженного Феодорита, епископа Кирского // Там же. Ч. 14. 1855.
- Письмо Мары Самосатского к сыну его Серапиону // Там же. Ч. 20. 1861.
- О сане епископском в отношении к монашеству в Церкви Восточной // Там же. Ч. 21. 1862.
- Св. Епифаний Кипрский // Там же. Ч. 22. 1863.
- Образование канона священных книг // Там же. Ч. 24. 1871.
- О соборе Иерусалимском 1672 г. // Там же.
- О Церкви Греческой с 1453 года до начала XVIII столетия // Там же. Ч. 32. 1883.

2. Исследования по истории Русской Церкви

- Известие об Аврааме Палицыне // Москвитянин. 1841. Ч. 5.
- Возражения против замечаний об осаде Троицкой Лавры // Там же. 1842. Ч. 6.
- О святых Кирилле и Мефодии // Там же. 1843. Ч. 3.
- Кирилл II, митрополит Киевский и всея России // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 1. 1843.

- О походе руссов на Сурож // Записки Одесского общества истории. 1855. Т. 1.
- Святой Петр, митрополит Киевский // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 2. 1844.
- О духовных училищах в Москве, в XVII столетии // Там же. Ч. 3. 1845.
- Святой Иона, митрополит Киевский // Там же. Ч. 4. 1846.
- Петр Могила, митрополит Киевский // Там же.
- О сношениях Русской Церкви с святогорскими обителями до XVIII столетия // Там же. Ч. 6. 1848.
- Святой Алексей, митрополит Киевский и вся России // Там же.
- Святой Киприан, митрополит Киевский // Там же.
- О митрополии Русской в конце IX века // Там же. Ч. 9. 1850.
- Святой Фотий, митрополит Киевский // Там же. Ч. 11. 1852.
- Митрополия Киевская в начале своего отделения от Московской // Там же. Ч. 13. 1854.
- Митрополиты Московские со времени разделения митрополии Всероссийской на две половины // Там же. Ч. 16. 1857.
- Максим Грек, Святогорец // Там же. Ч. 18. 1859.
- Несколько сведений о Паисие Лигариде до прибытия его в Россию // Там же. Ч. 21. 1861.
- Притязания апологета австрийского священства // Там же. Ч. 23. 1864.
- Жития святых Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.
- О священнодействии венчания и помазания царей на царство // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 29. 1882.
- Период патриаршества в Церкви Российской // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сборник

- исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
- История Церкви Русской / публ. прот. Анатолия Провирина по рукописи 1842 г. // Журнал Московской Патриархии 1976. № 1—4.

*3. Древние русские церковные памятники,
изданные с объяснением и исследованием о них*

- Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 2. 1844.
- Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума, составленное А. Востоковым // Москвитянин. 1843. Ч. 2.
- Отношение иноков Кириллова Белозерского и Иосифова Волоколамского монастырей в XVI в. // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 10. 1851.
- Послание к Василию, архимандриту Печерскому XII в. // Там же.
- Некоторые памятники письменности домонгольского периода // Москвитянин. 1856. Ч. 6.
- О древних канонах святым Кириллу и Мефодию // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 15. 1856.
- О древних словах на святую Четыредесятницу // Там же. Ч. 17. 1858.
- О славянском переводе Пятокнижия Моисеева, исправленном в XV в. по еврейскому тексту // Там же. Ч. 19. 1860.
- О древних канонах святым Кириллу и Мефодию, по синодальному списку // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.

4. Поучения и речи

- Слова в день святой Пасхи на вечерне // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 16. 1857; Ч. 17. 1858; Ч. 21. 1862.
- Слово на воспоминание о избавлении Свято-Троицкой Сергиевой лавры от осады // Там же. Ч. 19. 1860.
- Слово в день Сретения Господня // Там же. Ч. 20. 1861.
- Слово в день Пятидесятницы // Там же.
- Слово в день Рождества Христова // Там же. Ч. 22. 1863.
- Слово в Неделю Православия и на день восшествия государя императора на престол // Там же. Ч. 23. 1864.
- Речь, произнесенная в торжественном собрании Московской Духовной Академии по случаю празднования ее юбилея // Сборник, изданный по случаю празднования ее пятидесятилетия. М., 1864.
- Слово на день памяти свв. Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.
- Научное испытание как путь ведущий ко Христу // Духополезное чтение. 1866. № 12.
- Речь, произнесенная по случаю пятидесятилетнего епископского служения митрополита Филарета // Православное обозрение. 1867. № 9.
- Слово перед отпеванием митрополита Филарета // Там же. 1867. № 11.
- Речи, говоренные А. В. Горским по причащении наставников и студентов Московской Духовной Академии // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 35. 1885.

Примечания

Введение

¹ См.: Московские ведомости. 1875. № 265—266.

² Там же. № 261, 267.

³ Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 1—61.

⁴ *Постников П., свящ.* Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 253.

⁵ Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 47—48; *Филитов Т. И.* А. В. Горский // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Кн. 182. № 11—12; Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. 276—286.

⁶ Современные известия. 1875. № 353; *Гиляров-Платонов Н. П.* Собрание сочинений. Т. 2. СПб., 1899. С. 464—465.

⁷ *Толстой Д. Н.* Александр Васильевич Горский // Русский архив. 1875. Т. 3. С. 472—476; К биографии ректора Московской Духовной Академии, А. В. Горского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. Т. 3.

⁸ Донские епархиальные ведомости. 1875. № 21; Минские епархиальные ведомости. 1875. № 23; Тамбовские епархиальные ведомости. 1875. № 21; Тульские епархиальные ведомости. 1875. № 21; Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 47—48; *Хойнацкий, свящ.* Панихида по А. В. Горскому в институтской церкви // Волинские епархиальные ведомости. 1875. № 22—23; Письмо в редакцию, памяти А. В. Горского // Там же. 1876. № 2; Протоиерей А. В. Горский и протоиерей Е. И. Попов. Церковная летопись // Духовная беседа. 1875. № 42; Воспоминания об А. В. Горском // Там же. № 45.

⁹ Протоиерей А. В. Горский // Странник. Т. 4. № 10. 1875; *Михаил (Лузин), архим.* Памяти А. В. Горского // Душеполезное чтение.

Ч. 3. № 11. 1875; *N. Z. (Н. И. Субботин)*. Протоиерей А. В. Горский // Православное обозрение. 1875. № 10.

¹⁰ Современность. 1875. № 120, 126; Гатцука. 1875. № 41; Голос. 1875. № 298; Домашняя беседа. 1875. № 43; Иллюстрированная неделя. 1875. № 44; Нива. 1875. № 45; Гражданин. 1876. № 4; *Necrologie A. Gorski // Polybiblion Revue bibl. Universelle*. № 2. P. 171—173.

¹¹ Церковный Вестник. 1875. № 44; *Н. В.* По случаю разборки библиотеки А. В. Горского // Там же. 1876. № 3; *Калинников Н. А. В. Горский*. Несколько личных воспоминаний // Церковно-общественный вестник. 1876. № 1.

¹² *Смирнов С. К.* Воспоминания о покойном ректоре М. Д. А. протоиерее А. В. Горском // Православное обозрение. 1876. № 11. С. 461—491.

¹³ *Он же*. *Sortes Sanctorum* // Там же. С. 605—610.

¹⁴ *Казанский П.* Из моих воспоминаний об А. В. Горском по поводу речи профессора С. Смирнова // Там же. № 12. С. 845—848.

¹⁵ *Лавров А.* Слово в день годовичного поминовения ректора Московской Духовной Академии, протоиерея Александра Васильевича Горского // Там же. № 12. С. 714—722.

¹⁶ *Беляев А. Д.* А. В. Горский. М., 1877; *Воронец Е. Н.* К воспоминаниям о скончавшемся в Бозе протоиерее А. В. Горском. Харьков, 1877.

¹⁷ *Лебедев А. П.* Несколько воспоминаний о покойном Горском как профессоре церковной истории // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1879. Т. 1. С. 122—150.

¹⁸ У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 342—354.

¹⁹ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 36—42, 124—128, 285—289.

²⁰ *Троицкий Н.* Воспоминание о протоиерее А. В. Горском † 1875 г. окт. 11-го дня // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Т. 3. С. 421—450.

²¹ *Смирнов-Платонов Г. П.* Из области воспоминаний и мечтаний // Детская помощь. М., 1885.

²² *Соколов В. А.* Ректор М. Д. Ак. прот. А. В. Горский // Воскресный день. 1887. № 3—6.

²³ *Смирнов А. П.* Страница из студенческого дневника // Душеполезное чтение. 1891. Т. 3. С. 273—286.

²⁴ *Воскресенский Г. А. А. В. Горский* // Славянское обозрение. 1892. Т. 3. Кн. 10. С. 165—180.

²⁵ *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 1—12; *Он же*.

Ректор Московской Духовной Академии прот. А. В. Горский. Сергиев Посад, 1897.

²⁶ *Субботин Н.* Воспоминания, заметки и письма. А. В. Горский // Русское обозрение. 1896. Т. 37.

²⁷ *Лебедев А. П.* Протоиерей А. В. Горский, ректор и профессор М. Д. Академии // Вера и Церковь. 1900. № 11; *Он же.* Церковная историография в главных ее представителях с IV по XX век. М., 1903; СПб., 2000.

²⁸ Богословский вестник. 1900. № 11.

²⁹ *Евсеев Е. И.* Древности // Труды / Славянская Комиссия Императорского Московского археологического общества. 1902. Т. 3. С. 58—65.

³⁰ Там же. С. 65—70.

³¹ Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти, 11 и 22 октября 1900 года, с приложением некоторых неизданных бумаг из архива А. В. Горского. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.

³² Православная богословская энциклопедия. Т. 4. СПб., 1903. С. 541—550; *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910. С. 634—635; *Высоцкий Н. Г.* А. В. Горский в воспоминаниях одного из его учеников // Русский архив. Т. 1. 1913. С. 762—768.

³³ У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.

³⁴ Указ. соч. С. 254—341, 355—359, 480—482, 486—492, 493, 495—510.

³⁵ Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 58—94; *Илларион (Троицкий), архим.* Храм Императорской Московской Духовной Академии к началу второго столетия ее существования. Сергиев Посад, 1914; *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы. Пг., 1918. С. 306—310.

³⁶ *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. Варшава, 1928; М., 2002. С. 50, 53—56, 97—98, 107, 130—131.

³⁷ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996. С. 433—436.

³⁸ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 366—372.

³⁹ *С-ов А.* Протоиерей А. В. Горский (1812—1962) // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 10.

⁴⁰ *Жуковская Л. П.* Лексика изборника 1073 года в «Описании рукописей Синодальной библиотеки» // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977. С. 152—169.

⁴¹ *Салтыков А., свящ.* Краткий очерк истории Московской Духовной Академии. Ректор Академии проф. прот. А. В. Горский // Богословские труды. 300 лет МДА. М., 1986. С. 90—92.

⁴² Христианство: Энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1. М., 1993. С. 427.

⁴³ *Кириллин В.* Александр Горский и русская археография // Историческая газета. 1996. № 0. С. 5, 9.

⁴⁴ *Воробьев М. Н.* А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. № 1. Вып. 1. С. 268—277.

⁴⁵ *Римский С. В.* Российская церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 291, 293, 298—300.

⁴⁶ *Геннадий (Гоголев), архим.* Великан учености. Жизнь и труды протоиерея А. В. Горского. М., 2004.

⁴⁷ *Гайдаренко П.* Протоиерей Александр Васильевич Горский как исследователь славяно-русской книжности и литературы. Сергиев Посад, 2004. (Машинопись).

⁴⁸ *Кириллин В. М.* Научные труды протоиерея Александра Горского и развитие русской археографии // «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: к 70-летию Ивана Васильевича Лёвочкина: сб. статей. М., 2004. С. 25—30.

⁴⁹ См. наши публикации: *Мельков А. С.* Ректор Московской Духовной Академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 12. С. 47—52; История «Описания собрания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева // Церковь и время. 2004. № 2. С. 195—215; Методология церковной истории в научных представлениях А. В. Горского // Материалы Второй научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». М., 2004. С. 164—171; О Паннонских житиях святых Кирилла и Мефодия // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы Третьей международной конференции молодых ученых. М.; Ярославль, 2004. С. 378—383; Из истории публикации «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы Четвертой всероссийской конференции молодых ученых. М.; Ярославль, 2005. С. 27—32; «Дела их ходят вслед их»: Святитель Филарет Московский и протоиерей Александр Горский // Церковь и время. 2005. № 4. С. 67—96; Протоиерей А. В. Горский и Московская Духовная Академия // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Вып. 1. М., 2007. С. 58—67; Историко-филологические исследования протоиерея А. В. Горского: опыт объяснения алфа-

витной таблицы из собрания графа Н. П. Румянцева // Актуальные вопросы изучения духовной культуры. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». М.; Ярославль, 2009. С. 69—71; Протоиерей А. В. Горский как церковный историк, богослов и археограф // Церковь и время. 2009. № 1. С. 171—184.

⁵⁰ Мельков А. С. Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского / А. С. Мельков. М.: Пашков дом, 2006. 216 с.: ил. (Духовные чтения).

⁵¹ За основу взяты материалы историко-лингвистических и археографических исследований, изложенных в двух наших печатных трудах: Мельков А. С. Историко-лингвистический анализ «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Вып. 4. М., 2009. С. 91—158; Мельков А. Русская археография в XIX веке. Учебное пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 95—177.

⁵² Дневник А. В. Горского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 34, 35. 1884.

⁵³ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885.

⁵⁴ Письма митрополита Московского Филарета к А. В. Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 29, 30. 1882; *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843—1867. М., 1883; Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб., 1900; *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам. Т. 4. М., 1886; Т. 5. Кн. 1—2. М., 1887.

⁵⁵ Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885; Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 31. 1883; Ч. 33. 1884; Ч. 36. 1885.

⁵⁶ *Савва (Тихомирлов), архиеп.* Хроника моей жизни: в 3 т. Сергиев Посад, 1897—1901.

⁵⁷ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 т. СПб., 1888—1910.

⁵⁸ *Воробьев М. Н.* А. В. Горский и К. И. Новоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. № 1. Вып. 1. С. 277—295.

⁵⁹ *Троцкий Н.* Воспоминание о протоиерее А. В. Горском † 1875 г. окт. 11-го дня // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Т. 3. С. 425.

Глава I

¹ *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 1. С. 60.

² *Воронец Е. Н.* К воспоминаниям о скончавшемся в Бозе протоиерее А. В. Горском. Харьков, 1877. С. 6.

³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Ед. хр. 68. Л. 13 об. В. С. Горский — А. В. Горскому от 23 марта 1834 г.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 1. С. 62—63.

⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Ед. хр. 68. Л. 28.

⁷ Там же. Л. 11—12 об.

⁸ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 4.

¹¹ Там же. С. 4—5.

¹² *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 1. С. 67.

¹³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 19.

¹⁴ Цит. по: *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии прот. А. В. Горский. Сергиев Посад, 1897. С. 17—18; В. С. Горский — А. Ф. Голубинскому от 18 августа 1828 г.

¹⁵ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 6.

¹⁶ Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 545.

¹⁷ См.: *Мельков А. С.* Развитие церковно-исторической науки в России до начала XX века // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 2. С. 70—75.

¹⁸ *Толстой М. В.* Воспоминания // Русский архив. 1881. Т. 1. С. 298, 300.

¹⁹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 6. Л. 9.

²⁰ Там же.

²¹ *Постников П., свящ.* Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 259.

²² ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 7. Л. 7 об.

²³ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 260.

²⁴ ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 8. Л. 4 об.

²⁵ Там же. Ед. хр. 9. Л. 9.

²⁶ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 259—260.

²⁷ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 20.

²⁸ Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 545.

²⁹ *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы. Пг., 1918. С. 306.

³⁰ *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 2. С. 236, 237.

³¹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 11—14.

³² Там же. Ед. хр. 10, 16. Л. 10.

³³ *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 2. С. 241.

³⁴ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 262—263.

³⁵ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 13.

³⁶ *Попов С.* Указ. соч. Сергиев Посад, 1897. С. 33.

³⁷ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 6.

³⁸ Там же. С. 7.

³⁹ Там же. С. 41.

⁴⁰ Там же. С. 7—8.

⁴¹ Цит. по: *Лавров А.* Слово в день годовичного поминовения ректора Московской Духовной Академии, протоиерея Александра Васильевича Горского // Православное обозрение. 1876. № 12. С. 719.

⁴² См.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 18. Ед. хр. 1. Л. 1—68.

⁴³ *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 368.

⁴⁴ Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 123.

⁴⁵ *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 368.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 268—269.

⁴⁸ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 62—63.

⁴⁹ Цит. по: *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 270—271.

⁵⁰ *Смирнов С. К.* Воспоминания о покойном ректоре М. Д. А. протоиерее А. В. Горском // Православное обозрение. 1876. № 11. С. 482.

⁵¹ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 7.

⁵² *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 3. С. 409.

⁵³ *Лавров А.* Указ. соч. С. 716, 717.

Глава II

- ¹ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 272.
- ² См., напр.: *Филарет (Дроздов), архим.* Начертание церковно-библейской истории в пользу духовного юношества. СПб., 1816.
- ³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1—32.
- ⁴ ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Ед. хр. 68. Л. 3. В. С. Горский — А. В. Горскому от 21 ноября 1833 г.
- ⁵ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 40.
- ⁶ Там же. С. 20—21.
- ⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Ед. хр. 68. Л. 21 об. В. С. Горский — А. В. Горскому от 19 июня 1834 г.
- ⁸ Там же. Л. 22.
- ⁹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 29. Ед. хр. 47. Л. 3.
- ¹⁰ Цит. по: *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 3. С. 401.
- ¹¹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 30. Ед. хр. 30. Л. 3—3 об. П. П. Птицын — А. В. Горскому от 11 апреля 1834 г.
- ¹² *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. Кн. 7. СПб., 1893. С. 165.
- ¹³ *Субботин Н.* Воспоминания, заметки и письма. А. В. Горский // Русское обозрение. 1896. Т. 37. С. 268, 269.
- ¹⁴ *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1842; 1852; 1857; 1873; 1890; 1996; См. черновые записи: ОР РГБ. Ф. 78. К. 10. Ед. хр. 4—5; К. 11. Ед. хр. 1—2.
- ¹⁵ *Калинников Н. А.* В. Горский. Несколько личных воспоминаний // Церковно-общественный вестник. 1876. № 1. С. 7.
- ¹⁶ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 436, 437.
- ¹⁷ *Калинников Н.* Указ. соч. С. 7.
- ¹⁸ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 438.
- ¹⁹ *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. СПб., 1882. С. 335; См.: *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни: в 9 т. Т. 1. Сергиев Посад, 1897. С. 307.
- ²⁰ *Субботин Н.* Указ. соч. С. 262, 263.
- ²¹ *Гиляров-Платонов Н. П.* Указ. соч. С. 335; См.: *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. Т. 1. Сергиев Посад, 1897. С. 342.
- ²² *Лебедев А. П.* Церковный историк А. В. Горский // А. П. Лебедев. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX. СПб., 2000. С. 455.
- ²³ Там же. С. 455—456.
- ²⁴ *Лавров А.* Указ. соч. С. 716; Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 548.

²⁵ *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700—1917. М., 1996. Ч. 1. С. 435.

²⁶ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. Т. 1. Сергиев Посад, 1897. С. 386.

²⁷ Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. 281.

²⁸ Цит. по: *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 279.

²⁹ Там же.

³⁰ Цит. по: *Попов С.* Указ. соч. Сергиев Посад, 1897. С. 160—161.

³¹ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 50—53.

³² См.: *Мельков А. С.* Митрополит Филарет и Московские духовные школы // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в областях гуманитарных, естественных и технических наук в 2003 году. М., 2004.

³³ Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти, 11 и 22 октября 1900 года, с приложением некоторых неизданных бумаг из архива А. В. Горского. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900. С. 61—62.

³⁴ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 286.

³⁵ Там же. С. 287.

³⁶ Там же. С. 287—288.

³⁷ Там же. С. 288.

³⁸ Там же. С. 289.

³⁹ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 282.

Глава III

¹ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 20—21.

² *Соловьев С. М.* Мои записки для моих детей, а если можно, то и для других // Вестник Европы. СПб., 1907. № 3. С. 76.

³ Переписка профессора Московской Духовной Академии П. С. Казанского с А. Н. Бахмеевой // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 554.

⁴ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 434.

⁵ Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. 281.

⁶ *Калинников Н.* Указ. соч. С. 7.

⁷ *Субботин Н.* Указ. соч. С. 263, 264.

⁸ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 291.

- ⁹ Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 551.
- ¹⁰ *Калинников Н.* Указ. соч. С. 7.
- ¹¹ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 440—441.
- ¹² *Смирнов А. П.* Страница из студенческого дневника // Душеполезное чтение. 1891. Т. 3. С. 283.
- ¹³ *Субботин Н.* Указ. соч. С. 265.
- ¹⁴ *Смирнов А. П.* Указ. соч. С. 282.
- ¹⁵ Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 552.
- ¹⁶ *Фивейский П.* Взгляд на историю Русской Церкви. М., 1834.
- ¹⁷ Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 546.
- ¹⁸ *Талстой Д. Н.* Александр Васильевич Горский // Русский архив. 1875. Т. 3. С. 473.
- ¹⁹ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 294.
- ²⁰ *Нечаев В. П.* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1849; *Остроумов И. Н.* История Флорентийского собора. [Магистерская диссертация, переработанная проф. А. В. Горским]. М., 1849; См.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 35. Ед. хр. 2. *Остроумов И.* Флорентийский собор.
- ²¹ См.: Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 241—242; *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Т. 10. СПб., 1896. С. 380; Т. 11. СПб., 1897. С. 221.
- ²² *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 294.
- ²³ Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 206.
- ²⁴ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 295.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ *Субботин Н.* Указ. соч. С. 266.
- ²⁷ Душеполезное чтение. 1896. Т. 3. С. 324.
- ²⁸ См.: Сборник, изданный Московской Духовной Академией по случаю празднования ее пятидесятилетия. М., 1864.
- ²⁹ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 297.
- ³⁰ *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV по XX век. СПб., 2000. С. 409.
- ³¹ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 298.
- ³² *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 308.
- ³³ Переписка профессора Московской Духовной Академии П. С. Казанского с А. Н. Бахмеевой // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 554.

- ³⁴ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 302.
- ³⁵ Там же. С. 303.
- ³⁶ Там же. С. 285.
- ³⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 33. Ед. хр. 44. Л. 3.
- ³⁸ Там же. Л. 17—18 об.
- ³⁹ См.: *Викторов А. Е.* Последнее мнение Шафарика о глаголице // *Летописи русской литературы и древности: в 2 т. Т. 2. Кн. 4. Отд. 1.* М.: Н. Тихонравов, 1859. С. 67—150.
- ⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 78. К. 33. Ед. хр. 44. Л. 23—24.
- ⁴¹ Там же. Л. 31—31 об.
- ⁴² *Калинников Н.* Указ. соч. С. 7, 8.
- ⁴³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 26. Ед. хр. 81. Л. 6—6 об. В. Д. Кудрявцев — А. В. Горскому от 12 апреля 1861 г.
- ⁴⁴ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 324.
- ⁴⁵ Цит. по: *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 53.
- ⁴⁶ *Горский А. В.* О святых Кирилле и Мефодии // *Москвитянин.* 1843. Ч. 3. № 6. С. 405—434; См. черновые записи: ОР РГБ. Ф. 51. К. 32. Ед. хр. 32; Ф. 36. К. 3. Ед. хр. 34.
- ⁴⁷ *Добровский Й.* Кирилл и Мефодий, словенские первоучители: Историко-критическое исследование / пер. с немецкого. М., 1825.
- ⁴⁸ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 423.
- ⁴⁹ *Воскресенский Г. А.* О заслугах прот. А. В. Горского для славяно-русской историко-филологической науки // *Богословский вестник.* 1900. № 11. С. 449.
- ⁵⁰ См.: *Мельков А. С.* О Паннонских житиях святых Кирилла и Мефодия // *Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых.* Материалы Третьей международной конференции молодых ученых. М.; Ярославль, 2004. С. 378—383.
- ⁵¹ *Филарет (Гумилевский), еп.* Кирилл и Мефодий, славянские просветители. М., 1846; *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Житие святых Кирилла и Мефодия, славянских просветителей. СПб., 1885.
- ⁵² *Макарий (Булгаков), архим.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. СПб., 1846.
- ⁵³ *Шевырев С. П.* История русской словесности, преимущественно древней: в 3 т. М., 1846.
- ⁵⁴ *Časopis českého Musea.* Praha, 1846.
- ⁵⁵ *Dümler.* Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Wein, 1854.
- ⁵⁶ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 423.
- ⁵⁷ *Šafárik P. J.* Památky drevního pismenictvi Jihoslovanů. Praha, 1851.

⁵⁸ ОР РГБ. Пог./I. К. 44. Ед. хр. 45. Л. 27. М. П. Погодин — А. В. Горскому от 8 июня 1865 г.

⁵⁹ *Горский А. В.* Жития свв. Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865. С. 5—42.

⁶⁰ *Горский А. В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию, по синодальному списку // Там же. С. 285—296; *Горский А. В.* Слово на день памяти свв. Кирилла и Мефодия // Там же. С. 441—448.

⁶¹ См.: *Погодин М. П.* Древняя русская история до монгольского ига: в 4 т. М., 1871.

⁶² Цит. по: *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 325.

⁶³ См.: Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. М., 1863, 1867—1916.

⁶⁴ *Цытин В., прот.* Церковное право. Курс лекций. М., 1994. С. 6.

⁶⁵ Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876; Правила святых Поместных соборов с толкованиями. М., 1880; Правила святых отец с толкованиями. М., 1884; Правила святых Вселенских соборов с толкованиями. М., 1877.

⁶⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 38. Ед. хр. 19.

⁶⁷ Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876. С. 3—4.

⁶⁸ См.: *Самарин Ю.* Иезуиты и их отношение к России. М., 1870.

⁶⁹ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 326.

⁷⁰ *Смирнов Е.* История христианской Церкви. СПб., 1901; *Он же.* История христианской Церкви. Репринт. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1997.

⁷¹ См.: *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: в 3 т. СПб., 1868; *Он же.* История Русской Церкви: в 7 кн. М., 1994—1996.

⁷² Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914. С. 315.

⁷³ *Евсеев Е. И.* Древности // Труды / Славянская Комиссия Императорского Московского археологического общества. 1902. Т. 3. С. 64.

⁷⁴ *Барсуков Н. П.* Указ. соч. Т. 1. СПб., 1888. С. 254.

⁷⁵ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 43—44.

⁷⁶ См.: *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 164—185, 187—189, 191—193, 202—210, 212—220, 222—225, 228—230, 333—335.

⁷⁷ ОР РГБ. Ф. 231/I. К. 44. Ед. хр. 45. Л. 7 об.; Ед. хр. 47. Л. 18—18 об.

⁷⁸ Там же. Ед. хр. 45. Л. 8 об. М. П. Погодин — А. В. Горскому от 22 ноября 1842 года; Л. 11—11 об. М. П. Погодин — А. В. Горскому от 15 февраля 1843 года.

⁷⁹ *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. С. 53.

⁸⁰ См.: *Голубинский Е. Е.* О реформе в быте Русской Церкви. М., 1913.

⁸¹ См.: *Каттерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. Сергиев Посад, 1909.

⁸² ОР РГБ. Ф. 78. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1—32.

⁸³ Цит. по: *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 449.

⁸⁴ Там же. С. 449—450; см.: *Мельков А.* Ректор Московской Духовной Академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 12. С. 51.

⁸⁵ Цит. по: *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 450—451.

⁸⁶ Там же. С. 451—452.

⁸⁷ Там же. С. 452.

⁸⁸ *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 453.

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 37—39.

⁹² Там же. С. 39—40.

⁹³ См.: *Mosheim J. L.* Institutiones historiae ecclesasticae antiquae et recentioris. Altera Helmstadii, 1764.

⁹⁴ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. С. 40.

⁹⁵ См. его основной труд: *Neander A.* Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Hamburg, 1828.

⁹⁶ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 40.

⁹⁷ См. его основной труд: *Gieseler I. K.* Lehrbuch der Kirchengeschichte. 6 Bd. Bonn, 1844.

⁹⁸ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 40.

⁹⁹ Там же. С. 41.

¹⁰⁰ *Горский А. В.* История Евангельская и Церкви Апостольской. М., 1883.

¹⁰¹ См.: *Мельков А. С.* Методология церковной истории в научных представлениях А. В. Горского // Материалы Второй научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». М., 2004. С. 168.

- ¹⁰² ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 41 — К. 8. Ед. хр. 2, 3—10.
- ¹⁰³ *Горский А. В.* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 2. 1844. С. 204—299.
- ¹⁰⁴ См.: Москвитянин. 1843. Ч. 3. С. 531; 1844. Ч. 2. С. 123.
- ¹⁰⁵ *Горский А. В.* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. С. 220—222; См.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 12. Ед. хр. 38. Л. 1—5.
- ¹⁰⁶ *Горский А. В.* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I. С. 214.
- ¹⁰⁷ *Горский А. В.* Кирилл II, митрополит Киевский и всея России // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 1. 1843. С. 415—432; *Он же.* Святой Петр, митрополит Киевский, и его исповедание веры // Там же. Ч. 2. 1844. С. 89—128; *Он же.* Святой Алексий, митрополит Киевский и всея России // Там же. Ч. 6. 1848. С. 89—128.
- ¹⁰⁸ *Горский А. В.* Жизнь святого Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Сергиев Посад, 1902; *Он же.* Жизнь святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 3. 1845. С. 1—110; *Он же.* Жизнь блаженного Феодорита, епископа Кирского // Там же. Ч. 14. 1855. С. 309—471.
- ¹⁰⁹ Цит. по: *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 454.
- ¹¹⁰ Там же. С. 454—455.
- ¹¹¹ Цит. по: *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. С. 53.
- ¹¹² См.: *Vaur F.* Kirchengeschichte der drei ersten Jahrhunderte. Tübingen, 1863.
- ¹¹³ *Лебедев А. П.* Указ. соч. С. 458.
- ¹¹⁴ Там же. С. 462.
- ¹¹⁵ ОР РГБ. Ф. 78. К. 2. Ед. хр. 5 — К. 8. Ед. хр. 2.
- ¹¹⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 4. Ед. хр. 1. Л. 1—32.
- ¹¹⁷ См.: *Мельков А. С.* Развитие церковно-исторической науки в России до начала XX века. С. 70—75.
- ¹¹⁸ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 332; *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. Т. 3. Сергиев Посад, 1901. С. 203, 210—211, 219—221, 230—231.
- ¹¹⁹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 32. Ед. хр. 1. Л. 1—2. М. Сухомлинов — А. В. Горскому от 26 ноября 1866 года.
- ¹²⁰ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 334.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же.

Глава IV

¹ См. основные труды А. Х. Востокова: Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи // Собрание словенских памятников, находящихся вне России / сост. П. Кеппенем. СПб., 1827; Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817; Опыты лирические. СПб., 1805—1806; Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831; Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях. СПб., 1831; Филологические наблюдения / издал по поручению 2-го Отделения Академии наук И. Срезневский. СПб., 1865; Грамматика Церковно-Словенского языка изложенная по древнейшим оного письменным памятникам. СПб., 1863; Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музеума. СПб., 1842; Остромирово Евангелие 1056—57 года с приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843; Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды общества любителей российской словесности при Московском университете. 1820. Т. XVII. Ч. XIX.

² О принципах археографической работы А. Х. Востокова см.: *Мельков А.* Русская археография в XIX веке. Учебное пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 13—94.

³ *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской Церкви: в 2 т. СПб., 1827.

⁴ *Полевой Н. А.* История русского народа: в 6 т. М., 1829—1833.

⁵ *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 3 кн., заключающих в себе 12 т. с полными примеч. 5-е изд. СПб., 1842—1843.

⁶ *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы: в 2 кн. Харьков, 1859—1861.

⁷ *Мельков А. С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского. М., 2006. С. 92.

⁸ *Тихонравов Н. С.* Горский и Невоструев // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 343.

⁹ Там же. С. 343—344.

¹⁰ *Мельков А. С.* Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского. М., 2006. С. 93.

¹¹ Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. Кн. V. СПб., 1892. С. 351.

¹² См.: Мельков А. С. О Паннонских житиях святых Кирилла и Мефодия // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы Третьей международной конференции молодых ученых. М.; Ярославль, 2004.

¹³ Горский А. В. О святых Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 6.

¹⁴ Горский А. В. Жития св. Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.

¹⁵ Востоков А. Х. Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.

¹⁶ Тихонравов Н. С. Указ. соч. С. 345; Ягич И. В. История славянской филологии. СПб., 1910. С. 643; См. рецензию А. В. Горского: Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея, составленное А. Востоковым // Москвитянин. 1843. Ч. 2. № 4. С. 500—516.

¹⁷ См.: Мельков А. С. Историко-филологические исследования протоиерея А. В. Горского: опыт объяснения алфавитной таблицы из собрания графа Н. П. Румянцева // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». М.; Ярославль, 2009. С. 69—71.

¹⁸ См.: Мельков А. Русская археография в XIX веке. Учебное пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 99—110.

¹⁹ Филарет (Дроздов), митр. Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843—1867. М., 1883. С. 45—46.

²⁰ Горский А. В. Дневник / под ред. С. К. Смирнова // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 34. 1884. С. 315, 319, 330.

²¹ Воробьев М. Н. А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. № 1. Вып. 1. С. 278.

²² Там же. С. 279.

²³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 39. Ед. хр. 22. Л. 1—6.

²⁴ Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 36. М., 1885. С. 411.

²⁵ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855—1917. 3 Отд.: Отд. 1. Священное Писание. М., 1855. С. 1.

²⁶ Срезневский И. И. Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии // Записки Имп. Акад. Наук. СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 202—203.

²⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 20. Ед. хр. 22. Л. 1—71.

²⁸ Тихонравов Н. С. Указ. соч. С. 350—351.

²⁹ Невоструев К. И. Вновь открытое поучительное послание святого Алексия, митрополита Московского и всея России // Душеполезное чтение. 1861. Ч. 1; Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни. Харьков, 1862; Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном свв. Кириллом и Мефодием, М., 1865; Житие преподобного Иосифа Волоцкого, составленное Саввою, епископом Крутицким // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. Кн. 2. М., 1865; Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868; Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М., 1997.

³⁰ Невоструев К. И. Описание Симбирского Спасского монастыря. М., 1855; Он же. О начале Алатырского Киево-Николаевского монастыря // Вестник Западной России. 1866. № 8—9; Он же. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей // Классика Самарского краеведения: Антология / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара, 2002. С. 31—44; Классика Самарского краеведения: Антология / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара, 2002. С. 32; См. исследования К. И. Невоструева по археологии Поволжья: О городищах Волжско-Болгарского и Казанского царств. М., 1871; Ананьинский могильник Вятской губернии. М., 1871.

³¹ ОР РГБ. Ф. 78. К. 9. Ед. хр. 11. Л. 1—229.

³² Срезневский И. И. Записка, поданная во Второе Отделение Академии наук [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]. Прилож. 1-е к «Отчету о первом присуждении Ломоносовской премии» // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1870. Т. VII. № 1. С. 17—80.

³³ Витошинский Е. М. Указатель именной и предметный к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Варшава, 1915.

³⁴ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2: Писания святых отцов. 2. Писания догматические и духовно-нравственные. М., 1859. С. 409.

³⁵ Там же. Отд. 1: Священное Писание. М., 1855.

³⁶ Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки // *Богословский вестник.* 1900. № 11. С. 485—486.

³⁷ Рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» // *Богословский вестник.* 1900. № 11. С. 493, 495.

³⁸ Черновой вариант см.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 9. Ед. хр. 2; Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // *Богословский вестник.* 1900. № 11. С. 496—515.

³⁹ Там же. С. 511.

⁴⁰ Там же. С. 511—512.

⁴¹ Цит. по: Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки / *Богословский вестник.* 1900. № 11. С. 490.

⁴² Там же. С. 492.

⁴³ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 2: Писания святых отцов: в 3 т. М., 1857—1862.

⁴⁴ Там же. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 1. М., 1869.

⁴⁵ Там же. Отд. 3: Книги богослужебные. Ч. 2. М., 1917.

⁴⁶ См.: *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. СПб., 1882. С. 96.

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 78. К. 23. Ед. хр. 76. Л. 1—1 об. А. Ф. Бычков — А. В. Горскому от 2 декабря 1867 г.

⁴⁸ *Срезневский И. И.* Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии. С. 196—197; *Он же.* Приложение к отчету о первом присуждении Ломоносовской премии // *Записки Имп. Акад. наук.* СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2. С. 240.

⁴⁹ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. II.

⁵⁰ Там же. С. IV.

⁵¹ *Невоструев К. И.* О составе Библии в древней России и о других предметах, изложенных в Описании Синодальной библиотеки и оспариваемых в некоторых на оное рецензиях // *Сборник*

статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. Т. VII. № 6. СПб., 1870. С. 3—4.

⁵² *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей... Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 2.

⁵³ Там же. С. 2—3, 130—132.

⁵⁴ Там же. С. V.

⁵⁵ Там же. С. 135.

⁵⁶ Там же. С. 113.

⁵⁷ Там же. С. 9.

⁵⁸ Там же. С. 56—57.

⁵⁹ Там же. С. 48.

⁶⁰ Там же. С. VII.

⁶¹ *Алексеев А. А.* Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 199—200.

⁶² Там же. С. 135—136.

⁶³ *Алексеев А. А.* Указ. соч. С. 198.

⁶⁴ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. 129.

⁶⁵ Там же. С. 165—180.

⁶⁶ *Срезневский И. И.* Записка, поданная во Второе отделение Академии наук [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание славянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки»]. Прилож. 1-е к «Отчету о первом присуждении Ломоносовской премии» // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1870. Т. VII. № 1. С. 42.

⁶⁷ Подробнее о принципах археографического описания А. Х. Востокова см.: *Мельков А.* Русская археография в XIX веке. Учебное пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. С. 13—94.

⁶⁸ *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 1: Священное Писание. М., 1855. С. X.

⁶⁹ Там же. С. 289.

⁷⁰ Там же. С. 290.

⁷¹ Там же. С. 226.

⁷² Там же. С. 291.

⁷³ Там же. С. 157.

⁷⁴ Следует отметить, что относительные датировки, предложенные в «Описании», лишены исторической точности. Тексты характеризуются как «древние», «древнейшие» или «менее древние» без достаточной убедительности. При этом в «Описании» не

хватает южнославянского литературного фона: «Отмечаемая близость славянских текстов к Ватиканскому или Александрийскому кодексам Септуагинты, конечно, не дает права на какие-либо выводы. Эти недостатки отражают состояние науки в ту эпоху, когда славянская библейская филология делала свои первые шаги» (Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999. С. 196).

⁷⁵ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 2: Писания святых отцов: в 3 т. М., 1857—1862.

⁷⁶ Там же. Отд. 2: Писания святых отцов. 1. Толкование Священного Писания. М., 1857. С. 5—6.

⁷⁷ Там же. С. 69.

⁷⁸ Там же. С. 33—34.

⁷⁹ Там же. С. 292—293.

⁸⁰ Там же. С. IX—X.

⁸¹ Там же. С. 59, 64.

⁸² Там же. С. 201.

⁸³ Там же. С. 145, 146.

⁸⁴ Там же. Отд. 2: Писания святых отцов. 3. Разные богословские сочинения. М., 1862.

⁸⁵ Там же. С. 81, 130.

⁸⁶ Там же. С. 599.

⁸⁷ Горский А. В. Памятники духовной литературы времен Великого Князя Ярослава I // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 2. 1844.

⁸⁸ Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Отд. 3: Книги богослужбные. Ч. 1. М., 1869.

⁸⁹ Там же. С. XXI.

⁹⁰ Глубоковский Н. Н. Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002. С. 50.

⁹¹ Воскресенский Г. А. А. В. Горский // Славянское обозрение. 1892. Т. 3. Кн. 10. С. 178.

⁹² Miklosich Fr. Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865; Востоков А. X. Словарь церковнославянского языка. Т. 1—2. СПб., 1858—1861.

Глава V

¹ Попов С. Указ. соч. // Богословский вестник. № 5. 1896. С. 261.

² Там же.

³ Черновой экземпляр прошения см.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 2. Л. 1.

⁴ К биографии ректора Московской Духовной Академии А. В. Горского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 3. С. 156—157.

⁵ ОР РГБ. Ф. 78. К. 20. Ед. хр. 47. Л. 1—1 об.

⁶ ОР РГБ. Ф. 78. К. 22. Ед. хр. 1. Л. 3. А. В. Горский — епископу Леониду (Краснопевкову) от 9 марта 1860 г.

⁷ К биографии ректора Московской Духовной Академии А. В. Горского. С. 157; Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 556; Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 4.

⁸ Иркутские епархиальные ведомости. 1879. № 30; *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883. С. 221—220.

⁹ К биографии ректора Московской Духовной Академии А. В. Горского. С. 158.

¹⁰ *Толстой Д. Н.* Указ. соч. С. 474.

¹¹ Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 303.

¹² ОР РГБ. Ф. 78. К. 22. Ед. хр. 17. Л. 15. А. В. Горский — К. И. Невостреву от 20 мая 1860 г.

¹³ *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 5. С. 263.

¹⁴ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб., 1900. С. 679.

¹⁵ *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999. С. 289—291.

¹⁶ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 127—128, примеч.

¹⁷ Там же. С. 129—136.

¹⁸ *Римский С. В.* Указ. соч. С. 292; См.: Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 109—150.

¹⁹ См. об этом проекте в черновых работах Горского по духовно-училищному делу: ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. хр. 19 — К. 20. Ед. хр. 14.

²⁰ ОР РГБ. Ф. 316. К. 66. Ед. хр. 31. Л. 12; Ед. хр. 22. Л. 2, 4 об.—5 об., 7.

²¹ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 146, примеч.

²² ОР РГБ. Ф. 316. К. 66. Ед. хр. 23. Журналы Комитета от 18 и 24 августа, 1, 15 и 24 сентября, 20 октября и 10 ноября 1860 г.

²³ См. черновики Горского по духовно-училищному делу: ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. хр. 19 — К. 20. Ед. хр. 14.

²⁴ См.: *Венедиктов В. Ю.* Греко-болгарская церковная распря и ее отражение в русской общественной жизни второй половины XIX века: К. Н. Леонтьев // Платоновские чтения: сб. научных трудов / под ред. Кабытова П. С. Самара, 2003. С. 137—140; *Он же.* Православный Восток в трудах общественных и церковных деятелей России XIX века // Церковь и время. 2004. № 4. С. 240—249.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 78. К. 26. Ед. хр. 81. Л. 7. В. Д. Кудрявцев — А. В. Горскому от 12 апреля 1861 г.; *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 7. С. 48.

²⁶ *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1887. С. 3—4.

²⁷ Там же. Т. 4. М., 1886. С. 574.

²⁸ *Смирнов С. Александр Васильевич Горский* // Богословский вестник. 1900. № 11. С. 431.

²⁹ *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1887. С. 323—324.

³⁰ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. Т. 2. Сергиев Посад, 1899. С. 795—796; Т. 3. Сергиев Посад, 1901. С. 33; *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. Т. 5. Кн. 1. М., 1887. С. 354—355.

³¹ Письма митрополита Московского Филарета к А. В. Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 29. 1882. С. 551.

³² Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 157—158.

³³ Цит. по: *Попов С.* Указ. соч. // Богословский вестник. 1896. № 7. С. 53.

³⁴ *Попов С.* Указ. соч. Сергиев Посад, 1897. С. 98.

³⁵ Там же. С. 99.

³⁶ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 158.

³⁷ Там же. С. 160, 161, 172, 173.

³⁸ *Смирнов С.* Указ. соч. С. 433.

³⁹ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 164.

⁴⁰ Там же. С. 165—172.

⁴¹ *Салтыков А., свящ.* Краткий очерк истории Московской Духовной Академии. Ректор Академии проф. прот. А. В. Горский // Богословские труды. 300 лет МДА. М., 1986. С. 90.

⁴² Дневник А. В. Горского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 35. 1884. С. 243.

- ⁴³ *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879. С. 277.
- ⁴⁴ *Соколов В.* Из воспоминаний об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. С. 465; *Смирнов С.* Указ. соч. С. 434.
- ⁴⁵ *Воронец Е. Н.* Указ. соч. С. 10, 14—15, 19.
- ⁴⁶ *Смирнов С.* Указ. соч. С. 435.
- ⁴⁷ *Корсунский И. Н.* Покровская церковь Московской Духовной Академии // Богословский вестник. 1898. № 11. С. 211.
- ⁴⁸ *Смирнов С.* Указ. соч. С. 435.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ *Воронец Е. Н.* Указ. соч. С. 16
- ⁵¹ *Смирнов С.* Указ. соч. С. 436.
- ⁵² Там же.
- ⁵³ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 316; См. лекции по догматике: ОР РГБ. Ф. 78. К. 8. Ед. хр. 4—7, 9.
- ⁵⁴ Цит. по: *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. С. 54.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 44—45.
- ⁵⁷ *Ключевский В. О.* Указ. соч. С. 309.
- ⁵⁸ *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митр. Московского. М., 1868. С. 139.
- ⁵⁹ *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. Т. 5. Кн. 2. М., 1887. С. 624.
- ⁶⁰ Сборник, изданный Московской Духовной Академией по случаю празднования ее пятидесятилетия. М., 1864. С. 28—33.
- ⁶¹ Там же. С. 39—40.
- ⁶² Там же. С. 41—43.
- ⁶³ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. Т. 1. Сергиев Посад, 1898. С. 409.
- ⁶⁴ Из писем Н. И. Субботина к родственнику протоиерею М. В. Миловскому // УТроицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 702.
- ⁶⁵ *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора. Пг., 1914. С. 173.
- ⁶⁶ *Смирнов С.* Указ. соч. С. 437.
- ⁶⁷ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 22.
- ⁶⁸ Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 7.

- ⁶⁹ *Корсунский И. Н.* Указ. соч. С. 188—189; 200—201.
- ⁷⁰ Из воспоминаний студента // Богословский вестник. 1915. № 9—11. С. 725—726.
- ⁷¹ Правила святых отец с толкованиями. М., 1884. С. 430.
- ⁷² *Флоровский Г.* Указ. соч. С. 360.
- ⁷³ *Салтыков А., свящ.* Указ. соч. С. 92; *Римский С. В.* Указ. соч. С. 494.
- ⁷⁴ Краткое воспоминание о Московской Духовной Академии в период 1876—1880 гг. // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 174.
- ⁷⁵ Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. М., 2001. С. 338.
- ⁷⁶ *Михаил (Лузин), архим.* О Евангелиях и Евангельской истории: По поводу книги «Жизнь Иисуса». Соч. Ренана: Опыт обзора и разбора так называемой отрицательной критики Евангелий и Евангельской истории. М., 1870; *Он же.* О тексте Синайской рукописи Библии. М., 1863; *Он же.* Столетие из истории толкования Библии у нас в России: Актовая речь / Годичный акт в Московской Духовной Академии 1 окт. 1877 г. М., 1878; *Он же.* Толковое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна. М., 1870—1874; *Он же.* Толковый Апостол. Деяния и послания апостолов с Апокалипсисом. М., 1876.
- ⁷⁷ *Лебедев А. П.* Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России // Богословский вестник. 1895. № 7. С. 289—321.
- ⁷⁸ Наиболее популярные духовные журналы: Душеполезное чтение. М., 1860—1917; Киевская старина. Киев, 1882—1906; Православное обозрение. М., 1860—1891; Православный собеседник. Казань, 1855—1917; Прибавления к творениям святых отец. М., 1843—1891; Странник. СПб., 1860—1917; Христианское чтение. СПб., 1821—1914; Пг., 1914—1918; Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. М., 1863, 1867—1916.
- ⁷⁹ *Глубоковский Н. Н.* Указ. соч. С. 55.
- ⁸⁰ Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885. С. 192—193; Цит. по: *Смирнов С.* Указ. соч. С. 438.
- ⁸¹ *Нечкина М. В.* В. О. Ключевский. М., 1974. С. 170—173; *Голубцов С., протодьякон.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. М., 1999. С. 53.
- ⁸² *Глубоковский Н.* За тридцать лет (1884—1914) // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материа-

лов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 742.

⁸³ ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 4. Л. 1—1 об.

⁸⁴ Цит. по: *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 335—336.

⁸⁵ Там же. С. 337.

⁸⁶ См.: ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Ед. хр. 68. Л. 3.

⁸⁷ *Смирнов С.* Указ. соч. С. 439.

⁸⁸ *Толстой Д. Н.* Указ. соч. С. 476; Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 5.

⁸⁹ *Савва (Тихомиров), архиеп.* Указ. соч. Т. 3. Сергиев Посад, 1901. С. 348—349.

⁹⁰ Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 6.

⁹¹ Отрывки из дневника А. В. Горского // УТроицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 486—492; Цит. по: *Смирнов С.* Указ. соч. С. 440.

⁹² *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 444—445.

⁹³ *Заозерский Н.* Напутственное приобщение Св. Таин А. В. Горского // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 493.

⁹⁴ Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 6; *Смирнов С.* Указ. соч. С. 440.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896. С. 283.

⁹⁷ Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12. С. 6—7, 11—14.

⁹⁸ Там же. С. 7, 14—26, 29.

Заключение

¹ *Гиляров-Платонов Н. П.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб., 1899. С. 464.

² У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914. С. 7—8.

³ *Троицкий Н.* Указ. соч. С. 425.

⁴ *Постников П., свящ.* Указ. соч. С. 340.

⁵ Там же. С. 341.

⁶ *С-ов* А. Протоиерей А. В. Горский (1812—1962) // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 10. С. 80.

⁷ Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (1700—1917 гг.) // *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 2. М., 1997. С. 64.

Приложения

¹ Фрагменты ученой переписки А. В. Горского и К. И. Невоструева (с. 206—212) печатаются по: *Воробьев М. Н.* А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. № 1. Вып. 1. С. 284—285, 286—287, 292—295.

Источники и литература

Архивные источники

1. ОР РГБ. Ф. 36. К. 3. Ед. хр. 34.
2. ОР РГБ. Ф. 51. К. 32. Ед. хр. 32.
3. ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 2, 4, 6—14, 16, 19.
4. ОР РГБ. Ф. 78. К. 1. Ед. хр. 41 — К. 8. Ед. хр. 10.
5. ОР РГБ. Ф. 78. К. 9. Ед. хр. 2.
6. ОР РГБ. Ф. 78. К. 10. Ед. хр. 4—5.
7. ОР РГБ. Ф. 78. К. 11. Ед. хр. 1—2.
8. ОР РГБ. Ф. 78. К. 12. Ед. хр. 38.
9. ОР РГБ. Ф. 78. К. 18. Ед. хр. 1.
10. ОР РГБ. Ф. 78. К. 19. Ед. хр. 19 — К. 20. Ед. хр. 14.
11. ОР РГБ. Ф. 78. К. 20. Ед. хр. 22, 47.
12. ОР РГБ. Ф. 78. К. 22. Ед. хр. 1, 41.
13. ОР РГБ. Ф. 78. К. 23. Ед. хр. 76.
14. ОР РГБ. Ф. 78. К. 24. Ед. хр. 68.
15. ОР РГБ. Ф. 78. К. 26. Ед. хр. 81.
16. ОР РГБ. Ф. 78. К. 29. Ед. хр. 47.
17. ОР РГБ. Ф. 78. К. 30. Ед. хр. 30.
18. ОР РГБ. Ф. 78. К. 32. Ед. хр. 1.
19. ОР РГБ. Ф. 78. К. 33. Ед. хр. 44.
20. ОР РГБ. Ф. 78. К. 38. Ед. хр. 19.
21. ОР РГБ. Ф. 78. К. 39. Ед. хр. 22.
22. ОР РГБ. Ф. 316. К. 66. Ед. хр. 22.
23. ОР РГБ. Ф. 316. К. 66. Ед. хр. 23.
24. ОР РГБ. Ф. 316. К. 66. Ед. хр. 31.
25. ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 44. Ед. хр. 45.
26. ОР РГБ. Ф. 231/1. К. 44. Ед. хр. 47.

Опубликованные источники

1. Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // Богословский вестник. 1900. № 11.

2. *Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина: в 22 кн. Кн. 1, 7, 10, 11. СПб., 1888—1897.
3. *Беляев А. Д.* А. В. Горский. М., 1877.
4. *Викторов А. Е.* Последнее мнение Шафарика о глаголице // Летописи русской литературы и древности. Т. 2. Кн. 4. Отд. 1. М.: Н. Тихонравов, 1859.
5. *Витошинский Е. М.* Указатель именной и предметный к труду А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки». Варшава, 1915.
6. *Воробьев М. Н.* А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. № 1. Вып. 1.
7. *Воронец Е. Н.* К воспоминаниям о скончавшемся в Бозе протоиерее А. В. Горском. Харьков, 1877.
8. Воспоминания об А. В. Горском // Духовная беседа. 1875. № 45.
9. Воспоминания П. С. Казанского об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11.
10. *Высоцкий Н. Г.* А. В. Горский в воспоминаниях одного из его учеников // Русский архив. 1913. Т. 1.
11. Гатцука. 1875. № 41.
12. *Гиляров-Платонов Н. П.* Из пережитого. СПб., 1882.
13. *Гиляров-Платонов Н. П.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. СПб., 1899.
14. *Глубоковский Н.* За тридцать лет (1884—1914) // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
15. Голос. 1875. № 298.
16. *Горский А. В.* Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1842, 1852, 1857, 1873, 1890.
17. *Горский А. В.* Кирилл II, митрополит Киевский и всея России // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 1. 1843.
18. *Горский А. В.* Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное А. Востоковым // Москвитянин. 1843. Ч. 2. № 4.
19. *Горский А. В.* О святых Кирилле и Мефодии // Москвитянин. 1843. Ч. 3. № 6.
20. *Горский А. В.* Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава I // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 2. 1844.

21. *Горский А. В.* Святой Петр, митрополит Киевский, и его исповедание веры // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 2. 1844.

22. *Горский А. В.* Жизнь святого Василия Великого, архиепископа Кесарийского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 3. 1845.

23. *Горский А. В.* Святой Алексей, митрополит Киевский и всея России // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 6. 1848.

24. *Горский А. В.* Жизнь блаженного Феодорита, епископа Кирского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 14. 1855.

25. *Горский А. В., Невоструев К. И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки: в 3 отд. М., 1855—1917. Отд. 1: Священное Писание. М., 1855; Отд. 2: Писания святых отцов: в 3 т. М., 1857—1862; Отд. 3: Книги богослужебные: в 2 т. М., 1862—1917.

26. *Горский А. В.* Жития свв. Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.

27. *Горский А. В.* О древних канонах святым Кириллу и Мефодию, по Синодальному списку // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.

28. *Горский А. В.* Слово на день памяти свв. Кирилла и Мефодия // Кирилло-Мефодиевский сборник: в память о свершившемся тысячелетии славянской письменности и христианства в России. М.: М. П. Погодин, 1865.

29. *Горский А. В.* История Евангельская и Церкви Апостольской. М., 1883.

30. *Горский А. В.* Жизнь святого Афанасия Великого, архиепископа Александрийского. Сергиев Посад, 1902.

31. Гражданин. 1876. № 4.

32. Дневник А. В. Горского // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 34, 35. 1884.

33. Дневник А. В. Горского / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885.

34. *Добровский Й.* Кирилл и Мефодий, словенские первоучители: Историко-критическое исследование / пер. с немецкого. М., 1825.

35. Домашняя беседа. 1875. № 43.

36. Донские епархиальные ведомости. 1875. № 21.

37. Душеполезное чтение. 1896. Т. 3.
38. *Евгений (Болховитинов), митр.* Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-русской Церкви: в 2 т. СПб., 1827.
39. *Заозерский Н.* Напутственное приобщение Св. Таин А. В. Горского // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
40. Записка академика А. Ф. Бычкова. Приложение к отчету о первом присуждении Ломоносовской премии // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2.
41. Из воспоминаний студента // Богословский вестник. 1915. № 9—11.
42. Из писем Н. И. Субботина к родственнику протоиерею М. В. Миловскому // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
43. Иллюстрированная неделя. 1875. № 44.
44. Иркутские епархиальные ведомости. 1879. № 30.
45. К биографии ректора Московской Духовной Академии А. В. Горского // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1875. № 3.
46. *Казанский П.* Из моих воспоминаний об А. В. Горском по поводу речи профессора С. Смирнова // Православное обозрение. 1876. № 12.
47. *Калинников Н.* А. В. Горский. Несколько личных воспоминаний // Церковно-общественный вестник. 1876. № 1.
48. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 3 кн., заключающих в себе 12 т. с полными примеч.: в 3 кн. 5-е изд. СПб.: И. Эйнерлинг, 1842—1843.
49. *Катанский А. Л.* Воспоминания старого профессора. Пг., 1914.
50. Краткое воспоминание о Московской Духовной Академии в период 1876—1880 гг. // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
51. *Лавров А.* Слово в день годовичного поминовения ректора Московской Духовной Академии прот. А. В. Горского // Православное обозрение. 1876. № 12.
52. *Лебедев А. П.* Несколько воспоминаний о покойном Горском как профессоре церковной истории // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1879. Т. 1.

53. *Лебедев А. П.* Протоиерей А. В. Горский, ректор и профессор М. Д. Академии // Вера и Церковь. 1900. № 11.
54. Мемские епархиальные ведомости. 1875. № 23.
55. *Михаил (Лузин), архим.* Памяти А. В. Горского // Душеполезное чтение. 1875. Ч. 3. № 11.
56. Московские ведомости. 1875. № 265—266.
57. *Н. В.* По случаю разборки библиотеки А. В. Горского // Церковный вестник. 1876. № 3.
58. *Нечаев В. П.* Святитель Димитрий, митрополит Ростовский. М., 1848.
59. Нива. 1875. № 45.
60. *Остроумов И. Н.* История Флорентийского собора. Магистерская диссертация, переработанная проф. А. В. Горским. М., 1847.
61. Орывки из дневника А. В. Горского // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
62. Переписка профессора Московской Духовной Академии П. С. Казанского с А. Н. Бахмеевой // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
63. Памяти почивших наставников. Сергиев Посад, 1914.
64. Памяти ректора Моск. Дух. Академии, доктора богословия, протоиерея А. В. Горского // Православное обозрение. 1875. № 12.
65. Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету. СПб., 1900.
66. Письма митрополита Московского Филарета к А. В. Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 29, 30. М., 1882.
67. Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. Ч. 31. М., 1883; Ч. 33. 1884; Ч. 36. 1885.
68. Письма Филарета, архиепископа Черниговского к А. В. Горскому / с примеч. прот. С. Смирнова. М., 1885.
69. Письмо в редакцию, памяти А. В. Горского // Вольнские епархиальные ведомости. 1876. № 2.
70. Правила святых апостол с толкованиями. М., 1876.
71. Правила святых Вселенских соборов с толкованиями. М., 1877.
72. Правила святых отец с толкованиями. М., 1884.
73. Правила святых Поместных соборов с толкованиями. М., 1880.

74. *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. I. № 577—819. М., 1970.

75. *Протасьева Т. Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). Ч. II. № 820—1051. М., 1973.

76. Протоиерей А. В. Горский // Странник. Т. 4. № 10. 1875.

77. Протоиерей А. В. Горский и протоиерей Е. И. Попов. Церковная летопись // Духовная беседа. 1875. № 42.

78. Протоиерей Александр Васильевич Горский в воспоминаниях о нем Московской Духовной Академии в двадцать пятую годовщину со дня его смерти, 11 и 22 октября 1900 года, с приложением некоторых неизданных бумаг из архива А. В. Горского. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1900.

79. Рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» // Богословский вестник. 1900. № 11.

80. *Савва (Тихомиров), архиеп.* Хроника моей жизни: в 3 т. Сергиев Посад, 1897—1901.

81. Сборник Т. Филиппова. СПб., 1896.

82. *Смирнов А. П.* Страница из студенческого дневника // Душеполезное чтение. 1891. Т. 3.

83. *Смирнов Е.* История христианской церкви. СПб., 1901.

84. *Смирнов С.* Александр Васильевич Горский // Богословский вестник. 1900. № 11.

85. *Смирнов С. К.* Воспоминания о покойном ректоре М. Д. А. протоиерее А. В. Горском // Православное обозрение. 1876. № 11.

86. *Смирнов С. К.* Sortes Sanctorum // Православное обозрение. 1876. № 11.

87. *Смирнов-Платонов Г. П.* Из области воспоминаний и мечтаний // Детская помощь. М., 1885.

88. Современность. 1875. № 120.

89. Современные известия. 1875. № 353.

90. *Соколов В.* Из воспоминаний об А. В. Горском // Богословский вестник. 1900. № 11.

91. *Соколов В. А.* Ректор М. Д. Ак. прот. А. В. Горский // Воскресный день. 1887. № 3—6.

92. *Соловьев С. М.* Мои записки для моих детей, а если можно, то и для других // Вестник Европы. СПб., 1907. № 3.

93. *Срезневский И. И.* Отчет о первом присуждении Ломоносовской премии // Записки Императорской Академии наук. СПб., 1868. Т. 12. Кн. 2.

94. Срезневский И. И. Записка, поданная во Второе Отделение Академии наук [О труде г.г. Горского и Невоструева «Описание сла-

вянских рукописей Патриаршей, ныне Синодальной библиотеки]. Прилож. 1-е к «Отчету о первом присуждении Ломоносовской премии» // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Имп. Академии наук. СПб., 1870. Т. VII. № 1. С 17–80.

95. *Субботин Н.* Воспоминания, заметки и письма. А. В. Горский // Русское обозрение. 1896. Т. 37.

96. *Сушков Н. В.* Записки о жизни и времени святителя Филарета, митр. Московского. М., 1868.

97. Тамбовские епархиальные ведомости. 1875. № 21.

98. *Толстой Д. Н.* Александр Васильевич Горский // Русский архив. 1875. Т. 3.

99. *Толстой М. В.* Воспоминания // Русский архив. 1881. Т. 1.

100. *Троицкий Н.* Воспоминание о протоиерее А. В. Горском † 1875 г. окт. 11-го дня // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. 1881. Т. 3.

101. Тульские епархиальные ведомости. 1875. № 21.

102. *Фивейский П.* Взгляд на историю Русской Церкви. М., 1834.

103. *Филарет (Дроздов), митр.* Письма к покойному архиепископу Тверскому Алексию. 1843–1867. М., 1883.

104. *Филарет (Дроздов), митр.* Собрание мнений и отзывов по учебным и церковно-государственным вопросам: в 5 т. Т. 4–5. М., 1886–1887.

105. *Филиппов Т. И.* А. В. Горский // Журнал Министерства народного просвещения. 1875. Кн. 182. № 11–12.

106. *Хойнацкий, свящ.* Панихида по А. В. Горскому в институтской церкви // Волынские епархиальные ведомости. 1875. № 22–23.

107. Церковный вестник. 1875. № 44.

108. Ярославские епархиальные ведомости. 1875. № 47–48.

Литература

1. *Барсуков И.* Иннокентий, Митрополит Московский и Коломенский. М., 1883.

2. *Венедиктов В. Ю.* Греко-болгарская церковная распря и ее отражение в русской общественной жизни второй половины XIX века: К. Н. Леонтьев // Платоновские чтения: сб. научных трудов / под ред. Кабытова П. С. Самара, 2003.

3. *Венедиктов В. Ю.* Православный Восток в трудах общественных и церковных деятелей России XIX века // Церковь и время. 2004. № 4.

4. *Воробьев М. Н.* А. В. Горский и К. И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. М., 1997. № 1. Вып. 1.

5. *Воскресенский Г. А.* В. Горский // Славянское обозрение. 1892. Т. 3. Кн. 10.
6. *Воскресенский Г. А.* О заслугах прот. А. В. Горского для славяно-русской историко-филологической науки // Богословский вестник. 1900. № 11.
7. *Востоков А. Х.* Опыты лирические. СПб., 1805–1806.
8. *Востоков А. Х.* Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817.
9. *Востоков А. Х.* Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды общества любителей российской словесности при Московском университете. 1820. Т. XVII. Ч. XIX.
10. *Востоков А. Х.* Грамматические объяснения на три статьи Фрейзингенской рукописи // Собрание словенских памятников, находящихся вне России / сост. П. Кеппенем. СПб., 1827.
11. *Востоков А. Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию сокращенной грамматики полнее изложенная. СПб., 1831.
12. *Востоков А. Х.* Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях. СПб., 1831.
13. *Востоков А. Х.* Описание русских и славянских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842.
14. *Востоков А. Х.* Остромирово Евангелие 1056–57 года с приложением греческого текста Евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.
15. *Востоков А. Х.* Словарь церковно-славянского языка / Имп. АН. Отд. рус. яз. и словесности: в 2 т. СПб., 1858–1861.
16. *Востоков А. Х.* Грамматика Церковно-Словенского языка изложенная по древнейшим оного письменным памятникам. СПб., 1863.
17. *Востоков А. Х.* Филологические наблюдения / издал по поручению 2-го Отделения Академии наук И. Срезневский. СПб., 1865.
18. *Гайдаренко П.* Протоиерей Александр Васильевич Горский как исследователь славяно-русской книжности и литературы. (Машинопись). Сергиев Посад, 2004.
19. *Геннадий (Гоголев), архим.* Великан учености. Жизнь и труды протоиерея А. В. Горского. М., 2004.
20. *Глубоковский Н. Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. М., 2002.
21. *Голубинский Е. Е.* О реформе в быте Русской Церкви. М., 1913.
22. *Голубцов С., протодиакон.* Московская Духовная Академия в начале XX века. Профессура и сотрудники. М., 1999.

23. *Евсеев Е. И.* Древности // Труды / Славянская комиссия Императорского Московского археологического общества. 1902. Т. 3.
24. *Жуковская Л. П.* Лексика изборника 1073 года в «Описании рукописей Синодальной библиотеки» // Изборник Святослава 1073 г. М., 1977.
25. *Иконников В. С.* Опыт истории русской историографии: в 2 т. Т. 1. Киев, 1891—1892.
26. *Иларион (Троицкий), архим.* Храм Императорской Московской Духовной Академии к началу второго столетия ее существования. Сергиев Посад, 1914.
27. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887.
28. *Каптерев Н. Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович: в 2 т. Сергиев Посад, 1909.
29. *Кириллин В.* Александр Горский и русская археография // Историческая газета. 1996. № 0.
30. *Кириллин В. М.* Научные труды протоиерея Александра Горского и развитие русской археографии // «Честному и грозному Ивану Васильевичу»: к 70-летию Ивана Васильевича Лёвочкина: сб. статей. М., 2004.
31. *Ключевский В. О.* Отзывы и ответы. Пг., 1918.
32. *Корсунский И. Н.* Покровская церковь Московской Духовной Академии // Богословский вестник. 1898. № 11.
33. *Лебедев А. П.* Краткий очерк хода развития церковно-исторической науки у нас в России // Богословский вестник. 1895. № 7.
34. *Лебедев А. П.* Церковная историография в главных ее представителях с IV по XX век. М., 1903.
35. *Лебедев А. П.* Церковный историк А. В. Горский // А. П. Лебедев. Церковная историография в главных ее представителях с IV века до XX. СПб., 2000.
36. *Лисовой Н. Н.* Богословские взгляды протоиерея Александра Горского // Богословские труды. Сб. 37. М., 2002.
37. *Макарий (Булгаков), архим.* История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской церкви. СПб., 1846.
38. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: в 3 т. СПб., 1868.
39. *Макарий (Булгаков), митр.* История Русской Церкви: в 7 кн. М., 1994—1996.
40. *Мельков А. С.* Ректор Московской Духовной Академии А. В. Горский и его вклад в развитие русской церковно-исторической науки // Журнал Московской Патриархии. 2002. № 12.

41. Мельков А. С. Развитие церковно-исторической науки в России до начала XX века // Журнал Московской Патриархии. 2003. № 2.

42. Мельков А. С. История «Описания собрания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева // Церковь и время. 2004. № 2.

43. Мельков А. С. Методология церковной истории в научных представлениях А. В. Горского // Материалы Второй научно-методической конференции «Гуманитарные науки и православная культура». М., 2004.

44. Мельков А. С. Митрополит Филарет и Московские духовные школы // Сборник материалов по итогам научно-исследовательской деятельности молодых ученых в областях гуманитарных, естественных и технических наук в 2003 году. М., 2004.

45. Мельков А. С. О Паннонских житиях святых Кирилла и Мефодия // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы Третьей международной конференции молодых ученых. М.; Ярославль, 2004.

46. Мельков А. С. «Дела их ходят вслед их»: Святитель Филарет Московский и протоиерей Александр Горский // Церковь и время. 2005. № 4.

47. Мельков А. С. Из истории публикации «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева // Филологическая наука в XXI веке: взгляд молодых. Материалы Четвертой всероссийской конференции молодых ученых. М.; Ярославль, 2005.

48. Мельков А. С. Жизненный путь и научное наследие протоиерея А. В. Горского / А. С. Мельков. М.: Пашков дом, 2006. 216 с.: ил. (Духовные чтения).

49. Мельков А. С. Протоиерей А. В. Горский и Московская Духовная Академия // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Вып. 1. М., 2007.

50. Мельков А. С. Историко-филологические исследования протоиерея А. В. Горского: опыт объяснения алфавитной таблицы из собрания графа Н. П. Румянцева // Актуальные вопросы изучения духовной культуры: материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. X Юбилейные Кирилло-Мефодиевские чтения». М.; Ярославль, 2009.

51. Мельков А. С. Историко-лингвистический анализ «Описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» А. В. Горского и К. И. Невоструева // Труды Коломенской Духовной Семинарии. Вып. 4. М., 2009.

52. Мельков А. С. Протоиерей А. В. Горский как церковный историк, богослов и археограф // Церковь и время. 2009. № 1.
53. Мельков А. Русская археография в XIX веке: учебное пособие. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2011.
54. Михаил (Лузин), архим. О Евангелиях и Евангельской истории: По поводу книги «Жизнь Иисуса». Соч. Ренана: Опыт обзора и разбора так называемой отрицательной критики Евангелий и Евангельской истории. М., 1870.
55. Невоструев К. И. Описание Симбирского Спасского монастыря. М., 1855.
56. Невоструев К. И. Вновь открытое поучительное послание святого Алексия, митрополита Московского и всея России // Духополезное чтение. 1861. Ч. 1.
57. Невоструев К. И. Древнерусские поучения и послания об иноческой жизни. Харьков, 1862.
58. Невоструев К. И. Житие преподобного Иосифа Волоцкого, составленное Саввою, епископом Крутицким // Чтения в Московском Обществе любителей духовного просвещения. Кн. 2. М., 1865.
59. Невоструев К. И. Записка о переводе Евангелия на славянский язык, сделанном свв. Кириллом и Мефодием, М., 1865.
60. Невоструев К. И. О начале Алатырского Киево-Николаевского монастыря // Вестник Западной России. 1866. № 8—9.
61. Невоструев К. И. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868.
62. Невоструев К. И. О составе Библии в древней России и о других предметах, изложенных в Описании Синодальной библиотеки и оспариваемых в некоторых на оное рецензиях // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук. Т. VII. № 6. СПб., 1870.
63. Невоструев К. И. Ананьинский могильник Вятской губернии. М., 1871.
64. Невоструев К. И. О городищах Волжско-Болгарского и Казанского царств. М., 1871.
65. Невоструев К. И. Мстиславово Евангелие XII века. Исследования. М., 1997.
66. Невоструев К. И. Историческое описание бывших в городе Самаре мужского Спасо-Преображенского и женского Спасского монастырей // Классика Самарского краеведения: Антология / под ред. П. С. Кабытова, Э. Л. Дубмана. Самара, 2002.
67. Нечкина М. В. В. О. Ключевский. М., 1974.
68. Погодин М. П. Древняя русская история до монгольского ига: в 4 т. М., 1871.

69. *Полевой Н. А.* История русского народа: в 6 т. М., 1829—1833.
70. *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии протоиерей А. В. Горский // Богословский вестник. 1896. № 1, 5, 7.
71. *Попов С.* Ректор Московской Духовной Академии прот. А. В. Горский. Сергиев Посад, 1897.
72. *Постников П., свящ.* Очерки жизни и деятельности Александра Васильевича Горского // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
73. Православная богословская энциклопедия. Т. 4. СПб., 1903.
74. *Римский С. В.* Российская Церковь в эпоху Великих реформ. М., 1999.
75. Русские писатели-богословы. Историки Церкви. Исследователи и толкователи Священного Писания. М., 2001.
76. *Салтыков А., свящ.* Краткий очерк истории Московской Духовной Академии. Ректор Академии проф. прот. А. В. Горский // Богословские труды. 300 лет МДА. М., 1986.
77. *Самарин Ю.* Иезуиты и их отношение к России. М., 1870.
78. Сборник, изданный Московской Духовной Академией по случаю празднования ее пятидесятилетия. М., 1864.
79. Святая Русь. Хронологический список канонизированных святых, почитаемых подвижников благочестия и мучеников Русской Православной Церкви (1700—1917 гг.) // Смолич И. К. История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 2. М., 1997.
80. Слово святого Ипполита об антихристе в славянском переводе по списку XII века. М., 1868.
81. *Смирнов С. К.* История Московской Духовной Академии. М., 1879.
82. *Смолич И. К.* История Русской Церкви. 1700—1917. Ч. 1. М., 1996.
83. *С-ов А.* Протоиерей А. В. Горский (1812—1962) // Журнал Московской Патриархии. 1962. № 10.
84. *Тихонравов Н. С.* Горский и Невоструев // У Троицы в Академии, 1814—1914 гг.: Юбилейный сб. исторических материалов / Издание бывших воспитанников Московской Духовной Академии. М., 1914.
85. *Филарет (Гумилевский), еп.* Кирилл и Мефодий, славянские просветители. М., 1846.
86. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Житие святых Кирилла и Мефодия, славянских просветителей. СПб., 1885.
87. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* Обзор русской духовной литературы: в 2 кн. Харьков, 1859—1861.

88. *Филарет (Дроздов), архим.* Начертание церковно-библейской истории в пользу духовного юношества. СПб., 1816.

89. *Флоровский Г.* Пути русского богословия. Париж, 1937.

90. *Христианство: Энциклопедический словарь: в 2 т. Т. 1.* М., 1993.

91. *Цытин В., прот.* Церковное право. Курс лекций. М., 1994.

92. *Чистович И. А.* Исправление текста Славянской Библии перед изданием 1751 года // *Православное обозрение.* М., 1860. Ч. 1.

93. *Шевырев С. П.* История русской словесности, преимущественно древней: в 3 т. М., 1846.

94. Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки // *Богословский вестник.* 1900. № 11.

95. *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910.

Литература на иностранных языках

1. *Baur F.* Kirchengeschichte der drei ersten Jahrhunderte. Tübingen, 1863.

2. *Časopis Českého Musea.* Praha, 1846.

3. *Dümler.* Die pannonische Legende vom heiligen Methodius. Wein, 1854.

4. *Gieseler I. K.* Lehrbuch der Kirchengeschichte. 6 Bd. Bonn, 1844.

5. *Miklosich Fr.* Lexicon palaeo-slovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865.

6. *Mosheim J. L.* Institutiones historiae ecclesiasticae antiquae et recentioris. Altera Helmstadii, 1764.

7. *Neander A.* Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche. Hamburg, 1828.

8. *Necrologie A. Gorski* // *Polybiblion Revue bibl. Universelle.* № 2.

9. *Šafárik P. J.* Památky drevního pismenictví Jihoslovanů. Praha, 1851

Содержание

Предисловие. <i>А. В. Лубков</i>	3
От автора.....	6
Введение.....	9
Глава I. В НАЧАЛЕ ЖИЗНЕННОГО ПУТИ	
1. «Не красна изба углами...».....	28
2. В святилище русской богословской науки.....	34
3. Бумага — верный друг, буквы — история сердца	44
Глава II. ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	
1. Всенощное бдение в честь истины.....	52
2. Учитель, который учит словом и жизнью	58
3. Идеальный библиотекарь.....	64
Глава III. НАУЧНОЕ РУКОВОДСТВО	
1. Для славы Божией и братнего блага	70
2. Русский Оксфорд.....	73
3. Кормчий ученых.....	83
4. Лекционные курсы	95
5. Признание заслуг.....	111
Глава IV. ИСПОЛИН ЗНАНИЯ. ОПИСАНИЕ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ	
1. А. В. Горский как церковный историк, богослов и археограф.....	114
2. План, схема и состав описания славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки.....	123

3. Цензорская критика в адрес «Описания» и «Апология» А. В. Горского.....	129
4. Описание рукописей Священного Писания Ветхого Завета.....	136
5. Описание рукописей Священного Писания Нового Завета.....	144
6. Описание рукописей творений святых отцов и богослужебных книг.....	148
7. Значение «Описания» для славянской филологии и отечественной археологии.....	152
Глава V. РЕКТОР МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ	
1. У Престола благодати.....	157
2. В Комитете по преобразованию духовных училищ.....	162
3. Самый прочный для Академии начальник.....	169
4. «Папаша».....	174
5. «Я хочу скорее домой».....	192
 Заключение.....	 197
Приложения.....	203
Примечания.....	219
Источники и литература.....	245

Мельков Андрей Сергеевич

ИСПОЛИН ЗНАНИЯ: ЖИЗНЕОПИСАНИЕ
ПРОТОИЕРЕЯ А. В. ГОРСКОГО

Монография

Директор издательства *И. И. Шестопалов*

Редактор *Л. И. Дорогова*

Художник *В. В. Покатов*

Технический редактор *Н. В. Соловьева*

Верстка *В. Н. Спиридоновой*

Корректор *А. Н. Макаров*

Подписано в печать 24.09.2012

Усп. п. л. 16,25. Формат 60×90¹/₁₆

Бумага офсетная. Печать офсетная

Гарнитура Garamond. Тираж 500 экз.

Изд. № 1-6-2012. Заказ №

ФГБУ «Российская государственная библиотека»,

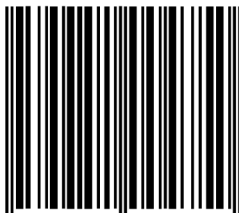
Издательство «Пашков дом»

119019, Москва, ул. Воздвиженка, 3/5

тел./факс: 8-495-695-59-53

e-mail: pashkov_dom@rsl.ru

ISBN 978-5-7510-0553-5

9 785751 005535

Мельков Андрей Сергеевич – кандидат филологических наук, Президент Института современных гуманитарных исследований, член Союза писателей России. Автор книг «Жизненный путь и научное наследие протоиерея А.В. Горского» (2006) и «Русская археография в XIX веке» (2011), а также ряда статей в области славянской филологии и русской церковной истории.